ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Алтайский филиал

В.П. Барбашов, А.В. Пыриков

ВАЛЕНТНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОСНОВНЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ ПРИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

(на материале немецкого языка)

Монография

Барнаул 2023

УДК 81.23
ББК 81.1+81.2
Б-24

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Н.В. Халина

доктор исторических наук, профессор С.В. Цыб

Барбашов В.П., Пыриков А.В.

Б-24 Валентностный потенциал основных морфологических классов слов при вербализации категории исторической памяти в художественном и публицистическом дискурсах (на материале немецкого языка) // В.П. Барбашов, А.В. Пыриков. – Барнаул: Типография АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2023. – 249 с.

ББК 81.1+81.2

© Барбашов В.П., Пыриков А.В., текст, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……...5

Глава I. Традиционный подход в рассмотрении теории валентности……10

1.1 Становление и развитие общей теории валентности……...11

1.2. Актуальные проблемы современной теории валентности……..18

1.2.1. Проблема определения валентностного статуса членов предложения…..19

1.2.2. Проблематика актантов и свободных распространителей……..21

1.2.3. Проблема описания уровней валентности……29

1.2.4. Проблема описания валентности морфологических классов слов (на основе глагольной валентности)……38

1.3. Коммуникативный аспект теории валентности……...43

Глава II. Валентностный потенциал морфологического класса глаголов при вербализации исторической памяти в художественном дискурсе ……..58

2.1. Историческая память и ее роль как понятийной категории в художественном дискурсе……59

2.2. Реализация валентностных свойств глагола……...76

2.2.1. Синтаксическая облигаторность актантов глагола……..81

2.2.2. Семантическая облигаторность актантов глагола……88

2.2.3. Коммуникативная облигаторность актантов глагола……..92

Глава III Валентностный потенциал морфологического класса имён существительных при вербализации исторической памяти в художественном дискурсе …….....105

3.1. Реализация валентностных свойств имени существительного……...105

3.1.1. Синтаксическая облигаторность актантов существительного……..108

3.1.2. Семантическая облигаторность актантов существительного……...117

3.1.3. Коммуникативная облигаторность актантов существительного……..127

Глава IV. Валентностный потенциал морфологического класса глаголов и имен существительных при вербализации исторической памяти в публицистическом дискурсе ……...138
4.1. Историческая память и ее роль как понятийной категории в публицистическом дискурсе……138
4.1.1 «Внутрення форма» языка как вербальная основа понятийной категории исторической памяти……...141
4.1.2. Публицистический текст как фрагмент дискурса (немецкая школа дискурсивного анализа)…….....148
4.1.3. Сверхфразовое единство как единица анализа языковых средств в публицистическом дискурсе……..161
4.2. Языковые средства вербализации категории исторической памяти (интенциональный подход) ……...167
4.2.1. Грамматические средства вербализации интенционального состояния «историческая память»……...167
4.2.2. Транспозиции форм Präsens и их роль в маркировании дискурсиных событий в контексте исторической памяти……..175
4.2.3 Фразеологизмы как языковые средства маркирования коллективной исторической памяти…….180
4.2.4. Модальные слова как маркеры интенциональных установок к дискурсивным событиям……183
4.3. Валентностный анализ основных морфологических классов слов в публицистическом дискурсе……189
4.3.1. Валентностный потенциал интенциональных глаголов……192
4.3.2. Валентностный потенциал отглагольных существительных……....202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….....216
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК……222

ВВЕДЕНИЕ

Как показывает анализ трудов отечественных и зарубежных ученых, проблематика вербализации исторической памяти Германии является предметом многих научных изысканий и до сих пор не утрачивает своей актуальности. Многие из этих работ сфокусированы на изучении трагических этапов исторического развития этой страны, например, ее национал-социалистического прошлого [Борозняк, 2014; Вырупаева, 2018; Колесов, Маслова, Сухова, Шиманская, 2018; Тюкина, 2020, и др.]. В частности, А.П. Вырупаева отмечает: «Национал-социалистическое прошлое Германии является глубокой незаживающей раной немецкой истории. Способы осознания данного периода довольно различны – от вытеснения прошлого из сознания до его принятия как страшной, разрушительной части германской истории» [Вырупаева, 2018, с.154]. Доктор исторических наук, профессор А.И. Борозняк подчеркивает, что прошло уже более полувека, как в немецком языке возникло сочетание *Bewältigung der Vergangenheit*, которое не имеет эквивалентов в других языках, а на русский буквально переводится как «преодоление прошлого». Данный термин, по мнению исследователя, олицетворяет национальную боль немцев за свое историческое прошлое: «И, хотя в этом словосочетании стыдливо отсутствует указание на то, о каком именно прошлом идет речь, каждому немцу ясно: речь идет не об абстрактном далеком «прошлом», но о кровоточащем времени национал-социалистического господства: раны не заживают, а прошлое “не зарастает травой”» [Борозняк, 2014, с.7]. И здесь сложно не согласиться с этим утверждением. Действительно, эта боль отражена во многих художественных произведениях, валентностный анализ которых лег в основу практической части представленного исследования. Например, роман Бруно Апица «Голый среди волков» повествует о заключенных концентрационного лагеря Бухенвальд, которые рискуют собой, пряча молодого польско-еврейского мальчика. И с уверенностью можно сказать, что эта книга является своего рода мемориалом

жертвам нацизма и переведена на 30 языков мира. Сам же Бруно Апиц как коммунист был узником Бухенвальда с 1937 по 1945 год.

Фактическим материалов для данного исследования в рамках художественного дискурса послужили аутентичные фрагменты текстов из художественных произведений, датируемые второй половиной XX – начала XXI вв., общим объемом около 4700 страниц, что позволяет получить дастаточно объективные результаты и сделать достоверные выводы.

Выбор именно такого вида текста обоснован тем, что он представляет собой некую «застывшую» форму дискурса, где четко можно установить главную цель коммуникантов, ради которой они осуществляют действия для построения этого дискурса. В нем очевиден статус каждого говорящего и слушающего и задан определенный прагматический контекст. Кроме того, диалоги персонажей художественного произведения позволяют исследовать все виды бесед и описать их отличия друг от друга в строгих структурных терминах. Существует возможность систематизировать редкие или в значительной степени отклоняющиеся от нормы данные, либо те данные, которые невозможно получить при помощи письменных или аудиозаписей [Плотникова, 1998]. Ученые отмечают преимущества фиксированного письменного текста: прежде всего, возможность анализировать примеры [Мельников, 1981] и наблюдать речь персонажей в определенном социальном контексте, ситуации [Комина, 1983]. В процессе работы над произведением писатель воссоздает общепринятые особенности речевого поведения, а значит, несмотря на художественную трансформацию, основные строевые черты устного разговорного текста, в целом, верно отражены в письменном разговорном тексте реалистической литературы [Беркнер, 1974]. Таким образом, тексты художественных произведений, использующиеся в работе для анализа реального речевого поведения, могут рассматриваться в качестве коммуникативного пространства.

Проблема сочетаемости языковых единиц, к которой относится теория валентности, долгое время вызывает неиссякаемый интерес ученых. При этом

становится очевидным, что исследование валентностной сущности не может сводиться только к описанию ее функционирования на уровне языка. Многие отечественные и зарубежные лингвисты, например, С.М. Кибардина, Г. Хельбиг и др., утверждают, что валентностные свойства различных морфологических классов слов зачастую носят скрытый характер, так как могут реализовываться, хоть и нерегулярно, в речевом пространстве.

В настоящее время известны исследования, посвященные вопросам теории валентности, Б.А. Абрамова, В.Г. Адмони, С.М. Кибардиной, О.И. Москальской, М.Д. Степановой, Н.И. Филичевой. Немецкая лингвистика в этом направлении представлена, прежде всего, работами В. Бондцио, Г. Глинца, В. Флемига, Г. Хельбига, В. Шенкеля, Х. Шрайбера, У. Энгеля и многих других. Среди отечетвеных ученых, занимающихся данной научной проблематикой уже в XXI веке, можно отметить труды А.В. Авериной, О.Н. Бондиной, М. В. Влавацкой, Б.М. Джондар, А.Д. Лоова, М.В. Марченко, О.В. Петряниной, Н.А. Черкасовой, Н.А. Чубаровой и многих других.

Следует отметить, что при исследовании понятия валентности долгое время значительное внимание уделялось раскрытию валентностных характеристик различных морфологических классов. Большинство работ освещали проблему функционирования языковых единиц, обходя стороной способы их реализации в речевом пространстве. Поэтому и актуальность предлагаемого исследования определяется, с одной стороны, отсутствием фундаментальных работ, посвященных раскрытию закономерностей функционирования валентности в коммуникативном пространстве. С другой стороны, взаимодействие актантов в речи в количественной и качественной представленности при отсутствии способов их разграничения требует расширить традиционные рамки понятия «валентность». В первую очередь, это напрямую касается уровней валентности, в связи с появлением новой коммуникативно направленной концепции валентности. С целью установления

закономерностей реализации скрытых валентностных свойств рассматриваемых морфологических классов в речевой сфере современного немецкого языка были определены задачи, включающие в себя: выявление облигаторных актантов глаголов и имен существительных на синтаксическом уровне; установление специфики семантически облигаторных актантов глагола и имени существительного; выявление скрытого характера валентностных свойств глаголов и имен существительных.

Фактическим материалов для данного исследования в рамках публицистического дискурса послужили тексты современной прессы ФРГ из таких современных периодических изданий, как «Deutschland», «Focus», «Spiegel» и «Stern» в период за последние 30 лет (1990-2020 гг.), т.е. начиная от объединения Германии и до настоящего времени. Данные печатные издания относятся к так называемой «качественной прессе», которая не только предлагает информацию о различных сферах жизнедеятельности определенного социума, но и «обеспечивает образцы приемлемого языкового употребления» [Менджерицкая, 1999, с. 14]. Как подчеркивает Т. ван Дейк, «вопреки распространенным убеждениям новости, опубликованные в прессе, обычно лучше запоминаются, чем телевизионные новости, и воспринимаются как более качественные, что может влиять на убеждающий характер, а значит, и власть этого типа дискурса» [ван Дейк, 2013, с. 76].

При анализе практических источников в исследовании нами были использованы словарные статьи таких важных лексикографических источников, как Duden Deutsches Universalwörterbuch [Duden, 1989], Wahrig Deutsches Wörterbuch [Wahrig, 1997] и Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache [Langenscheidt, 1997]. В этих популярных толковых словарях зафиксированы национальные черты норм современного литературного немецкого языка. При анализе валентности глаголов и существительных использовались словарь по валентности и дистрибуции немецких глаголов Г. Хельбига и В. Шенкеля [Helbig, Schenkel, 1978] и словарь валентности и

дистрибуции существительных немецкого языка К. Зоммерфельдта и Г. Шрейбера [Sommerfeldt, Schreiber, 1980].

Данная научная монография представляет собой междисциплинарное исследование, рассчитанное на широкий круг читателей: ученых в области германской филологии, прагмалингвистики, когнитологии, лингводидактики, лингвофилософии, культурологии и политической лингвистики, а также студентов, магистрантов, аспирантов, занимающихся изучением современного немецкого языка.

Глава I. Традиционный подход к теории валентности

Теория валентности берет свое начало из области синтаксиса, а точнее из его синтагматической сферы. Синтаксис (от греч. <*syntaxis* – построение, порядок) – это основная часть, сердце грамматики любого языка. Сфере синтаксиса принадлежат те языковые единицы, которые непосредственно служат для общения людей – предложения-высказывания. Традиционно термин «синтаксис» имеет два значения: 1) синтаксисом называется область грамматического строя языка, которая включает характерные для конкретных языков средства и правила построения предложений, высказываний, текстов; 2) синтаксисом называется наука, изучающая эти правила. В синтаксисе, как науке, изучаются синтаксические связи и отношения между словами и предложениями, т.е. выявляются правила синтаксической связи и функционирования единиц языка в предложении. Именно это положение предопределило появление теории валентности.

С давних пор неоспоримым является тот факт, что слова того или иного языка не употребляются изолированно, так как они всегда соединяются в конкретном речевом акте, в предложении с «определёнными партнёрами». Их сочетательные потенции с такого рода партнёрами в определённом окружении не случайны и не произвольны. Они подчиняются, как правило, особым закономерностям, которые сравнительно поздно стали предметом внимания языковедов. В настоящее время основные закономерности комбинирования одной единицы языка с другой объединяются понятием валентности в самом общем смысле. Таким образом, на долю валентности выпадает решающая роль при рассмотрении синтагматических аспектов частей речи. Тем самым валентность в самом общем смысле предусматривает необходимое или возможное контекстуальное окружение слова, контекстуальные связи слова, контекстуальные отношения между различными частями речи в предложении на семантическом и синтаксическом уровнях, контекстуальную сочетаемость слов как семантических или синтаксических партнёров в предложении. Это

способствовало, в конечном счете, тому, что благодаря пересечению теории валентности с синтаксисом и семантикой, появились семантическая и синтаксическая концепции данной теории.

В настоящее время во всем мире известны исследования, посвященные вопросам теории валентности Б.А. Абрамова, В.Г. Адмони, С.М. Кибардиной, О.И. Москальской, М.Д. Степановой, Н.И. Филичевой и многих других. Германистика представлена, прежде всего, работами В. Бондцио, Г. Глинца, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, В. Флемига, Г. Хельбига, В. Шенкеля, Х. Шрайбера, У. Энгеля и многих других.

По словам некоторых лингвистов, ни одна из грамматических теорий не послужила толчком для появления в лингвистике столь многочисленных и разнообразных теоретических и практических работ, как современная теория валентности. Это стало возможным в связи с тем, что в целом, теория валентности оказалась созвучной ряду ведущих проблем современной науки о языке, а также методике преподавания языков благодаря наличию как сходных черт, так и различий в сочетательных закономерностях единиц разных языков [Степанова, 1973, с. 5-9].

Появление в последние годы все новых работ, базирующихся на валентностном подходе к описанию различных языковых явлений, лишний раз показывает непреходящий интерес исследователей к данному направлению (см., например, [Zarbach-Peter, 2005], [Bondzio, 2002] и др.).

1.1. Становление и развитие общей теории валентности

Понимание культур через посредство ключевых слов – это метод, широко практикуемый сегодня во многих гуманитарных дисциплинах, включая лингвистику и философию. Идея о том, что национальная культура может быть понята лишь через язык, в лингвистике была наиболее четко и последовательно выражена в так называемой гипотезе Сепира-Уорфа (гипотезе лингвистической относительности). Суть гипотезы заключается в том, что структура мышления определяется структурой языка. Генетически эти идеи восходят к В. Фон

Гумбольдту. Однако, обратившись к истории философии, мы можем найти у гипотезы лингвистической относительности и более далеких предшественников. В философии стоиков особое и весьма важное место занимают проблемы языка. Это дает основания считать стоиков (в частности, Зенона, Хрисиппа, Диогена Вавилонского) не только собственно философской школой, но и одной из наиболее крупных школ в истории лингвистических учений, несмотря на то, что они создали целостную систему знаний о слове скорее в философском, чем в чисто лингвистическом понимании: предметом их интереса было слово как *логос*, включающее в себя речь и разум (мысль). Собственно говоря, именно на изучение *логоса* были ориентированы три составляющие стоической философии – логика, физика и этика (вообще учение стоиков разрабатывалось на основе языкового материала, и в первую очередь на основе того, что сегодня мы назвали бы семантическим синтаксисом). В основе диалектики стоиков лежало представление о знаковом характере логоса, выражавшееся в необходимости различать в речевом акте *означающее* (звук человеческой речи) и *означаемое, лектон* (смысловую сторону речи, лежащую между звуком и мыслью).

Таким образом, само понятие языкового знака восходит именно к стоикам, которых можно считать основателями семиотической теории языка. Понятия *означающего* и *означаемого*, предложенные стоиками, несколько отличны от омонимичных понятий современной теории знака и заслуживают особого внимания. Грамматические категории относятся у стоиков к *означаемому*, являясь промежуточной рациональной структурой, позволяющей объединить слово и предмет. В частности, падеж трактовался стоиками как категория означаемого, т.е. в первую очередь с семантических позиций. Вопросы, обсуждавшиеся стоиками, до сих пор находятся в сфере интересов семантики. К примеру, на современную проблему соотношения глубинной и поверхностной синтаксической структуры можно смотреть как на

переосмысленную проблему означающего и означаемого, сформулированную стоиками.

Вообще говоря, стоики были первыми (по крайней мере, в Европе), кто объяснял разницу между культурами через язык: произносится слово на греческом языке (т.е. *означающее*), его слышат грек и варвар; грек воспринимает *означаемое* данным словом, а варвар – нет, поскольку для него между произнесенным словом и означаемым им предметом оказывается пропущенное звено (*лектон*), позволяющее установить связь; для варвара сказанное слово остается неосмысленным акустическим комплексом.

Однако само понятие валентности в лингвистике, в его сегодняшнем варианте, появилось и получило своё распространение во второй половине двадцатого века – прежде всего под влиянием грамматики зависимостей Л. Теньера. Конечно, само явление валентности в его общем смысле (ещё не в качестве уточнённого понятия и соответствующего термина) встречалось в грамматике и прежде. Уже К. Бюлер в своей грамматике сознавал, что “слова определённого класса слов могут иметь в своём окружении одну или несколько открытых позиций, которые должны быть заполнены словами других определённых классов” [цит. по Абрамов, 2001, с. 72]. Однако его замечания остались лишь общими намётками и в то время не получили дальнейшего систематического развития. Считается также, что термин «валентность», а точнее – «синтаксическая валентность», под которой понималось свойство слова определенным образом реализовываться в предложении и вступать в определенного рода комбинации с другими единицами языка, впервые употребил С.Д. Кацнельсон [Кацнельсон, 1948, с. 132-148].

Это было осуществлено только в лингвистике 50-х годов XX века, когда Л. Теньер в рамках своей грамматики зависимостей при структурном анализе предложений стал исходить из глагола, и рассматривал в качестве непосредственно зависимых от него «актанты» и «обстоятельственные слова», (т.е. действующие лица и сопутствующие обстоятельства). В отличие от

«сопутствующих слов» число «актантов» в предложении зависело от глагола. Способность глаголов принимать и удерживать при себе определённое число «актантов» Теньер сравнивает с известным свойством атома в химии и называет её «валентностью». Понятие валентность происходит из химии: (от лат. valentia – сила), мера способности атома химического элемента (или атомной группы) образовывать химические связи с другими атомами (или атомными группами).

Водород (H), химический элемент VII группы периодической системы Менделеева, например, одновалентен или одноатомен (1,0079). Благодаря этому химическому элементу определяется валентность других атомов. Таким образом, валентность – это категория числа, которая указывает, с каким количеством атомов водорода или равнозначных с водородом атомов образовывается другой атом, а именно как много атомов водорода образовавшийся атом может заменить. В зависимости от числа актантов («actants») Теньер различает авалентные, моновалентные, дивалентные и тривалентные глаголы [цит. по Helbig, Schenkel, 1978, S. 13]. Примерно в тот же период понятие и термин «валентность» начинают активно разрабатываться и в отечественном языкознании.

Так, например, С. Д. Кацнельсон понимает под валентностью способность слова определённым образом реализоваться в предложении и вступать в различные комбинации с другими словами. Более широко и эксплицитно пользуется понятием валентности А.В. де Грот, рассматривающий её как показатель ограниченных возможностей употребления одних частей речи по отношению к другим, способности или неспособности слова определяться другим словом или самому определять другое слово. Но обе эти концепции не приобрели – очевидно, в связи с языковыми барьерами – широкой известности и в меньшей мере повлияли на описание немецкого языка.

В большей степени понятие валентности в немецкой грамматике распространилось благодаря работам Л. Теньера в связи с его

вербоцентрической концепцией. Тем самым было предопределено его применение; поначалу оно казалось лишь синтаксическим приёмом и связывалось, прежде всего, с глаголом. Таким образом, оно явилось -, например, для Х. Бринкмана и И. Эрбена – базой для разработки моделей предложения. Х. Бринкман называет, вслед за Л. Теньером, валентностью «способность глагола требовать заполнения других позиций в предложении», а «сами позиции, открытые для соответствующих отношений», «партнёрами». Как и Л. Теньер, Х. Бринкман считает, что глагол определяет, сколько позиций в предложении должны быть заняты и выявляет тем самым определённую иерархию в предложении.

И. Эрбен понятие валентности обозначает термином «*Wertigkeit*». Он отмечает, что от вида и валентности глагола – «её можно сравнить с валентностью атома – зависит характер и число дополняющих слов (*Ergänzungsbestimmungen*), появляющихся в положении до и после глагола и формирующих схему предложения» [Erben, 1967, S. 231]. На основе валентности глагола И. Эрбен разрабатывает свои основные модели немецкого предложения и включает – в отличие от Л. Теньера и Х. Бринкмана – в валентностные отношения в качестве «дополнений» также предикативы и необходимые обстоятельственные определения [Степанова, Хельбиг, 1978, с.143].

У.Энгель определяет валентность следующим образом: если существуют дополнения, которые подчиняются определённым элементам специфически (subklassenspezifisch), то эти элементы следует обозначить соответствующим образом; они должны раскрывать качество предмета или явления, которое они выражают, как необходимость для комбинации с дополнениями; качество, которое требует специальные дополнения или как минимум допускает и к тому же исключает другие дополнения. Такое качество У.Энгель называет валентностью. Далее он утверждает, что валентность свойственна всем словам без исключения, которые могут иметь дополнения [Engel, 1988, S. 24].

Особенно широкое распространение и в особенно широком объёме понятие валентности получило в отечественном языкознании. То, что Л. Теньер и Х. Бринкман называют валентностью, а И. Эрбен определяет как Wertigkeit, например, в работах В.Г. Адмони появляется – в несколько ином и расширенном смысле – под термином «сочетательная потенция» (Fügungspotenz) или «сочетаемость» (Fügungswert). Он пишет о сочетательных потенциях и валентности, которые присущи каждой части речи и которые актуализируются частично под влиянием контекста и ситуации. Эти потенции «дремлют» в части речи и «оживают» лишь в конкретном процессе речи. В прямой связи с точкой зрения К. Бюлера такие сочетательные потенции – в противоположность вербоцентрической теории предложения – В.Г. Адмони признаёт за каждой частью речи.

Сходным является понятие валентности у С.Д. Кацнельсона, Т.П. Ломтева, Б.М. Лейкиной и др., даже если оно в большинстве случаев и показано на примере глагола. Это касается также работ Б.А. Абрамова, который рассматривает сочетательную потенцию как свойство всех частей речи, различая при этом центростремительную и центробежную потенции [Абрамов, 2001, с. 139].

Несмотря на такое расширение понятия валентности, стало очевидным, что в его толковании ещё имеется ряд спорных моментов. Так, не были разработаны достаточно точные критерии определения валентности. Например, Хельбиг и Шенкель определяют валентность как способность глагола создавать определённые открытые позиции, которые заполняются облигаторными или факультативными актантами. Г. Хельбиг понимает под валентностью способность глагола или другой части речи открывать позиции в предложении и заполнять их облигаторными или факультативными актантами (= Mitspieler, Ergänzungsbestimmungen).

Х. Бусман рассматривает «валентность» как способность лексемы создавать своё синтаксическое окружение и так далее. В связи с таким

многообразием дефиниций понятия «валентность» не удавалось разграничить валентно-связанные члены словосочетаний. Было установлено, что некоторые слова, хотя и имеют «открытые позиции» в своём окружении, но при определённых условиях не требуют их заполнения, поэтому появилась необходимость различать облигаторную и факультативную валентность не только интуитивно, но и на основе соответствующих критериев. Эта и другие сходные проблемы привели к тому, что в 60-е годы вокруг валентности снова развернулась широкая дискуссия, которая, прежде всего, коснулась центральной проблемы – уровней валентностных отношений и отношений между этими уровнями. Это обстоятельство было не в последнюю очередь обусловлено тем, что Л. Теньер оставил многие вопросы нерешёнными, и что недостатки в его толковании понятия валентности были перенесены в работы его последователей. Однако одним из наиболее актуальных направлений в современной теории валентности является проблема соотношения валентности и коммуникации. Очень часто теорию валентности упрекали в том, что она как бы изолирует язык как систему от процесса коммуникации, в то время как язык может существовать только в речи. В этой связи актуальными в настоящее время становятся вопросы отношения между словом и контекстом, словом и текстом, а значит, и между валентностью и текстом, так как валентность – это качество слов, которые благодаря определённым правилам объединяются в словосочетания, предложения и тексты. Описание валентности как структурно-семантического явления ведёт к сужению понятия валентности.

Расширяет это понятие М. Миоланен, он в свою очередь через понятие «необходимость» указал на облигаторность (обязательность) членов предложения, которые являются скорее не синтаксически необходимыми, а в большей степени текстово-синтаксически или коммуникативно-необходимыми. Таким образом, члены предложения, которые на синтаксическом уровне предложения являются лишь свободными распространителями на текстово-

грамматическом или коммуникативном уровне становятся облигаторными актантами [Helbig, 1985, S.153].

(1) *Sie legen uns alle schon* ***vorher*** *um* [Apitz, 14].

(1′) **Sie legen uns alle schon___?____um.*

Актант ***vorher*** является, согласно традиционной трактовке теории валентности, всего лишь свободным распространителем, однако на уровне рассматриваемой ситуации, он становится облигаторным актантом, так как помогает реализовать коммуникативное намерение, в связи с чем, актуализируется необходимость присутствия данного актанта в данной коммуникативной ситуации. Релевантность этого актанта видится в том, что для говорящего наиболее важным и значимым в данной ситуации является не само действие «**umlegen**», а темпоральный актант, то есть момент времени, в который оно будет происходить. Таким образом, подобные актанты следует рассматривать как обладающие если не валентностью в её чистом виде, то, как минимум, валентностными свойствами.

1.2. Актуальные проблемы современной теории валентности

Данная часть исследования посвящена некоторым специфическим проблемам теории валентности, которые на протяжении длительного времени являлись предметом многочисленных дискуссий. Это, в первую очередь, проблемы, связанные с разделением актантов различных морфологических классов на облигаторные, факультативные актанты и свободные распространители. Проблема последних заключается в том, что они не связаны с базовым словом валентностью, а, следовательно, не являются необходимыми в предложении. Другой, не менее сложной проблемой, является проблема вычленения уровней валентности. Благодаря исследованиям, проведенным с учетом контекстуальной значимости актантов в предложении-высказывании, стало очевидным, что в иерархии уже известных валентностных уровней имеется лакуна, заполнение которой долгое время являлось причиной пристального исследовательского интереса.

1.2.1. Проблема определения валентностного статуса членов предложения

Одним из центральных и сложных вопросов теории валентности остается проблема валентностного статуса членов предложения. В настоящем исследовании рассмотрению будут подлежать только члены предложения, относящиеся к группам глагола и имени существительного.

Для расширения данного вопроса необходимо выяснить, какие члены предложения следует рассматривать как актанты глагола и существительного, связанные с ними валентностными отношениями. В традиционном понимании для заполнения открытых позиций служат все необходимые (notwendige) члены предложения. Однако такое общее утверждение представляется недостаточным, поскольку в этом случае открытым остается вопрос, о какой «необходимости» идет речь и как конкретно реализуется данная «необходимость». В этом вопросе мнения ученых до настоящего времени расходятся. Во многих случаях указанная необходимость членов предложения для заполнения открытых позиций вообще не получила какого-либо теоретического освещения и, следовательно, переход к эмпирическому выявлению определенных моделей валентности осуществляется без указания на критерии разграничения валентно-связанных членов предложения.

Различные виды подобной «необходимости» связаны, в первую очередь, с различными уровнями языка (см. раздел 1.2.3.). Лишь по отношению к конкретному уровню можно говорить о том, какой член предложения является необходимым, а какой нет. Одной из первых попыток, предпринятых учеными, была попытка описания синтаксической необходимости. Для выявления синтаксически необходимых членов высказывания были разработаны различные способы. М.Д. Степанова и Г. Хельбиг указывают на то, что недостаточно точным был разработанный Х. Ренике «синтаксический минимум», который, хотя и должен содержать минимально необходимые синтаксические элементы, фактически включая в себя коммуникативно, а не синтаксически необходимые члены. «Метод отчеркивания» Л. Вейсгербера и П. Гребе, отмечают авторы, являл собой шаг вперед, поскольку его целью было

свести предложения к их минимальному объему. Однако их опасения, что при выявлении необходимых членов окажется невозможным ограничиться теми из них, которые абсолютно необходимы для грамматического состава предложения, позднее оправдали себя [Степанова, Хельбиг, 1978, с.174].

Более точные результаты дал разработанный Г. Глинцем и Г. Хельбигом «метод опускания» (в понимании Г. Глинца), то есть «тест на элиминирование». Опуская тот или иной член предложения, можно установить, является ли остаток предложения грамматически правильным или неправильным. Если остаток предложения грамматичен, то элиминированный член предложения не является синтаксически необходимым; если он аграмматичен, то опущенный член облигаторен для состава предложения:

(1) *Es dauerte* ***eine ganze Weile*** [Apitz, 162].

(1′) * *Es dauerte.*

Тем самым определяется синтаксический минимум предложения. Но при этом различаются только облигаторные или необлигаторные компоненты. Однако валентно-связанные, то есть синтаксически необходимые члены предложения не сводятся только к облигаторным членам. Облигаторные, то есть неэлиминируемые, элементы не тождественны необходимым, число и характер которых обусловлены глаголом и связаны с ним валентностью. Валентно-связанный характер членов предложения следует рассматривать в зависимости от того, к какому уровню валентности они относятся. Что касается валентности глагола, то уже давно устоялся состав его необходимых членов предложения. Однако вопрос о рассмотрении обстоятельств в качестве облигаторных актантов, а, следовательно, и их валентно-связанного статуса не всегда получал должного освещения.

Так, большинство обстоятельств рассматривается в качестве свободных распространителей, которые в предложении не ограничены в количественном отношении и могут свободно добавляться и опускаться, без нарушения грамматичности предложения.

(2) *Momo blickte den Mann* ***überrascht*** *an und nickte* [Ende, 91].

(2′) *Momo blickte den Mann an und nickte.*

В предложении (2′) обстоятельство является свободным распространителем и не влияет на грамматический состав предложения.

Однако в ряде случаев синтаксическая облигаторность обстоятельств имеет место, например:

(3) *Der legte den linken Arm* ***auf den Rücken*** ... [Apitz, 158]. - Синтаксически облигаторное обстоятельство направления (***auf den Rücken***).

(3′) * *Der legte den linken Arm.*

(4) *Auch sein Gesicht sah aus* ***wie graue Asche*** [Ende, 90]. - Синтаксически облигаторное обстоятельство образа действия (***wie graue Asche***).

(4′) **Auch sein Gesicht sah aus.*

Таким образом, обстоятельства входят в ряде случаев в состав глагольной валентности. Не следует отрицать возможность обладания ими валентно-связанного характера. При рассмотрении валентно-связанного характера актантов имени существительного, встает закономерный вопрос о том, как описывать валентностный статус определений. Очень долгое время валентность существительных рассматривалась в рамках изученной валентности глагола и прилагательного, поскольку признавалось наличие факультативных актантов только у отглагольных и отадъективных существительных. Вне исследовательского внимания оказались собственно имена существительные, так как они не рассматривались как носители валентности. Однако существуют случаи, когда определение проявляет свой валентно-связанный характер.

Таким образом, валентностный статус определений и обстоятельств следует изучить более детально в рамках теории валентности, что облегчит дальнейшее исследование специфики функционирования «необходимых» элементов предложения.

1.2.2. Проблематика актантов и свободных распространителей

До сегодняшнего дня одним из центральных и сложных вопросов теории валентности является проблема разделения актантов (или соучастников) на облигаторные, факультативные актанты и свободные распространители.

В лингвистике существует ряд удачных попыток разграничить актанты на обязательные (облигаторные) и факультативные. Так, описывая валентность прилагательных, подобные исследования выполнил В.В. Кораблин [Кораблин, 1981]. Суть их заключается в том, что на уровне предложения (словосочетания) семантические связи слов реализуются через синтаксические. Исследуя валентность прилагательного, В.В. Кораблин подразделяет ее на активную и пассивную. Формой реализации пассивной валентности прилагательного автор считает согласование прилагательного с существительным в роде, числе и падеже. Для разграничения активной валентности, реализуемой в управлении и примыкании, используется метод субституции, устанавливающий, соотносятся ли управляемые зависимые предложные конструкции с наречиями. Там, где возможна эквивалентная замена наречием, фиксируется связь примыкания:

begehbar in den Bergen – hier, dort

wütend ohne Maß - maßlos

Следующим шагом к решению проблемы актантов стала попытка трёхчленного деления элементов предложения на облигаторные, факультативные актанты и свободные распространители. Вопрос о подобном разделении актантов не прослеживается у Л.Теньера и его последователей, однако он является одним из центральных и сложных.

В настоящее время под валентностью чаще всего понимают способность глагола (или другой части речи) создавать вокруг себя определенные открытые позиции, которые должны быть заполнены облигаторными или факультативными актантами. Актанты (или “соучастники”) - это члены, заполняющие открытые позиции. Г.Хельбиг и В. Шенкель указывают на трехчленное деление элементов предложения (облигаторные, факультативные актанты и свободные распространители) [Helbig, Schenkel, 1978, S.33]. Основываясь на их исследовании, можно проследить насколько значимыми могут быть свободные распространители, если рассматривать их присутствие с точки зрения коммуникативного

намерения. Как облигаторные, так и факультативные актанты (и те, и другие относятся к необходимым членам предложения) связаны с глаголом валентностью, закрепленной в позиционном плане глагола, поэтому их число и характер можно точно установить. Напротив, свободные распространители, как ненеобходимые члены, с глаголом не связаны, количественно не ограничены и поэтому могут в синтаксической структуре почти каждого предложения свободно опускаться или добавляться. Обратимся к примерам:

(5) Er lebte ***in Deutschland***,

где ***in Deutschland*** является свободным распространителем. Он не является необходимым для сохранения структуры предложения, но может быть актуализован, будучи помещенным, в определенную коммуникативную ситуацию, в которой локальное обстоятельство может точнее раскрыть интенцию говорящего.

(6) *Er wohnt* ***in Berlin****,*

где ***in Berlin*** является облигаторным актантом. Глагол **wohnen**, в отличие от глагола **leben** обладает обязательной локальной семой, что требует обязательного наличия обстоятельства места в предложении. Следовательно, из двух синонимичных глаголов *leben* и *wohnen* только последний имеет при себе облигаторное обстоятельство.

(7) *Er isst* ***die Suppe***,

где ***die Suppe*** является факультативным актантом, входит в состав актантов глагола, но при условии, что предложение не вырвано из контекста, в котором этот актант может быть актуализован.

Если обратиться не к поверхностной, а к глубинной структуре, то здесь возникает ряд вопросов. Так, М. Миоланен через понятие «необходимость» указал на облигаторность (обязательность) членов предложения, которые не являются синтаксически необходимыми, а их актуальность обусловлена в большей степени текстом или коммуникативной ситуацией. По его мнению, например, члены предложения, которые на синтаксическом уровне предложения

являются лишь свободными распространителями на текстово-грамматическом или коммуникативном уровнях становятся облигаторными актантами [цит. по Helbig, 1985, S.153].

(8) *Er lebte* ***in Berlin***;

(9) *Er lebte* ***noch gestern***.

В данных случаях в обоих предложениях наличествуют согласно тесту на элиминирование, казалось бы, только свободные распространители. Однако М. Миоланен считает, что в предложении (6) обстоятельство ***noch gestern*** несёт самую важную информацию и не может быть всего лишь свободным распространителем вследствие его понятийной актуальности. Подобные случаи не соотносятся с традиционной трактовкой теории валентности. Анализ подобных примеров приводит к пониманию необходимости рассмотрения коммуникативной облигаторности, прежде всего, обстоятельств, являющихся зачастую на уровне языка лишь свободными распространителями, но способных актуализовываться в контексте. Подобные предложения лишний раз свидетельствуют об имеющейся «лакуне» в исследованиях, касающихся валентно-связанного характера так называемых свободных распространителей, которые на уровне контекста могут становиться облигаторными актантами. Их необходимость в конкретной коммуникативной ситуации позволяет отнести данный класс актантов к коммуникативно-облигаторным. Этот факт дает основание признать разделение синтаксической и контекстуальной валентности, а подобные члены предложения, считать обладающими не валентностью, а скорее скрытыми (латентными) валентностными свойствами.

Подобно тому, как синтаксическая валентность зависит от других грамматических категорий, она, в свою очередь, служит основой для изучения других синтаксических явлений. Следует упомянуть, что проблема предложения и порядка слов частично детерминируется валентностью. Прежде всего, на базе валентности конституируются синтаксические модели

предложения. Число облигаторных и факультативных актантов в предложении позволяет выявить основные модели предложения в немецком языке.

Й.Эрбен, обозначая валентность как «Wertigkeit», опирается на нее при построении моделей предложения. Среди них он выделяет:

1. $E_1 – V$

Er isst. Валентностью предиката обусловлено облигаторное заполнение открытой позиции только подлежащим.

2. $E_1 – V – E_2$

Er benutzt das Auto. Глагол инициирует появление дополнительного актанта (дополнения в винительном падеже).

3. $E_1 – V – E_2$
$\diagdown E_3$

Er besucht den Freund regelmäßig. Глагольной валентностью предусматривается облигаторное заполнение трех открытых позиций.

E_2
4. $E_1 – V – E_3$
E_4

Sie macht ihm sein Unrecht klar. Глаголом открывается максимальное количество открытых позиций [Абрамов, 2001, с.134].

В данных моделях **V** – это вербальное ядро высказывания; $\mathbf{E_{1,2,3,4}}$ – «Ergänzungsbestimmung», или актант, который может быть выражен различными частями речи в различных падежах.

М.Д. Степанова и Г. Хельбиг рассматривают следующие модели предложения, основанные на глагольной валентности:

1) Sn – V

Die Pflanze geht ein – один облигаторный актант (подлежащее).

2) Sn – V – Sa

Der Direktor erwartet seine Gäste – два облигаторных актанта (подлежащее, дополнение в винительном падеже).

3) Sn – V – Sd

Der Raum gehört der Universität – два облигаторных актанта (подлежащее, дополнение в дательном падеже).

4) Sn – V – pS

Er verweist auf das neue Buch – два облигаторных актанта (подлежащее, дополнение, выраженное существительным с предлогом).

5) Sn – V – Sa – Sd

Der Hund brachte dem Mann eine Verletzung bei – три облигаторных актанта (подлежащее, дополнения в дательном и винительном падежах [цит. по Степанова, Хельбиг, 1978, с.168].

Вопрос принадлежности этих моделей к семантическому уровню вначале оставался открытым. Однако эти поверхностные модели были составлены таким образом, чтобы они не исключали возможности семантического описания. Поэтому с самого начала критиковались попытки интерпретировать поверхностные семантические модели как линейное соответствие 1:1, рассматривать предложение со структурой Sn – V – Sa автоматически как «предложения действия», предложение со структурой Sn – V как предложение процесса и предложение со структурой Sn – V (sein) – Sn как «предложения отождествления». Таким образом, синтаксический поверхностный уровень избирается в качестве исходного, семантические факты неоправданно переносятся в область синтаксиса. Между тем, следует идти от семантики и при этом выявить, в каких отношениях находятся семантические и синтаксические модели.

Логико-семантическая валентность создает предпосылки для семантического моделирования предложения, для типов предложения, выявляемых через общее ядро предложения, состоящее из предиката и соответствующего числа аргументов:

1) O + D + A

Er gibt ihm das Buch.

2) O + L

Der Mantel ist im Schrank.

3) O + L + A

Er legt den Mantel in den Schrank.

4) O + A

Der Pförtner öffnet die Tür.

5) O + A + I

Der Pförtner öffnet die Tür mit dem Schlüssel.

6) O + I

Der Schlüssel öffnet die Tür [цит. по Степанова, Хельбиг, 1978, с. 169].

В данном случае речь идет не о том, чтобы дать полный список семантических моделей предложения. Наиболее полное перечисление этих моделей рассматривается О.И. Москальской.

Синтаксические и семантические модели предложения нельзя считать диалектически несвязанными, исключающими друг друга. Напротив, они представляют собой взаимодополняющие и взаимообусловленные субмодели, не налагающиеся изоморфно друг на друга. Подобное наложение противоречило бы не только языковым фактам, но и диалектике отношений между грамматикой и лексикой, с одной стороны, синтаксисом и семантикой, с другой. Семантику моделей предложения нельзя описать, исходя из формы и независимо от лексики, необходимо исходить из реализуемых в аргументах значений, отражающих отношения действительности и находящих свое выражение в логико-семантической валентности [Степанова, Хельбиг, 1978, с.170]. Для существительного также представляется возможным переход от синтаксической валентности к моделям предложения, построенным на его синтаксической валентности. При этом сначала выделяются три структурные модели – согласно морфолого-синтаксическому статусу существительного, функционирующего в качестве предикатива, которые затем подвергаются

классификации по валентности (по числу актантов у предикативного существительного).

1-ая структурная модель: Sn + глагол-связка + Sn

а) одновалентные предикаты:

Dieses Kleid ist ein Geschenk.

б) двухвалентные предикаты:

Goethe war der Lehrer mehrerer Dichtergenerationen.

в) трехвалентные предикаты:

Diese Anerkennung ist die Unterstützung der Sportler durch die Regierung.

г) четырехвалентные предикаты:

Das wichtigste Ereignis im Jahre 1945 ist die Befreiung Europas vom Faschismus durch die Anti-Hitler-Koalition.

2-ая структурная модель: Sn + глагол-связка +Sg

а) одновалентные предикаты:

Er ist des Teufels.

б) двухвалентные предикаты:

Mein Freund ist frohen Mutes.

в) трехвалентные предикаты:

Er ist gleichen Sinnes wie sein Freund.

3-я структурная модель: Sn + глагол-связка +pS

а) одновалентные предикаты:

Dieser Schrank ist aus Holz.

б) двухвалентные предикаты:

Der Mann ist in Sorge [Степанова, Хельбиг, 1978, с.217].

При моделировании предложений на основе синтаксической валентности предикативного существительного встает вопрос о том, являются ли эти модели моделями того же уровня, что и модели с глагольным предикатом, или же это их субмодели. Решение данного вопроса зависит от того, является ли основным

носителем валентности в предложении глагол (без предикатива) или предикат в целом (включая предикатив).

Однако эти модели предложения описывают также валентность только с точки зрения наличия у глагола и существительного синтаксически и семантически облигаторных и факультативных актантов. Так называемые «свободные распространители», которые, как уже говорилось, могут добавляться и отбрасываться в предложении без того чтобы каким-либо образом изменялась или полностью нарушалась его структура, а также определения остаются обычно вне поля зрения лингвистов. Хотя именно они зачастую становятся облигаторными актантами вследствие их понятийной актуальности. Именно благодаря им часто сохраняется смысл, а, значит, полностью может реализовываться коммуникативное намерение говорящего. Для того чтобы наиболее четко описывать модели предложения и актантное наполнение открытых позиций, следует принимать во внимание еще и коммуникативный аспект валентности, который будет подробнее рассмотрен далее в следующих главах и разделах.

1.2.3. Проблема описания уровней валентности

Одной из наиболее актуальных проблем общей теории валентности является вопрос о разграничении уровней валентности. Как правило, выделяются традиционно три вида валентности – логическая, семантическая и синтаксическая.

Понятие валентности в научном описании языка воспринимается неодинаково и недостаточно прояснено (см. п. 1.1.). Это явствует из двух основных направлений, представляющих теорию валентности, и по-разному относящихся к трактовке самого понятия «валентность».

ВАЛЕНТНОСТЬ

1. Свойство значения устанавливать 2.Сочетательная способность одно-

отношения с другими значениями (С.Д. Кацнельсон, В. Бондцио, К.-Э. Зоммерфельдт, С.М. Кибардина и др.)	уровневых единиц языка (М.Д. Степанова, В.Г. Адмони, Г. Хельбиг, В. Шенкель и др.)

Можно заметить различные подходы к пониманию валентности как явления, что привело в дальнейшем к разделению двух направлений к описанию этого явления «семантического» и «синтаксического». В обоих случаях речь идет о комбинаторных возможностях единиц языка, одновременно являющихся и единицами речи. В теории валентности свойства слова как единицы языка выражаются в потенциальной валентности, а свойство того же слова как единицы речи – в реализованной валентности [Кибардина, 1979, с. 13].

Указанные подходы или направления в теории валентности (семантическое и синтаксическое) принято противопоставлять в зависимости от того, каким единицам языка (единицам плана содержания или плана выражения) приписываются эти валентностные свойства. Это наиболее фундаментальные, утвердившиеся точки зрения, остальные согласуются с ними в той или иной мере, или находятся в стадии становления, не предлагая радикального решения спорных вопросов.

В. Бондцио является одним из виднейших представителей «семантического» направления теории валентности. В основу его концепции, так же положена валентность глагола как ядра предложения. Синтаксическое моделирование по В. Бондцио опирается на валентность глагола, а собственно синтаксическим аспектом построения предложения являются взаимоотношения между компонентами, из которых оно строится.

Валентность В. Бондцио определяет, как свойство «семем» (словарных единиц) и считает, что она может быть только поэтому установлена путем семантического анализа. Данный анализ должен основываться на реляционном характере словарных единиц и сопровождаться указанием на количество и значение открытых позиций для заполнения. В. Бондцио не выделяет

синтаксическую валентность наряду с семантической (так как последняя проявляется синтаксически) и не разграничивает обязательную и факультативную, считая все места обязательными для заполнения.

Основой синтаксического анализа служит семантический, в частности, компонентный анализ значений, которые описаны в терминах формальной логики:

«Modell: S (XN, y an) Repräsentant: teilhaben an (XY) bzw., teilnehmen an (XY).

Grundstruktur: X hat teil an Y, bzw., nimmt teil an Y.

Funktor: Während «teilhaben an» den Zustand betont, hebt «teilnehmen an» den Prozeßcharakter. Leerstellen und semantisch-logische Rollen: X – Partizipient, d.h. der Teilnehmer an Y, bzw. Teilhaber an Y; Y – Partizipiertes, d.h. die Größe, an der der Partizipient X teilhat oder teilnimmt.

teilhaben an: X – Partizipienten, die sich vorrangig passiv verhalten, die aber Mitproduzenten, Mitträger von Y sein können (Personen); Y – Partizipiertes, ist vorrangig Ungegenständliches: Ideen, Gedanken, Geschäfte... auch Handlungen.

Verwendung: stilistisch gehoben – er hatte an seinen Ideen teil; sie ließ ihn an den Vorbereitungen teilnehmen; ich habe keinen teil daran» [Bondzio, 1982, S.573-577].

В модели В. Бондцио явственно ощутимо влияние развивающейся когнитологии: описание значений в терминах формальной логики. Это попытка обозначить связь языковых понятий с денотатом. Интенция, рассматриваемая сегодня как один из основных элементов в формировании языковой картины мира, позволяет сделать выбор в пользу одного из глаголов. Указана стилистическая сфера применения того или иного глагола.

Сам автор отмечает, что методика описания валентности изложена в общем виде и нуждается в уточнении на основе практических исследований [Bondzio, 1982, S.73]. Тем не менее, другие представители семантического направления, в частности С.М. Кибардина, считают методику В. Бондцио

достаточно последовательной и более полно отражающей реальное положение дел, чем другие теории [Кибардина, 1979, с.12].

Главным достижением семантического течения является признание зависимости сочетательных способностей единиц языка от их значения. Эту мысль подчеркнул в своем высказывании В.Г. Колшанский: «…любая теория языка, игнорирующая семантическую сторону языка, не только не может быть адекватной теорией, но вообще не может быть теорией языка, так как она в принципе противоречит природе самого объекта» [Колшанский, 1976, с.29]. (Ср., также: А. Вежбицкая: «Исследовать язык, не обращаясь к значению, это все равно, что изучать дорожные знаки с точки зрения их физических характеристик (каков их вес, каким типом краски они покрашены и т.п.) или же изучать структуру глаза, ни говоря ни слова о зрении» [Вежбицкая, 1999, с.3].

В данной работе за основу исследования принимается ставший традиционным синтаксический подход к описанию валентности. Термин «синтаксическое направление» весьма условен и не означает, что его представители отрицают значение семантики. Это разделение видится в том, что Теньер, при разработке теории валентности, не указал, к какому плану (содержания или выражения) относится это явление. Возможно, что это предопределил сам язык и традиционно существовавшие два подхода к анализу языковых явлений: от смысла к форме и от формы к смыслу. В.Н. Головин пришел к выводу, что дальнейшее развитие теории валентности может внести, в конечном счете, большую ясность в решение вышеуказанной проблемы [Березин, Головин, 1979, с.124].

Г. Хельбиг, представитель синтаксического направления, четко разграничивает три уровня валентности [Helbig, Schenkel, 1978, S.65-76]:

1. Логическую валентность;
2. Семантическую валентность;
3. Синтаксическую валентность.

Семантическая валентность проявляется в том, что слова (в качестве носителей валентности) требуют контекстных партнеров с определенными семантическими признаками и исключают других контекстных партнеров с иными семантическими признаками. Она регулирует заполнение открытых позиций классами партнеров, отобранных по смыслу, по необходимым семантическим признакам.

Отбор подходящих контекстных партнеров и исключение недопустимых контекстных партнеров осуществляется на основе совместимости или несовместимости семантических признаков контекстных партнеров, которые в свою очередь мотивированы явлениями действительности. Так, например, глаголы говорения и мышления предусматривают в качестве субъектов людей, глаголы видения в качестве объектов - конкретные предметы.

(10) *Peter stirbt manchmal*.

(11) *Er kennt Peter auf dem Flughafen*.

Авторы отмечают, что такие предложения в немецком языке (при основном и непереносном значении глаголов) невозможны потому, что обстоятельства содержат смысловые признаки (как-то: [частотно] и [локально]), которые противоречат семантическим признакам глагола и потому с ним несовместимы. Предложения типа:

(10′) **Er stirbt manchmal*.

возможны только, если субъект в качестве слова-заместителя представляет целый класс, например:

(12) *Die Operation ist immer lebensgefährlich für den Patienten. Er stirbt manchmal* [цит. по Степанова, Хельбиг, 1978, с.156].

Таким образом, семантическая валентность заключается в ограничении избирательности, регулируемой совместимостью контекстных партнеров.

М.Д. Степанова и Г. Хельбиг объединяют логическую и семантическую валентность. Возможность объединения этих двух видов в логико-семантическую валентность они объясняют тем, что семантическая валентность

в значительной мере рассматривается с точки зрения логики отношений, то есть логические приемы применяются для описания семантических отношений.

Для описания логико-семантической валентности представляет интерес получившие в последние годы широкую известность теории падежей, как, например, Ч.И. Филлмора и его последователей. Поскольку в этих моделях логические данные о числе аргументов (логического) предиката связаны с семантическими данными о природе этих аргументов (в виде так называемых «глубинных падежей» или семантических падежей как, например, агентив, объектив, локатив, инструменталь и др.), фактически выявлены факторы, которые можно считать логико-семантической валентностью. Основой при этом является, прежде всего, то положение, что традиционные падежи в немецком языке представляют собой лишь поверхностные формы, часто также нейтрализацию семантических падежных отношений.

Ч. Филлмор стремится очистить падежи от всяких дополнительных наслоений, обусловленных несемантическими функциями именных членов предложения, и, прежде всего, коммуникативными функциями "позиционных" падежей (именительного и винительного). Так называемые "позиционные" падежи не имеют прямого семантико-грамматического содержания. Исходный для всей парадигмы падеж, именительный, является, прежде всего, носителем чисто коммуникативной функции "темы", выделяющей тот аргумент, который стоит в центре внимания говорящего и определяет собой построение данного фрагмента речевого текста. Функция темы в принципе не зависит от валентных свойств предиката, и, соответственно, ее может выполнять любой аргумент любого предиката. Нейтральность этой функции по отношению к семантике предложения и делает возможным присутствие ее в любом предложении и функционирование члена предложения, наделенного этой семантически нейтральной функцией, в качестве точки отсчета для другого позиционного падежа - винительного. Падеж объекта, винительный, может так же, как именительный, выражаться позиционно, занимая вторую позицию в

предложении. При этом, однако, требуется дополнительное условие: свою функцию (или функции, если их много) винительный падеж может выполнять только при переходном глаголе. Следующий за именительным другой немаркированный (беспризначный) падеж оказывается винительным в силу одной лишь им занимаемой позиции. Как и функция "темы", функция "прямого объекта" не является сама, по своей сущности, семантической. К функции темы она прямого отношения не имеет и связана с нею постольку, поскольку выражающий тему член предложения занимает в нем первое место и является отсчетной точкой при выделении формально немаркированной формы прямого объекта.

Принципиальная асемантичность формы "субъекта" (вернее, "темы") предполагает акт ее семантической интерпретации в предложении. Этот акт опирается на особое семантическое правило, фиксирующее предпочтительное (преференциальное) отношение данного поливалентного глагола к одному из своих аргументов, который обладает преимущественной способностью функционировать в качестве субъекта при данном глаголе. Что же касается остальных аргументов, то они могут выступать в роли субъекта при данном глаголе, если последний получает особую форму, сигнализирующую об изменении глагольной интенции (интенциональности). Скрытое в каждом глаголе свойство интенциональности помогает семантической интерпретации формы субъекта. Интерпретация эта осуществляется легче, если правило интерпретации заранее обобщено: для глаголов действия оно гласит, что форма подлежащего при нулевой интенциональности глагола выражает действующее лицо [Кацнельсон, 1988, с.110-117].

Процесс порождения предложения по У. Чейфу носит многоуровневый характер: от восприятия ситуации, через выбор глагола и упорядочение падежей в соответствии с иерархией выбора субъекта и преобразования семантической структуры в синтаксическую. Положительным в данных исследованиях является более тесная связь с денотатом предложения – ситуацией, осуществляемой

посредством выбора ядра предикации – глагола, чего нет в перечисленных ранее теориях валентности. Примером может служить модель порождения предложения в работах российских ученых, использующих глубинно-падежный подход: И.П. Сусов, например, строит предложение по трехступенчатой схеме: [Сусов, 1973, с.141]

I ступень: предикативная

II ступень: модификационная

III Уровень поверхностных структур.

Действительность и язык в этой модели соотносятся следующим образом:

конкретная ситуация – действительность

абстрактная ситуация – сознание (мышление)

реляционная (глубинная) структура	фрагмент
предикативная структура	реального мира
модификационная структура	(объект)

В модели И.П. Сусова валентность наглядно выступает как свойство единиц языка и как свойство единиц речи одновременно.

В отличие от семантической или иначе – логико-семантической валентности синтаксическая валентность рассматривает облигаторное или факультативное заполнение открытых позиций, количественно или качественно определяемых носителем валентности в каждом отдельном языке. Она регулирует тем самым заполнение имеющихся логико-семантических открытых позиций облигаторными и факультативными актантами и их синтактико-морфологическую репрезентацию частями речи в определенных падежах, например, существительными в именительном, винительном и других падежах.

М.Д. Степанова и Г. Хельбиг отмечают, что логико-семантическая валентность лишь предопределяет синтаксическую валентность, но ни коим

образом не устанавливает и не определяет ее окончательно [Степанова, Хельбиг, 1978, с.157].

Н.И. Филичева воспринимает синтаксическую валентность как чисто структурную или конфигурационную. Синтаксическая валентность, по ее мнению, находит свое отражение в структурной схеме. Затем, когда устанавливаются синтаксические функции грамматических форм, зависящие от носителя валентности, синтаксическая валентность раскрывается уже не с формальной, а с качественной стороны, как реляционная валентность. Н.И. Филичева подчеркивает сложность взаимосвязи между уровнями валентности, считая синтаксическую валентность точкой пересечения и слияния синтаксиса и семантики [Филичева, 1977, с. 4-13].

Перечисленные особенности делают необходимым выделение различных уровней валентности. При этом особенности, которые свойственны валентности на всех уровнях, остаются: валентность всегда означает способность одних элементов сочетаться с другими, способность иметь определённое число открытых позиций, которые заполняются (могут или должны заполняться) другими элементами. На фоне этой общности выявляются рассмотренные выше различия, которые можно упрощённо обобщить следующим образом: логическая валентность – это внеязыковое отношение между понятийными содержаниями, семантическая валентность выявляется на основе совместимости и сочетаемости семантических компонентов; синтаксическая валентность предусматривает облигаторную и факультативную наполняемость открытых позиций определённого числа и вида, различную в отдельных языках.

Сегодня всё чаще и чаще высказывается мнение о том, чтобы выделять ещё и контекстуальную валентность. Так, например, еще Р. Ружичка выделял помимо синтаксической прагматической валентности, которая функционирует в непосредственной зависимости от коммуникативного намерения и коммуникативной ситуации [Helbig, 1985, S.153]. Именно в этой связи актуальными становятся вопросы отношения между словом и контекстом,

словом и текстом, а значит и между валентностью и текстом, так как валентность – это качество слов, которые благодаря определённым правилам объединяются соответственно в словосочетания, предложения и тексты.

В связи с этим возникает понимание того, что, во-первых, необходимо найти критерии описания взаимоотношений между валентностью и процессом коммуникации, а, во-вторых, выяснить, как новый вид валентности будет соотноситься с традиционной моделью описания валентности и дистрибуции морфологических классов слов.

1.2.4. Проблема описания валентности морфологических классов слов (на базе вербоцентрической концепции)

Результатом стремления лингвистов преодолеть недостатки, которые были допущены при разработке общей теории валентности, явилась, возникшая в конце 60-х годов, методика описания валентности, нашедшая отражение, в частности, в «Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов» Г. Хельбига и В. Шенкеля. Эта модель первоначально опиралась на синтаксическую валентность и распространялась только на глагол. Однако позднее пришло понимание того, что данная модель может быть применимой так же для описания валентности и других частей речи (в частности существительного и прилагательного) [подробнее об этом Helbig, Schenkel, 1978].

Прежде всего, необходимо было решить некоторые невыясненные теоретические вопросы и, в связи с этим, разработать более точные критерии для дифференциации соответствующих явлений. Г. Хельбигом было уточнено понятие синтаксической необходимости. Были разработаны определённые критерии для разграничения валентно-связанных и валентно-несвязанных членов, которые в качестве свободных распространителей с синтаксической точки зрения могут быть в любое время добавлены или опущены в предложении. Валентно-связанные члены были более чётко поделены на облигаторные актанты (валентно-связанные с глаголом и не допускающие

опущения) и факультативные актанты (также связанные с глаголом, но при определённых условиях допускающие опущение). Те и другие выявляются при помощи теста на элиминирование, суть которого заключается в том, что (как указано в разделе 1.2.1.), опуская тот или иной член предложения, устанавливается, является ли остаток предложения грамматически правильным или неправильным. Если остаток предложения грамматичен, то элиминированный член предложения не является синтаксически облигаторным; если он аграмматичен, то элиминированный член предложения является синтаксически необходимым для состава предложения. К валентно-связанным членам относятся не только «актанты» в понимании Л. Теньера, то есть субъекты и объекты, но и часть традиционных обстоятельств.

На основе этих уточнений была составлена трёхступенчатая модель, описывающая валентность и дистрибуцию немецких глаголов. При этом под валентностью понимается способность глагола или другой части речи создавать вокруг себя определённые открытые позиции, которые должны быть заполнены – соответственно – облигаторными или факультативными актантами. Под *открытыми позициями* понимаются открываемые глаголом (или другим носителем валентности) позиции и заполняемые облигаторно или факультативно, требующие заполнения в соответствии как с грамматической корректностью, так и с семантической необходимостью, закрепленные в позиционном плане глагола и включенные в его значение. *Актанты* или «соучастники» (Mitspieler) – это члены, заполняющие открытые позиции.

Так, например, глагол ***erzählen*** является, согласно трёхступенчатой модели описания валентности глаголов, трехвалентным ***erzählen*** $_3 \rightarrow$ **Sn, Sa, Sd,** где **Sn –** существительное в именительном падеже (Substantiv im Nominativ), **Sa** – существительное в винительном падеже (Substantiv im Akkusativ), **Sd** – существительное в дательном падеже (Substantiv im Dativ).

(13) ***Der*** *alte* ***Mönch*** ***<u>erzählte</u>*** ***mir*** folgende ***Geschichte***: ... [Kharitidi, 2002]

Однако, чтобы установить их роль в предложении, недостаточно знать только их число, то есть валентность в узком смысле. Необходимо также учитывать их дистрибуцию. Под дистрибуцией понимается сумма окружений, в которых встречается данный языковой элемент. Эти окружения элемента «А» определяются как существующий набор элементов, с которыми «А» сочетается и образует высказывание. Таким образом, дистрибуция – это совокупность всех окружений (контекстов), в которых может встречаться та или иная языковая единица, противопоставляемая всем тем окружениям, в которых она встречаться не может. Дистрибутивный анализ – это метод, позволяющий отграничивать друг от друга значимые единицы. На основе понятия дистрибуции валентностью охватываются не все элементы, которые встречаются в окружении глагола, а только валентно-зависимые элементы, но не свободные распространители. Тем самым эти элементы, связанные избирательностью окружения, представляют собой только часть дистрибуции в целом.

Соответственно этим определениям валентности и дистрибуции в «Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов» Г. Хельбига и В. Шенкеля глаголы анализируются согласно следующей трёхступенчатой модели:

1. На первой ступени для каждого глагола устанавливается ***количественный*** состав актантов, то есть синтаксическая валентность. Составляется своего рода перечень, указывающий только число актантов, причём облигаторные актанты даны без скобок, а факультативные в скобках. Как те, так и другие дают в сумме совокупность валентно-связанных членов.

Например: *arbeiten* $_{1;}$ *studieren* $_{1+(2)=3}$ и так далее.

2. На второй ступени актанты определяются ***качественно*** путём строго формального указания на синтаксическое окружение глаголов. Например: Sn=существительное в номинативе, Sa=существительное в аккузативе, Sd=существительное в дативе, pS=существительное с предлогом,

NS=придаточное предложение и так далее. Так, например, количественно охарактеризованный на первой ступени глагол *erzählen* $_3$ на второй ступени уточняется следующим образом: *erzählen* Sn, Sa, Sd.

3. На третьей ступени актанты качественно определяются путём указания семантических окружений глаголов такими понятиями, как Hum (=человек), +/- Anim (+/- одушевлённость), Abstr (=абстрактность) и так далее. На этой ступени, таким образом, уточняются актанты, количественно охарактеризованные на первой ступени, и определённые на второй ступени только в морфолого-синтаксическом смысле. Уточнения касаются семантической сочетаемости единиц. Они необходимы, так как у большинства слов возможны не любые Sn и Sa, чтобы предложение было правильным, а только определённые Sn или Sa, ограниченные семантическими классами. Например:

(14) *Ihr Glück liegt in meiner Hand* [Böll, 51], но не

(14′) **Ihr Hand liegt in meinem Glück.*

Прибегая к такого рода конверсии, можно выявить закономерности функционирования актантов, как на синтаксическом, так и на смысловом уровнях.

В этой трёхступенчатой модели данные третьей ступени выходят за пределы того, что традиционно рассматривалось в синтаксисе и вообще в грамматике. Речь идёт о семантических классификациях существительных, о вопросах лексической семантики, которые связаны с лексическим значением соответствующих глаголов.

Подобным образом были разработаны модели описания других морфологических классов, прежде всего существительного и прилагательного, в которых также берется за основу трехступенчатая модель описания их валентности.

Несмотря на достаточную достоверность моделей описания валентностных свойств различных морфологических классов, а также их

дистрибуции, возникает вопрос о методике описания валентности, реализующейся не на уровне системы языка, а на коммуникативном уровне (подробнее об этом см. раздел 1.3.). Дело в том, что языковые единицы, будучи помещенными в определенную коммуникативную ситуацию, ведут себя по-разному. Предполагаемый состав актантов какого-либо морфологического класса слов начинает варьироваться в зависимости от их включения в контекст, а также от интенции говорящего.

(15) *Dies blieb im Hotel nicht* ***unbemerkt****, ...* [Hohler, 11].

Глагол ***bleiben*** можно отнести к двухвалентным: в его позиционный план входит детерминированный им субъект или слово заместитель и локальное обстоятельство. Компонент ***unbemerkt*** на уровне языка является свободным распространителем, который может в любое время добавляться и исключаться из предложения, не изменяя его структуры и значения. Однако на уровне речи этот компонент актуализирует свое присутствие в рамках данного предложения-высказывания, тем самым заставляет пересмотреть свой статус.

(15′) **Dies blieb im Hotel nicht___?___, ...*

Элиминирование актанта, приводит к изменению коммуникативной направленности предложения. Строго говоря, оно теряет свою значимость для данной ситуации. Следовательно, глагол ***bleiben*** в некоторых случаях может получать другое качественное и количественное заполнение.

Следует признать необходимость расширения и уточнения модели описания валентности морфологического класса глагола, а также учесть при анализе актантного состава, что его объем может зависеть еще и от коммуникативного намерения, благодаря которому реализуются эти дополнительные валентностные свойства. Необходимо пересмотреть валентностно-обусловленный характер свободных распространителей, которые находят свой валентно-связанный характер в процессе коммуникации.

1.3. Коммуникативный аспект теории валентности

В первой половине XX века внимание лингвистов было полностью сосредоточено на исследовании только одной составляющей дихотомии Ф. де Соссюра «язык – речь», а именно – на языковой системе. Постепенно в круг интересов языковедов проникает речевая деятельность. Одним из результатов анализа особенностей речевой деятельности явилась Теория речевых актов.

Дж. Остин обратил внимание на такие высказывания, с помощью которых говорящий не просто произносит определенный звуковой ряд и передает с его помощью некоторую информацию адресату, но и совершает при этом определенные действия самим фактом произнесения данного высказывания. Назвав соответственные высказывания перформативными, Дж. Остин противопоставил им констативные высказывания, строго разграничивая области их употребления. Однако при дальнейшей разработке своей теории, Остин эмпирически доказал невозможность строгого разграничения перформативных и констативных высказываний: существуют контексты, в которых перформативные высказывания приобретают черты констативных и наоборот [Austin, 1972, pp. 75-76].

Остин предлагает далее другую классификацию, отражающую структуру речевого акта. Он выделяет локутивный акт, характеризуемый а) произнесением определенных звуков, б) реализацией при этом абстрактных моделей языковой системы (фонем, морфем, слов, предложений, текстов) и в) выражением пропозиции [Austin, 1972; pp. 112-116].

Дж. Сёрль идет дальше, разделяя локутивный акт на акт произнесения и пропозициональный акт [Сёрль, 1999, с.214-216].

Следующей составляющей речевого акта в терминах Остина и Сёрля является иллокутивный акт – центральное понятие в их концепциях. Именно иллокутивные акты имеют прагматическое значение: говорящий всегда произносит высказывание с каким-либо намерением (интенцией), желая

достичь определенных результатов. В качестве последней составляющей речевого акта определяется перлокутивный акт, предполагающий наступление ожидаемой реакции адресата. Строго говоря, перлокутивный эффект находится за пределами собственно речевого акта. Реакция адресата может быть непредсказуемой, плохо прогнозируемой.

Теория речевых актов, вызвав многочисленную полемику в научном мире, способствовала развитию прагматической парадигмы. Несвободная от недостатков, она смогла стать для многих исследователей необходимой концептуальной базой. Необходимо отметить, что классификации речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля послужили основой другим ученым для дальнейших исследований в этом направлении [Wunderlich, 1987].

Под речевым актом традиционно понимается целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе, и имеющее сложную многоаспектную структуру [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990]. Таким образом, отличительными чертами речевого акта являются его интенциональность, целенаправленность и конвенциональность. Не меньшее значение имеет характеристика речевых актов не как истинных или ложных, а как успешных или неуспешных [Austin, 1972, pp. 35-45]. Действительно, любое действие, в том числе и речевое, совершается для того, чтобы достичь определенного результата, иначе это действие является бессмысленным. Если в процессе коммуникации достигаются поставленные цели, то коммуникация прошла успешно. Если цель не достигнута, то можно говорить о коммуникативной неудаче. Под коммуникативной неудачей понимается, вслед за Е.К. Тепляковой, «недостижение коммуникативной цели инициатором общения (говорящим) вследствие неадекватной вербальной или невербальной реакции со стороны партнера по коммуникации (слушающего)» [Теплякова, 1998, с.5].

Чтобы избежать коммуникативных неудач, необходимо знать конвенции данного общества. Это знание помогает понимать косвенные речевые акты, иллокутивная цель которых присутствует в них имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной, или прагматической, компетенции. Прагматическая компетенция проявляется в способности производить высказывания соответственно определенным ситуациям, в возможности делать прагматические выводы, а также распознавать и оценивать неудачные высказывания.

Теория интенции не является на сегодняшний день новой, но ее сопряжение с валентностной теорией позволило по-новому взглянуть на уже сформулированные положения, касающиеся последней. Известный чешский лингвист Ф. Данеш последовательно развивает предложенную и разработанную Пражской школой языкознания теорию интенции. Его исследование базируется на тезисе: «Любое предложение или высказывание на уровне предложения являет собой сложный языковой знак» [Daneš, 1978, S.28]. Анализ по Ф. Данешу «открывает» как минимум три уровня структурирования: 1) пропозиционально-семантическую структуру значения; 2) формально-грамматическую структуру высказывания; 3) коммуникативную перспективу высказывания /функциональную перспективу предложению/.

Ф. Данеш считает, что каждый уровень должен располагать своим, определенным набором средств выражения. Однако выбор средств выражения сопряжен с целым рядом трудностей. В частности, для первого уровня явно недостаточно традиционное членение предложения на главные и второстепенные члены предложения, так как, например, в «Очерке грамматики немецкого языка» под редакцией Флемига дополнение определяется как «соединение существительных, являющихся непосредственной составляющей блока предиката», но та же самая формулировка служит и для описания некоторых обстоятельств [Flämig, 1971, S.103-105]. Чтобы избежать подобных трудностей, Ф. Данеш предложил (для славянских языков) понятие

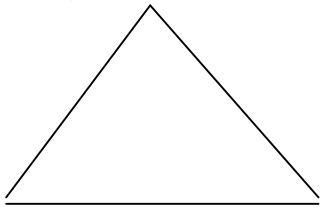
«грамматический образец предложения» (GSM). Лексическое наполнение отдельных позиций образца (деривационных позиций) может быть, по мнению Ф. Данеша, обозначено термином Satzglieder.

Центральная роль в GSM принадлежит символу VF (глаголу в спрягаемой форме), следовательно, структура этого уровня базируется на формально-грамматическом потенциале валентности глагола.Второй уровень (пропозиционально-семантический) представлен семантическим образцом предложения (SSM), который по Ф. Данешу в целом можно считать конфигурацией семантических функций высказывания (членов предложения), занимающих отдельные позиции в GSM [Daneš, 1978, S.13]. Ф. Данеш вводит понятие «интенционное поле» - поле партиципантов в определенных ролях – или поле семантических отношений, что соответствует понятию «семантический валентный потенциал». Партиципанты обозначаются так же, как, например, у Г. Хельбига, признаками anim., person, propos. и т.д.

Наиболее интересным является его понимание третьего уровня. Этот уровень соответствует в целом членению на тему/рему. (Мысль о том, что глагольная валентность и актуальное членение предложения находятся в непосредственной взаимосвязи, отражена в ряде работ [Viehweger, 1981, S.469-472; Sommerfeldt, 1982, S.287-293].

Если обобщить положения теории интенции, то взаимоотношения, между тремя уровнями, а также идентификацию членов предложения в сложном языковом знаке графически можно изобразить в виде треугольника:

коммуникативная ценность



формально-семантические признаки *грамматические признаки*

Ф. Данеш, так же, как и К.-Э. Зоммерфельдт, признает очевидное сходство своей теории с концепцией Г. Хельбига, следовательно, считать ее принципиально новой представляется недостаточно обоснованным [Daneš, 1978, S. 13]. Несмотря на это, в концепции Ф. Данеша есть ряд позиций, представляющих для нас интерес:

1. Подход к предложению как к единой многофункциональной сущности;

2. Разграничение членов предложения на обязательные, потенциальные и факультативные.

Терминологически это представляется более правильным, поскольку «факультативный» означает «необязательный» и, следовательно, не может оказывать существенного воздействия ни на одну сторону сложного языкового знака (высказывания). «Потенциальный» - «возможный», «способный», обладающий достаточной силой для выполнения какой-либо деятельности – то есть такой член предложения, который именно в силу асимметрического дуализма GSM и SSM участвует в конституировании одних SSM и не участвует в конституировании других.

3. Интенция (намерение говорящего, основанное на фоновых знаниях слушающего) высказывания реализуется практически не только в количестве и качестве партиципантов, но и в их расположении относительно друг друга, то есть – в актуальном членении предложения. Эта позиция логически вытекает из первых двух, поскольку «…очевидно, что само понятие коммуникативного членения не совпадает с понятием синтаксического членения предложения, ибо независимо от объективной связи между его компонентами оно может выражать субъективное отношение говорящего к предмету речи» [Реферовская, 1989, с.8]. Ни теория Г. Хельбига, ни учение В. Бондцио не рассматривают валентность в таком аспекте. Концепцию Ф. Данеша можно, на наш взгляд, считать пограничным учением, возникшим на стыке семантического и синтаксического направлений теории валентности.

Принимая за основу семантическую концепцию теории валентности, М. Шварц\ указывает на то, что выбор слов для построения предложения не является произвольным, а подчиняется синтаксическим и семантическим правилам. Поэтому невозможны предложения типа:

(1) *Sie bebilderten feuriges Gras auf der Wolke.

(2) *Gras der feuriges auf bebiderten sie Wolke [цит. по Schwarz, 1996, S.70].

Предложение (1) является семантически некорректным, а предложение (2) – аграмматичным. М. Шварц подчеркивает, что существуют правила, в задачу которых входит регулирование сочетаемости языковых единиц при построении семантически и синтаксически корректных словосочетаний (синтагм) и предложений. Она определяет валентность как способность слов детерминировать количественный и качественный составы актантов в предложении. При рассмотрении теории валентности М. Шварц большое внимание уделяет семантической избирательности частей речи, поскольку именно качественная сторона актантов, заполняющих открытые позиции в предложении, позволяет регулировать смысловую адекватность высказывания.

Одним из новых и перспективных направлений теории валентности был когнитивный подход к ее рассмотрению, который позволил по-новому взглянуть на актуальные проблемы данной теории. Р. Лангакер, один из основоположников когнитивного подхода к языковым явлениям, считает, что к высказыванию, построенному по правилу подъема предиката и опущения кореферентной именной группы, особенно примененному повторно, можно предъявить ряд претензий. Одна из них касается «адекватности постулируемых глубинных структур в качестве репрезентации значения» [Лангакер, 1998, с.81]. Иными словами, применяя «правило Подъема», не всегда можно добиться полного соответствия глубинной структуры выражаемому ей значению. Другая, по мнению Р. Лангакера, заключается в самой идее деривации поверхностной формы из в корне отличной от нее глубинной структуры. Приводя примеры более сложного соотнесения глубинной и поверхностной структуры из языков

некоторых индейских племен, Р. Лангакер обосновывает свою точку зрения тем, что подобные структуры не отражают всего спектра возможных грамматических и семантических отношений. Взаимосвязь между семантической сферой действия и морфологической структурой находит, по его мнению, естественное отражение в теории, рассматривающей грамматическую структуру как символическое явление. Вводя понятие «грамматической валентности», Р. Лангакер указывает на биполярный характер комбинирования символической грамматической структуры. При этом он подчеркивает невозможность предсказать валентность однозначно. Он относит валентностный потенциал и возможности его реализации к функции языковой конвенции. Отношения валентности, по Р. Лангакеру, могут возникать между двумя и более предикатами только тогда, когда эти предикаты пересекаются, то есть, когда какая-то подструктура внутри одного предиката соответствует подструктуре внутри другого предиката и понимается как идентичное ей. Поскольку когнитивная грамматика стремится охарактеризовать знание говорящим существующих конвенций языка, то задачей грамматической валентности Р. Лангакер считает точное описание того, каким образом морфемы сочетаются между собой [Лангакер, 1998, с. 75].

Однако, «когнитивный» не является синонимом ни к слову «безупречный», ни к слову «универсальный». Каждый раз, применяя когнитивный подход, исследователь исходит из тех конкретных задач, которые ставит перед своими научными изысканиями. Открытие универсального способа познания и экспланаторности как реального мира, так и самого языка, означало бы завершение их изменения и развития. Именно поэтому ведущие когнитологи предлагают рассматривать когнитивный подход как один из возможных, обладающий как преимуществами, так и недостатками [Кубрякова, 1997, с.6-10].

Множество работ, посвященных теории валентности, основываются на ее роли в системе языка, в то время как речевой фактор остается вне сферы

особого исследовательского интереса. Между тем, понимание недостаточности рассмотрения способа функционирования теории валентности лишь в системе языка, а также накопившийся фактический материал, который не поддавался описанию с позиций традиционного валентностного подхода, заставил многих лингвистов задуматься о расширении понятия валентности с выходом за рамки языка. Одним из первых исследователей, который попытался, объединив весь накопленный в этой области опыт, сопоставить валентность с процессом коммуникации, был Р. Ружичка.

Он предпринял попытку систематизировать валентность на различных уровнях и тем самым предложил различать: а) семантическую; б) синтаксическую валентность и в) прагматическую валентность. Новым в его теории было рассмотрение прагматического аспекта. Введение в лингвистический обиход нового понятия облегчило описание некоторых актантов в той или иной коммуникативной ситуации.

(3) *Von nun an kauften wir kein Eis mehr, wir wollten Hände und Lippen frei haben* ***für Küsse und Umarmungen***. [Stallmann, 16]

В данном предложении-высказывании, облигаторность обстоятельства образа действия обусловлена интенцией говорящего.

(3′) **Von nun an kauften wir kein Eis mehr, wir wollten Hände und Lippen frei haben* ____?____.

Тест на элиминирование выявляет изменение смыслового фона и коммуникативного намерения. Обстоятельство причины становится, таким образом, коммуникативно-облигаторным и приобретает характер валентно-связанного члена предложения.

Однако это, в свою очередь, породило много новых вопросов, разрешением которых занялись многие исследователи, такие как Логачева, Хельбиг, Михайлов и другие. Сторонников нового направления стали упрекать в том, что при таком подходе невозможно систематизировать и сгруппировать новый, еще даже не названный вид актантов. Естественно, что довольно

сложно, руководствуясь описанием конкретной коммуникативной ситуации, выявить закономерности появления и функционирования подобных актантов в тексте. Сложность заключается, прежде всего, в том, что говорящий всегда имеет свободный выбор компонентов, при помощи которых он выражает собственную мысль. Тем более, что употребление того или иного актанта объясняется релевантностью его употребления именно в конкретной коммуникативной ситуации и актуальностью его взаимодействия именно с данными контекстными партнерами. Е.П. Логачева указывает на необходимость выделять наряду с синтаксической и семантической валентностями еще и прагматическую, которую она считает недостающим звеном в систематизации понятия «валентность» [Logačeva, 1990, S. 65]. Суть этого термина выявляется при построении иерархии уровней валентности:

1. Логическая валентность (понятийная) – универсальна и действительна для всех языков; оперирует понятиями «предикат» и «аргумент».

2. Семантическая валентность (содержательная) – регулирует комбинацию значения слов и словосочетаний.

3. Синтаксическая валентность (структурная) – представляет собой синтактико-морфологическую репрезентацию логико-семантических лакун.

4. Прагматическая валентность (контекстуальная) – регулирует структурные отношения между элементами предложения и элементами контекста, не ограничиваясь рамками одного предложения. При этом учитываются экстралингвистические характеристики конкретной ситуации.

Прагматическая валентность зависит, таким образом, от узуса каждого конкретного языка.

Исследуя прагматическую валентность в немецком языке, Е.П. Логачева связывает ее с увеличением или уменьшением числа лево- и правосторонних актантов при глаголе. Эти изменения приводят к изменению валентности глагола. При этом речь может идти как об изменении в семантике глагола, так и в его словоформе. Так, увеличение числа левосторонних актантов

при безличных глаголах происходит вследствие замены безличного ***es*** существительным:

(4) *… so lange, dass der Maimorgen hinter den Vorhängen schon dämmerte*.

Появление новых правосторонних актантов Е.П. Логачева объясняет транзитивацией интранзитивных глаголов:

(5) *Die Großmutter winkte mich zu sich*.

Транзитивация интранзитивных глаголов сопровождается, по ее мнению, увеличением глагольной словоформы «на префикс или префиксоид» [Logačeva, 1990, S.66].

(6) *... und da befiel Barlach plötzlich ein Frost*.

или

(7) *Sie ... quäckte ihn einmal an …*

Изменение валентности глагола может быть обусловлено и сокращением числа лево- и правосторонних актантов за счет обезличивания личного глагола:

(8) *... es zitterte in seinen Armen vor Schwäche*.

Изменение глагольной валентности зависит и от импликации правосторонних актантов. Е.П. Логачева ссылается на эксперимент Г. Хельбига, считающего это явление зависимым от характера текста:

(9) Hast du den Lehrer besucht?

(10) (a) Ich habe den Lehrer besucht.

(b) Das hab’ ich gemacht.

(c) Hab’ ich gemacht.

(d) Hab’ ich ... [цит. по Logačeva, 1990, S. 66].

В данном случае речь идет о том, что опосредованное отношение глаголов machen и besuchen, последний из которых выступает функциональным синонимом к глаголу machen, приводит к элиминированию объекта в окружении глагола machen. Этот факт подтверждает существование прагматической валентности и ее контекстуальный характер.

Другим, не мене сложным вопросом, является закономерная проблема разграничения коммуникативно-обусловленных актантов на облигаторные и факультативные. Некоторыми учеными (в частности представителями синтаксического направления) выражалось мнение о том, что данное деление можно описать лишь при помощи инвентаря синтаксической валентности, то есть с точки зрения синтаксической значимости актантов для сохранения грамматической целостности предложения. Р. Ружичка, в свою очередь, указал на то, что прагматическая валентность может рассматриваться в непосредственной связи с синтаксическим аспектом. Он не отрицал возможности взаимного воздействия друг на друга синтаксической и прагматической валентностей, при котором прагматическая валентность дает определенную возможность для того, чтобы варьировать высказывание в зависимости от коммуникативного намерения и коммуникативной ситуации. При этом, отмечает автор, синтаксические правила не должны нарушаться прагматическим аспектом. Они могут варьироваться только там, где это возможно, то есть, в первую очередь, там, где речь идет о факультативных актантах [Helbig, 1982, S.22]. Однако проблему облигаторности/необлигаторности коммуникативно-обусловленных актантов вполне возможно разрешить следующим образом.

Для того чтобы, во-первых, выявить данные компоненты в речи, необходимо обратиться к уже известному в лингвистике тесту на элиминирование, применение которого, как оказалось, позволяет выявить не только синтаксический, но и коммуникативный минимум предложения. Для этого необходимо учитывать коммуникативное намерение говорящего, или его интенцию. Если после элиминирования одного из компонентов происходит изменение интенции, то данный актант следует считать коммуникативно-облигаторным, так как он несет в себе большую коммуникативную нагрузку, что не позволяет ему быть опущенным, так как вследствие этого не будет

реализовано коммуникативное намерение и будет поставлена под угрозу успешность коммуникации. Например:

(11) *Er war ein Kapitalist aus dem Lehrbuch, der Drucker sprach seinen Namen* ***mit Hass*** *aus...* [Hohler, 15].

В данном случае актант ***mit Hass*** следует считать коммуникативно-облигаторным. Для коммуниканта наиболее релевантным является не произнесение имени одного из героев, а то, какие чувства переполняли героя в тот момент, когда он произносил это имя.

(11′) **Er war ein Kapitalist aus dem Lehrbuch, der Drucker sprach seinen Namen_____?_____aus...*

Тест на элиминирование показывает, что грамматическая корректность в данном примере не нарушена, а, следовательно, данный актант с точки зрения традиционной теории валентности не является облигаторным. Более того, подобные актанты рассматриваются, как правило, как свободные распространители, которые могут легко добавляться или отбрасываться, без того, чтобы нарушались структура и смысл всего предложения. Но в данной ситуации нарушение происходит на уровне коммуникации, что приводит к пониманию значимости его употребления коммуникантом.

Основываясь в исследовании на интенции говорящего, следует также брать во внимание не только сам факт нарушения коммуникативного намерения, но и качественную сторону его нарушения. На основе этого, предлагается различать полное и частичное нарушение коммуникативного намерения, что, в свою очередь, можно назвать полной или частичной трансверсией. Например:

(12) *Sie sah ihn* ***noch immer*** *nicht an* [Herrmann, 137].

В данном случае, при элиминировании коммуникативно-облигаторных актантов, не происходит полного искажения смыслового фона предложения-высказывания.

(12′) **Sie sah ihn __?____nicht an.*

Однако, актуальность присутствия данных актантов не вызывает сомнения, так как наиболее релевантным оказывается не сам процесс «видение», а его продолжительность относительно процесса высказывания мысли говорящим. Именно необходимость представления протяженности данных действий во времени обусловливает его употребление в данном контексте.

В другом случае элиминирование одного из актантов глагола ведет к полному нарушению коммуникативного намерения говорящего.

(13) *Wir nahmen's* ***für einen Witz*** [Frisch, 52].

Для него наибольшую значимость имеет компонент ***für einen Witz,*** который обеспечивает оптимальную информативность в процессе общения, являясь коммуникативным ядром высказывания. Подобным образом может быть установлена коммуникативная облигаторность актантов любых лексико-грамматических классов. Таким образом, для всестороннего рассмотрения валентностных свойств морфологических классов слов необходимо привлечение так называемой коммуникативной валентности. Ее прагматический потенциал позволяет раскрыть валентностные свойства тех компонентов, которые традиционно не рассматриваются теорией валентности как валентно-связанные.

Итак, уже с давних пор неоспоримым является тот факт, что слова того или иного языка не употребляются изолированно, так как они всегда соединяются в конкретном речевом акте, в предложении с «определёнными партнёрами». Их сочетательные потенции с такого рода партнёрами в определённом окружении не случайны и не произвольны. Они подчиняются, как правило, особым закономерностям, которые сравнительно поздно стали предметом внимания языковедов. В настоящее время основные закономерности комбинирования одной единицы языка с другой объединяются понятием валентности в самом общем смысле. Таким образом, на долю валентности выпадает решающая роль при рассмотрении синтагматических аспектов частей

речи. Понятие валентности в лингвистике, в его сегодняшнем варианте, появилось и получило своё распространение во второй половине двадцатого века – прежде всего под влиянием грамматики зависимостей Л. Теньера. Он в рамках своей грамматики зависимостей при структурном анализе предложений стал исходить из глагола, и рассматривал в качестве непосредственно зависимых от него «актанты» и «обстоятельственные слова», (т.е. действующие лица и сопутствующие обстоятельства). В отличие от «сопутствующих слов» число «актантов» в предложении зависело от глагола. Способность глаголов принимать и удерживать при себе определённое число «актантов» Теньер сравнивает с известным свойством атома в химии и называет её «валентностью». Одним из центральных и сложных вопросов теории валентности является проблема разделения актантов (или соучастников) на облигаторные, факультативные актанты и свободные распространители. Этот вопрос возник при описании валентности глагола, когда необходимо было выявить, какие члены предложения следует считать актантами глагола в синтаксическом смысле, связанные с ним отношениями валентности. Ответ на данный вопрос казался простым: для заполнения открытых позиций при глаголе служат все *необходимые* члены предложения и только они. Но такое достаточно общее утверждение представилось исследователям далеко недостаточным, так как в подобном случае возникал вопрос, о какого рода необходимости идёт речь и как конкретно реализуется эта необходимость. По данному вопросу мнения лингвистов разделились, и до сих пор не удаётся подвести решение данной проблемы к общему знаменателю.

Однако уже давно учёные задавались вопросом о том, не является ли подобное разделение валентности на логико-семантическую и синтаксическую недостаточным. Всё чаще и чаще высказывается мнение о том, чтобы выделять ещё и контекстуальную валентность. Именно в этой связи актуальными становятся вопросы отношения между словом и контекстом, словом и текстом, а значит и между валентностью и текстом, так как валентность - это качество

слов, которые благодаря определённым правилам объединяются в словосочетания, предложения и тексты.Результатом стремления лингвистов преодолеть недостатки, которые были допущены при разработке общей теории валентности, явилась, появившаяся в конце 60-х годов, модель валентности, нашедшая отражение, в частности, в «Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов» Г. Хельбига и В. Шенкеля. Эта модель первоначально опиралась на синтаксическую валентность и распространялась только на глагол. Однако позднее пришло понимание того, что данная модель может быть применимой так же для описания валентности и других частей речи (в частности существительного и прилагательного). Однако она не позволяет описать случаи, когда актант, не являющийся на уровне языка необходимым, получает свои облигаторные свойства в речи. Понимание недостаточности рассмотрения функционирования теории валентности лишь в системе языка, а также накопившийся фактический материал, который не поддавался описанию с позиций традиционного валентностного подхода, заставил многих лингвистов задуматься о расширении понятия валентности за рамки языка. В связи с этим актуальными становятся вопросы соотношения валентности и процесса коммуникации, вследствие чего, встает необходимость разграничения и систематизации актантов. Для этого необходимо учитывать коммуникативное намерение говорящего. Если после элиминации одного из компонентов происходит его изменение, то данный актант следует считать коммуникативно-облигаторным, так как он несет в себе большую коммуникативную нагрузку, что не позволяет ему быть отброшенным, так как вследствие этого не будет реализовано коммуникативное намерение и будет поставлена под угрозу успешность коммуникации.

Глава II. Валентностный потенциал морфологического класса глаголов

В настоящее время основные закономерности комбинирования одной единицы языка с другой объединяются понятием валентности в самом общем смысле. Таким образом, на долю валентности выпадает решающая роль при рассмотрении синтагматических аспектов частей речи. Тем самым валентность в самом общем смысле предусматривает необходимое или возможное контекстуальное окружение слова, контекстуальные связи слова, контекстуальные отношения между различными частями речи в предложении на семантическом и синтаксическом уровнях, контекстуальную сочетаемость слов как семантических или синтаксических партнёров в предложении.

Однако одним из наиболее дискуссионных вопросов теории валентности была и на сегодняшний день остаётся проблема соотношения валентности и процесса коммуникации. Очень часто исследователей, занимавшихся разработкой теории валентности, упрекали в том, что она как бы изолирует язык как систему от процесса коммуникации, в то время как язык может существовать только в речи. В этой связи актуальными становятся вопросы отношения между словом и контекстом, словом и текстом, а значит и между валентностью и текстом, так как валентность - это качество слов, которые благодаря определённым правилам объединяются в словосочетания, предложения и тексты. Описание валентности как структурно-семантического явления ведёт к сужению понятия валентности.

Теория валентности в ее традиционном рассмотрении обладает достаточным фактическим материалом, который в настоящий момент не подвергается никакому сомнению. Однако практически весь этот материал описывает корреляцию, отношения, структурную организацию языковых единиц в системе языка, но не речи. С тех пор как многие ученые стали задавать вопросом о том, как все-таки происходит процесс взаимодействия единиц языка в речи, и насколько применимыми в таком случае становятся

положения общей теории валентности, стали выявляться некоторые спорные моменты в её традиционной трактовке. В частности, глагол, рассматриваемый традиционно как базовый носитель валентности, будучи помещенным в определенный контекст, начинает проявлять специфические валентностные свойства, скрытый потенциал которых раскрывается в речевом пространстве.

2.1. Историческая память и ее роль как понятийной категории в художественном дискурсе

Как известно, еще во время прихода Адольфа Гитлера к власти и создания им Третьего рейха, нацисты продемонстрировали свое презрительное отношение к культурному наследию. 10 мая 1933 г. на площадях Берлина и ряда других немецких городов было устроено массовое сожжение книг революционных политических деятелей и прогрессивных писателей. В кострах горели книги К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, М. Горького, Г. Манна, Э.М. Ремарка, И. Бехера и др. Фашисты начали преследование передовых деятелей немецкой культуры. В концлагерях оказались В. Бредель, Л. Ренн, Б. Апиц, К. Грюнберг и многие другие. Э. Мюзам был замучен в концлагере, К. Осецкий умер от жестокого лагерного режима. Такие известные писатели, как Г. Манн, Т. Манн, А. Деблин, Г. Кайзер, Б. Келлерман, были исключены из Прусской академии. Значительные произведения антифашистской литературы были созданы в эмиграции, испытния которой не все могли выдержать, например, Курт Тухольский и Стефан Цвейг покончили жизнь самоубийстом.

К сожалению, в истории литературы Германии есть позорные страницы, повествующие о том, как культурные деятели, миссия которых заключается в продвижени идей гуманизма, напротив, воспевали культ нацизма. К ним относится известный немецкий лирик позднего романтизма Отто Кернштoк (1848 – 1928), который стал автором «Песни о свастике» (*Das Hakenkreuzlied*). Лейтмотивом в творчестве О. Кернштока изначально являлась национальная идея. Он желал немцам поскорее увидеть мессию, который из позора и нужды последствий Первой мировой войны приведет немцев к победе и свободе.

Весной 1923 года О. Кернштoк сочинил для Восточной группы НСДАП в Фюрстенфельд так называемую «Песню о свастике» [Барбашов, 2014, с. 133].

Hakenkreuzlied

1. *Das Hakenkreuz im weißen Feld*
Auf feuerrotem Grunde
Gibt frei und offen aller Welt
Die frohgemute Kunde
Wer sich um dieses Zeichen schart
Ist deutsch mit Seele, Sinn und Art
Und nicht bloß mit dem Munde.
2. Das Hakenkreuz im weißen Feld
Auf feuerrotem Grunde
Zum Volksmal ward es auserwählt
In ernster Schicksalsstunde
Als unter Schmerzen heiß und tief
Das Vaterland um Hilfe rief
Das teure, todeswunde
3. Das Hakenkreuz im weißen Feld
Auf feuerrotem Grunde
Hat uns mit stolzem Mut beseelt
Es schlägt in unsrer Runde
Kein Herz, das feig die Treue bricht
Wir fürchten Tod und Teufel nicht
Mit uns ist Gott im Bunde

Мог ли известный поэт и священник предположить, к каким катастрофическим последствиям приведет его творение, а главное какую роль оно, в том числе, сыграет в поистине кафковском превращении сознания немцев из национального в национал-социалистическое в 20-30-х годах XX века и приведет эту нацию к преступлениям против человенчности?

Представляется важным проанализировать некоторые фрагменты текста этого стихотворения, и попытаться понять, каким образом слово О. Кернштока могло способствовать тому, что свастика «черным пауком заползла» в сознание немецкого народа. В первых двух строках каждой строфы встречается описание флага НСДАП, на котором изображен свастикальный символ:

*Das **Hakenkreuz** im **weißen Feld***

*Auf **feuerrotem Grunde***

В 1923 году на съезде нацистов будущий фюрер Адольф Гитлер так объяснил значение партийного флага: белый круг на красном фоне – символ национальной чистоты и силы, чёрная свастика – призыв к беспощадной борьбе с коммунистами и евреями.

Рассмотрим 5,6,7 строки 1-й строфы текста стихотворения:

*Wer **sich** um dieses Zeichen **schart***

*Ist **deutsch** mit **Seele**, **Sinn** und **Art***

Und nicht bloß mit dem Munde.

Глагол ***sich scharen*** эксплицитно содержит коммуникативную интенцию призыва к объединению, поскольку данная лексема актуализирует в сознании носителей немецкого языка значение «*объединяться вокруг чего-л. в качестве сторонников, приверженцев какой-либо идеи*» [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 1304]. Подлежащее *Wer sich um dieses Zeichen schart,* указывающее на субъект действия, находится в позиции ремы, а значит, данная языковая форма содержит информацию, которая в данном фрагменте текста стихотворения является новой, т.е. наиболее важной, актуальной. Как показывает современный словарь синонимов DUDEN, лексема ***die Art*** синонимична словам ***die Rasse***, ***das Wesen*** [Duden Sinn- und sachverwandte Wörter, 1986, S. 59].

В данном фрагменте автором затронут аспект национального самоопределения, в форме утверждения выражено интенциональное состояние уверенности, и, следовательно, абсолютно полного знания автора в том, что истинным немцем является лишь тот, кто объединяется вокруг такого символа

как ***Hakenkreuz***. С помощью использования в тексте лексем ***die Seele***, ***der Sinn*** и ***die Art*** О. Кернштoк апеллирует к коллективному сознанию, благодаря чему эти языковые единицы эксплицируют интегративную функцию.

В 6-й и 7-й строках 3-й строфы личное местоимение ***wir*** отражает квантор всеобщности как идеологически ориентированное понятие, которое во времена нацизма в Германии было отражено в следующей семантически и идеологически емкой формулировке: Reich (рейх) – Volk (народ) – Führer (фюрер):

Wir fürchten Tod und Teufel nicht

Mit uns ist Gott im Bunde

Эти последние строки содержат мораль произведения в целом, и, вероятно могли сыграть роковую шутку в судьбе данного творения О. Кернштока, ведь свастика изначально являлась древнеиндийским священным символом, тем самым, олицетворяя Бога. В данном фрагменте О. Кернштoк, используя антитезу «дьявол – Бог», ставит рядом с последним всех тех, кто объединяется вокруг свастического символа ***Hakenkreuz***. Если в целом сопоставить все три строфы, то сквозь текст прослеживается триада: das Volk – das Vaterland – der Gott, актуализиующая сему интеграции, единени нации [Барбашов, 2014, с. 133].

В 1945 году была одержана победа над фашисткой Германией, но, к сожалению, до сих пор различные экстремитские организации пытаются сохранить идею нацизма и привить ее молодежи во многих странах мира, в том числе придумывая миф, что якобы свастика не является нацистиким симоволом, а восходит к древним культурам как солярный знак. С целью развенчания этой преступной идеи необходимо проводить междисциплинарный научный анализ, не только на стыке языка и права [Barbashov, Shuvayev, Zolotin, 2021, p. 760-762], но и других областей научного знания.

Отторжение «свастики» в национальном языковом сознании российского общества имеет социально-исторические предпосылки – в период Великой Отечественной войны наша многострадальная Родина понесла огромные

человеческие потери. Поэтому запрет на изображение «свастики» являлся неотъемлемым компонентом военно-патриотического воспитания молодого поколения в СССР. Например, в Словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «свастика» трактуется как «*знак в виде креста с загнутыми под прямым углом концами – эмблема фашизма, ставшая символом варварства и насилия*» [Ожегов, 1990, с. 698].

В Современном словаре иностранных слов можно обнаружить следующее толкование слова «свастика»: СВАСТИКА [*санскр.*] – знак в виде равноконечного креста с загнутыми под прямым углом концами, ставший эмблемой германского фашизма; первонач. – один из религиозных знаков древнеиндийского культа [Современный словарь иностранных слов, 1993, с. 545]. Из приведенной дефиниции логически следует, что нацисты в фашистской Германии действительно лишь заимствовали данный знак, восходящий к древнеиндийским культам. Слово ***das Hakenkreuz*** имеет в немецко-русских словарях только один перевод – *свастика* [Большой немецко-русский словарь, 1998, с. 586].

Если обратиться к зарубежным источникам, подобное определение можно встретить в лексиконе BROCKHAUS: Swastika, Svastika *die*, → *Hakenkreuz* [Der Brockhaus, 1996, S. 889]. Следуя данной ссылке в лексиконе Брокгауз, находим следующее толкование: ***Hakenkreuz***, ***Swastika***, *urspr. altes, weitverbreitetes Segenszeichen; Symbol antisemit. Organisationen, so des Nationalsozialismus, der es nach der Machtübernahme in die staatlichen Embleme übernahm* [Der Brockhaus 1996, S. 360].

Авторы лексикона также рассматривают понятия ***Swastika*** и ***Hakenkreuz*** как синонимы, добавляя при этом, что свастика является символом антисемитских организаций. Здесь необходимо подчеркнуть, национал-социалисты использовали не свастику (*Swastika*), а схожий по начертанию символ *Hakenkreuz*, что в дословном переводе означает «крюкообразный крест» или «рубящий крест».

В толковом словаре DUDEN «*Hakenkreuz*» и «*Swastika*» трактуются не только как абсолютно противоположные друг другу символы, но как различные понятия:

1. ***Hakenkreuz,*** *das: a) gleichschenkliges Kreuz mit vier in die gleiche Richtung weisenden, rechtwinklig geknickten, spitzwinkligen od. abgerundeten Armen; b) Hakenkreuz (a) als Symbol der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeitspartei* [Duden Deutsches Universalwörterbuch 1989, S. 651].

2. ***Swastika,*** *die; -, ...ken, auch der; -[s], -s -[sanskr. svastika]: altindisches Glückssymbol in Form eines Sonnenrades, Hakenkreuzes* [Duden Deutsches Universalwörterbuch 1989, S. 1503].

Из всего выше сказанного следует, что Адольф Гитлер и его преступное окружение использовали именно Hakenkreuz, которую воспевал Отто Керншток. Именно этот черный паук в виде Hakenkreuz получил известность как символ нацизма и гитлеровской Германии и во всем мир. Известно, что появившаяся в 20-х годах Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП) выбрала именно эту «свастику» в качестве своего партийного символа. В 1923 году на съезде нацистов будущий фюрер Адольф Гитлер так объяснил значение партийного флага: белый круг на красном фоне – символ национальной чистоты и силы, чёрная свастика – призыв к беспощадной борьбе с коммунистами и евреями. С 1933 года «свастика» становится главной государственной эмблемой гитлеровской Германии, включенной в ее герб и флаг. Речь идет именно о нацистской символике – свастике черного цвета, стоящая на ребре в 45°, с концами, направленными в правую сторону. Именно такой знак находился на государственном знамени национал-социалистической Германии с 1933 по 1945 гг., а также на эмблемах гражданских и военных служб.

Безусловно, ученые, культурные и общественные деятели сегодня, в XXI веке, должны сделать все возможное, чтобы не допустить реинкарнации пдобных значений и трансляции их от поколения к поколению в контексте исторической «памяти».

Среди известных писателей ФРГ, посвятивших многие свои произведения исторической памяти, были и те, кто принимал участие во Второй мировой войне, и уже позже, став после войны известными, признавали это и не скрывали. Один из самых известных представителей этого поколения – Генрих Белль. Несмотря на то, что сам он был в рядах вермахта, его произведения отличаются гуманизмом и носят антивоенный характер. В 1972 году он был удостоин Нобелевской премии по литературе.

Необходимо подчеркнуть, что сам Генрих Белль в ФРГ подвергался критике. Так, прозвучавшая из уст одного из героев романа Бёлля «Бильярд в половине десятого» (1959 год) фраза, что «каждый порядочный человек должен был быть когда-то коммунистом», вызвала бурное обсуждение в немецком обществе. По мнению писателя, в годы господства национал-социализма в Германии из молодого поколения немцев в годы господства национал-социализма в Германии была выбита коммунистическая идеология, и это в дальнейшем плачевно отразилось на духовном состоянии западногерманского общества. Себя он относил к тем, кому помешали стать коммунистом.

Среди известных писателей, ученых и культурных деятелей Германии были и те, кто в период Второй мировой войны служили не просто в гитлеровских подразделениях, а в СС, например, Гюнтер Грасс. Впервые публично он признался в этом лишь в 2006 году, в автобиографическом повествовании «Луковица памяти», спустя 7 лет после получения Нобелевской премии в области литературы. Это стало потрясением для поклонников его творчества, ведь Гюнтера Грасса в Германии без преувеличения считали «совестью нации» не только за пронзительные литературные произведения, но и за активную политическую деятельность. Так, например, в начале 1980-х он был в числе активных противников размещения американских ракет «Першинг-2» на территории ФРГ.

Необходимо отметить, что практически все писатели Герма, прошедшие войну, в своих произведениях пронзительно показывали то отчаяние и бессмысленность мировой бойни, в которой оказались сами солдаты вермахта.

Так, в романе «Счасливый брак», один из главных героев, Хельмут Вегенер, на вопрос своего сослуживца Петера Хасслика, зачем он вступает в переписку с девушкой из Германии, Хельмут отвечает, что это единственая надежда для него, чтобы выжить и не думать о смерти: «*Ich **denke** nicht ans Sterben, ich **denke** nur ans Überleben, Herr Hauptmann», sagte Hellmuth. Und plötzlich brach es aus ihm heraus: «Und wohin soll ich denn sonst?! Man braucht doch einen, an den man **denken** kann. Der auf einen wartet, wenn man jemals aus dieser Scheiße herauskommen sollte!*» [Konsalik, 1991, S. 24]. Если в первом случае употребления глагол ***denken*** имеет значение «думать, мыслить», то во втором «верить, думать, собираться, намереваться», а в третьем «думать, вспоминать» [Барбашов, 2006, с. 379].

Говоря о вербализации исторической памяти в художественном дискурсе, на наш взгляд, не стоит забывать о тех, кто не был писателем, но внес значительный вклад в сохранение исторической памяти и ее трансляции грядущих поколениям через немецкий язык, прежде всего, через переводы.

Одним из таких исследователей по праву считается Карл Дедециус (1921-2016), человек удивительной судьбы, переживший ад Второй мировой войны. Он был ранен под Сталинградом, прошел через советский плен и создал уникальные переводы на немецкий язык стихотворений С. Есенина, В. Маяковского, А. Блока и многих других. Но при этом приходится с сожалением отмечать, что, несмотря на колоссальное творческое наследие, Карл Дедециус до сих пор известен скорее в узких ученых кругах, нежели массовому читателю. Он родился в семье судетских немцев. Позднее родители переехали в Польшу. После вторжения нацистов в эту страну, Карл Дедециус был мобилизован на трудовую повинность, а затем призван в гитлеровскую армию. Получив тяжелое ранение под Сталинградом в 1943 году, попал в плен, где провел 7 долгих лет, вплоть до 1950 года. По признанию самого К. Дедециуса, он выжил именно благодаря русскому языку, поскольку перевод русских стихотворений стал для него стратегией существования. Причем кириллицу и русский язык он сумел выучить за один благодаря поэзии

Пушкина и Лермонтова. Позднее он так напишет об этом времени в плену: «*Стихи стали своего рода моим дневником узника. Они были отражением крайностей в России: и жестокости режима, и мягкости, и душевной теплоты людей. И переводы явились началом моих исследований, они научили меня понимать другую страну, народ, время*».

Читая эти переводы, поражаешься тому, насколько автор смог прочувствовать дух того времени. К.Дедециус перевел 33 произведения С.А. Есенина, и если их прочесть, то, безусловно, возникает впечатление, словно их писал сам Сергей Александрович, только на немецком языке – настолько К. Дедециусу удалось передать в этих строчках всю есенинскую удаль, чуткое ощущение пробуждения природы, дух российских полей и просторов и многое другое. Например:

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.
Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось.
Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

Перевод на немецкий язык К. Дедедиуса:

Kahle Heine, nackte Fluren,
grauer Dunst, vom Fluss gesponnen.
hinter blaue Bergkonturen
rollte still das Rad der Sonne.
Schlummer halt den Weg umfangen,

der da träumt, der narbenvolle,
das er nicht mehr, nicht mehr lange
auf dem Winter warten solle.
Ach, ich sah durch Nebelhullen,
gestern, als der Busch mir flirrte,
wie der Mond, das Rote Fullen,
sich an unsern Schlitten schirrte.

Переводы С.А. Есенина были переизданы четыре раза с 1961 по 2004 г.

Спустя 50 лет после возвращения из плена выйдет в свет его книга «Моя Россия в стихотворениях» [Dedecius, 2003], включающая переводы поэтических произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока, А.А. Ахматовой, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, И.А. Бродского. К этому времени он уже станет ученым мирового масштаба. И кто знает, если бы не его любовь к русской поэзии, как бы сложилась его судьба. Думается, что именно этот переломный момент в России послужил толчком к блестящей карьере ученого, переводчика и общественного деятеля.

В конце 70-х годов он основал Немецко-польский институт в Дармштадте и руководил им около 20 лет. По его инициативе была издана Польская библиотека в 50 томах, Панорама польской литературы XX века в 7 томах. Он стал Почетным доктором нескольких университетов, лауреатом многочисленных премий и других наград. Его именем названа гимназия с углубленным изучением немецкого языка в Лодзи (Польша). Еще при жизни ученого в 2004 году в Германии была учреждена переводческая премия имени Карла Дедециуса, а в 2010 он стал лауреатом Немецкой национальной премии.
Он стал ученым мирового масштаба, работал в Европе, но всю жизнь был благодарен России. К сожалению, несмотря на колоссальную подвижническую работу, Карл Дедециус до сих пор известен скорее в узких ученых кругах, нежели среди массового читателя [Барбашов, Станиславский, 2019, с.43].

Похожая судьба сложилась и у другой замечательной творческой личности – Эккехарда Мааса, философа и теолога по образованию, певца,

переводчика, художника, общественного деятеля. Несмотря на то, что им выполнены переводы на немецкий язык и исполняются произведения Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы и многих других, в России до сих пор не изданы эти переводы. Как следствие, российскому читателю и слушателю это колоссальное творческое наследие практически не попадает в руки. Творчество Э.Мааса выполняет, прежде всего, миротворческую миссию и активно содействует онтологической безопасности России и Германии. С 1978 года он в своей квартире в Берлине открыл литературный салон, в котором бывали известные представители творческой интеллигенции: поэты, музыканты, писатели, художники, журналисты. Здесь исполнял свои песни Булат Окуджава, читали стихи Белла Ахмадулина и Евгений Евтушенко, выступали писатели Чингиз Айтматов и Анатолий Приставкин [Sprachzeiten, 2017]. Следует особо подчеркнуть, что творчество Эккехарда Мааса выполняет, прежде всего, миротворческую миссию. Одной из центральных тем в его наследии является тема памяти о войне. Тема исторической памяти всегда и во все времена имела колоссальное значение для любой цивилизованной нации, как для современников каких-либо важных исторических событий, происходящих в стране, так и для будущих поколений [Барбашов, Станиславский, 2018, с.431].

Тема войны занимает отдельное место в переводах Э. Мааса. В его литературном салоне неоднократно бывал Булат Окуджава и их связывали многолетние дружба и сотрудничество. Так, в переводе его знаменитой песни о солдатских сапогах, звучат следующие строки:

Ihr hört, es stampfen Stiefel durch das Land.
Die Vögel sind verstört und fliegen auf.
Und Frauen schauen unterm Schirm der Hand.
Ob ihr versteht, wohin die Frauen schaun?
Es dröhnt der Schlag der Trommel, ob ihrs hört?
Soldat, sag ihr Lebwohl, Lebwohl!
Der Zug marschiert in graues Nebelmeer...

Vergangenheit tritt klar hervor, hervor.
Doch wenn es nach dem Kriege heimwärts geht,
Dann wo, Soldat, ist unser Heldenmut?
Ihn werden sicherlich die Frauen stehln,
Verstecken ihn wie'n Küken an der Brust.
Und wo sind unsre Frauen, bester Freund,
Betreten wir die Tür zum eignen Haus?
Sie kommen auf uns zu und führn uns rein,
In unserm Hause aber riechts nach Raub!
Die Hand scheucht das Vergangne: Lug und Trug!
Wir, voller Hoffnung, sehn die Zukunft Licht!
Doch mästet sich im Feld die Krähenbrut.
Und auf dem Fuße folgt von Neuem Krieg.
Und wieder stampfen Stiefel durch das Land.
Die Vögel sind verstört und fliegen auf.
Und Frauen schauen unterm Schirm der Hand
Den kahl geschorenen Hinterköpfen nach...

Сравним с оригиналом Б.Окуджавы:

Вы слышите: грохочут сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки?
Вы поняли, куда они глядят?
Вы слышите: грохочет барабан?
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней…
Уходит взвод в туман – туман – туман…
А прошлое ясней-ясней-ясней.
А где же наше мужество, солдат,
когда мы возвращаемся назад?
Его, наверно, женщины крадут
и, как птенца, за пазуху кладут.

А где же наши женщины, дружок,
когда вступаем мы на свой порог?
Они встречают нас и вводят в дом,
но в нашем доме пахнет воровством.
А мы рукой на прошлое: вранье!
А мы с надеждой в будущее: свет!
А по полям жиреет воронье,
а по пятам война грохочет вслед.
И снова переулком – сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки…
В затылки наши круглые глядят.

Одним из учеников Б. Окуджавы считал себя другой известный бард – Владимир Высоцкий. И его пронзительная песня «Братские могилы», не могла не привлечь внимание Эккехарда Мааса:

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.
Здесь раньше – вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы –
Все судьбы в единую слиты.
А в Вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.
У братских могил нет заплаканных вдов –
Сюда ходят люди покрепче,

На братских могилах не ставят крестов…

Но разве от этого легче?!

Перевод на немецкий язык Эккехарда Мааса:

Keine Kreuze schmücken das Brüdergrab

Keine Witwen schreien und jammern

An ihm legen fremde Blumen ab

Und es leuchtet die ewige Flamme.

Hier hat sich die Erde aufgebäumt

Heute – granitene Stelen

Hier gibt's kein persönliches Schicksal, mein Freund

Hier sind alle in eines zu zählen.

In der ewigen Flamme: ein brennender Tank

Die brennenden russischen Katen

In Flammen Smolensk, der Reichstag in Brand

Das brennende Herz des Soldaten.

Keine weinenden Witwen am Brüdergrab

Heut sind sie wohl weniger weichlich

Keine Kreuze schmücken das Brüdergrab

Als wär davon jemandem leichter.

На наш взгляд, Эккехарду Маасу как никому из других переводчиков и публицистов в Германии, удалось в этих произведениях передать всю боль и трагедию нашей многострадальной Родины, которая понесла колоссальные человеческие жертвы в самой страшной войне XX века [Станиславский, Барбашов, 2019, с.141-142].

Анализиуя произведения писателей как фрагменты художественного дискурса в Германии, нам представляется крайне важным определить категорию исторической памяти как одну из основных понятийных или антропологических категорий, которая является интегративной для немецкой языковой картины мира. В процессе познания окружающей действительности человек приобретает определенные знания, в результате чего в его сознании

формируются понятия о предметах и явлениях, процессах и состояниях, их взаимоотношениях. Одной из познавательных форм мышления человека, позволяющей обобщать данный опыт и осуществлять его классификацию, является категория [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 45]. С возникновением и развитием когнитивного подхода связано изменение взглядов на сущность процесса категоризации. Так как согласно данному подходу, содержание когнитивных структур (сознание, мышление, познание) находит свое отражение в языке, то представляется логичным сделать вывод о том, что и понятия, лежащие в основе категорий, также могут быть выражены с помощью языковых средств. Таким образом, категоризация как вид когнитивной деятельности, призвана ответить на вопрос о том, на основании чего познающий субъект классифицирует явления и распределяет их в определенные классы, разряды, категории. Категория исторической памяти является кардинальной характеристикой человеческого сознания, при этом не сколько для отдельно взятой языковой личности (писатель, читатель, переводчик и др.), а скорее для всей языковой общности (термин Л.Вайсгербера). Данная установка как характерный признак целенаправленной человеческой деятельности находит свое отражение в понятийной категории, которая может быть выражена с помощью определенной системы языковых средств. Категории, формирующиеся в сознании мыслящего субъекта в результате познания им окружающего мира, были названы О. Есперсеном понятийными [Есперсен, 2002, с. 58]. Изучению понятийных категорий в отечественной лингвистике были посвящены труды И.И. Мещанинова, С.Д. Кацнельсона, В.Н.Ярцевой, М.М. Гухман и других исследователей языка. Такие категории также называют философскими или логическими (в рациональных грамматиках 17-19 вв.), психологическими (в работах Г. Пауля), когнитивными, концептуальными, мыслительными, речемыслительными и т. д. Согласно концепции Н.А. Кобриной, понятийные категории шире языковых, поскольку содержание сознания, понятийная основа всего того, что может быть высказано, шире языковой материи [Кобрина, 1989, с. 45]. Как правило,

понятийные категории рассматриваются как универсальные, свойственные практически всем языкам мира. Они означают смысловые компоненты общего характера, свойственные обширным классам слов и выражаемые в языке разнообразными средствами. Понятийные категории рассматриваются безотносительно к какому-то конкретному способу выражения [Языкознание, 1998, с. 385]. Поскольку существуют самые разные критерии классификации понятийных категорий, представляется довольно сложным подвергнуть объективному и подробному анализу диапазон их проявления. Тем не менее, Н.А. Кобрина выделила основные типы понятийных категорий [Кобрина, 1989, с. 43-45]: категории, которые совпадают с понятиями в философии и получают отражение в семантике или лексических группировках слов, либо в классах частей речи (предметность, атрибутивность, предикативность и т. д.); категории – параметры, признаки, характеристики, выраженные в таких категориях как вид, время, залог, наклонение, падеж, число, род и др.; релятивные или операционные категории, которые лежат в основе построения разных структур и коммуникативных типов предложения, и таким образом осуществляют функцию выражения внутрисистемных отношений. К последнему типу категорий, на наш взгляд, относится категория исторической памяти, которая в свою очередь существует неотрывно от познающего субъекта, и тем самым может быть охарактеризована как антропоцентрическая категория [Барбашов, 2000, с.126; Барбашов, 2002, с. 23; Барбашов, 2003, с.12].

Основополагающей для когнитивной лингвистики является парадигма систем переработки информации, а значит, человек, как познающий субъект и владеющий такой уникальной знаковой системой, как язык, изучается как система переработки информации. Язык обеспечивает переход от чувственного познания к рациональному и является единственно всеобщим средством, отождествляющим сознание одного человека с сознанием другого представителя определенного социума. В фокусе интересов когнитивной науки находятся механизмы, связанные с приобретением, хранением, переработкой и передачей знаний. Еще И.И.Мещанинов указывал на когнитивный характер

понятийных категорий, определяя их как отражение в языке норм действующего сознания [Мещанинов, 1945]. Н.В. Габечава рассматривает понятийные категории как результат человеческого опыта, как способ закрепления конкретной информации об окружающем человека мире. С точки зрения этого ученого, понятийные категории представляют собой такие структуры знаний, которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций, и с помощью этих структур осуществляется связность текста на макро- и микроуровне [Габечава, 1998, с. 26]. Это лишний раз доказывает, что понятийная категория цели относится к разряду операционных категорий. На когнитивный характер понятийных категорий указывает также и тот факт, что мыслительное содержание понятийной категории включает два слоя информации [Языкознание, 1998, с. 385-386]: внешнеситуационный («денотативный», «референтный», «когнитивный») – охватывает отражаемый факт (событие) с его предметными отношеними; данное внешнеситуационное содержание устроено как пропозиция, имеющая предикатно-аргументную структуру; прагматический («субъективный», «модальный», «иллокутивный», «коммуникативный») – отражает соотнесенность отражаемого факта с данным речевым актом и его компонентами – участниками коммуникативного взаимодействия, временем и местом осуществления речевого акта. Понятийная категория определяется Н.А. Кобриной как «мыслительный аппарат, необходимый для существования системы средств и правил их актуализации в структурах, и механизм, необходимый для осуществления конкретного высказывания» [Кобрина, 1989, с. 45].

Таким образом, историческая память представляет собой понятийную категорию, которая отражает такую характерную черту человеческой деятельности, как интенциональность, является базовой категорией в когнитивной структуре познающего субъекта, осуществляющего речемыслительную деятельность.

Из всего вышесказанного можно заключить, что понятийные категории шире языковых, поскольку понятийная основа всего того, что может быть

выражено в высказывании шире языковой материи. Понятийные категории отражают в языке нормы действующего сознания и носят общественный характер, и будучи представленными в сознании, обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Понятийная категория исторической памяти, являясь операционной с точки зрения функционирования в языке, относится к разряду категорий антропоцентрических, которые существуют неотрывно от познающего субъекта. Она представляет собой мыслительный аппарат, необходимый для осуществления конкретного высказывания и обеспечивает связность текста на микро - и макроуровне. На основе понятийной категории исторической памяти осуществляется передача культурно-историчсекого наследия нации от поколения к поколению.

2.2. Реализация валентностных потенций глагола

Рассмотрение валентностных особенностей морфологических классов слов целесообразно начать с глагола, который, в соответствии с общей теорией валентности, является главным носителем валентности в предложении. Валентность понимается Л. Теньером, прежде всего, как способность именно глагола сочетаться с определенным числом актантов – действующих членов – и сирконстантов – обстоятельственных членов предложения – при построении высказывания и сравнивается им с валентными свойствами атома в химии. Глагольное сказуемое как структурный центр предложения определяет число необходимых актантов, к которым Л. Теньер относит подлежащее и различные типы дополнений, обстоятельства и именную часть сказуемого. Различные авалентные, моновалентные, дивалентные и тривалентные глаголы характеризуются ученым только в отношении числа присоединяющихся к глаголу актантов, т.е. учитывается лишь количественный аспект валентности. Качественная же сторона валентности, детерминируемая характером семантических взаимоотношений между сочетающимися лексическими единицами при таком подходе, не раскрывается и вызывает вполне объяснимые возражения лингвистов.

Понятие валентности в понимании Л. Теньера взяли на вооружение и развивали многие немецкие лингвисты. К ним относятся, прежде всего, Х. Бринкман и Й. Эрбен. Х. Бринкман, вслед за Л. Теньером, также рассматривает глаголы в первую очередь по количеству «соучастников», а в отличие от Л. Теньера ещё и по наличию обязательной «открытой позиции», по падежу существительного и другим принципам. На этой основе он развивает теорию глагольной валентности и различает 8 групп глаголов:

1. Глаголы с нулевой валентностью.
2. Ограниченно одновалентные глаголы.
3. Неограниченно одновалентные глаголы.
4. Одновалентные глаголы с актантом в дательном падеже.
5. Одновалентные глаголы с актантом в родительном падеже.
6. Глаголы с двумя обязательными актантами.
7. Двухвалентные глаголы с актантом в родительном падеже.
8. Трёхвалентные глаголы.

Й. Эрбен, в свою очередь, разграничивает на основе принципа смысловой обязательности зависящих от глагола членов предложения одно-, двух-, трёх- и четырёхвалентные глаголы.

В. Юнг делит глаголы на семантически насыщенные (абсолютные, выступающие без объекта и обстоятельства) и относительные, требующие смыслового дополнения (объектно-связанные, обстоятельственно-связанные и копулативные, с предикативным дополнением).

В своей классификации глаголов Г. Хельбиг различает облигаторные и факультативные актанты, а также свободные распространители (freie Angaben). Последние, отмечает автор, не детерминированы глагольной валентностью и синтаксически незначимы, так что могут свободно добавляться и опускаться.

Таким образом, в основу классификации Г. Хельбиг кладёт только облигаторные и факультативные актанты и различает следующие классы глаголов:

1. Глаголы без актантов (например, безличные)

- Es blitzt.

2. Глаголы с одним факультативным актантом.

- Es regnet (Blüten).

3. Глаголы с одним облигаторным актантом.

- Die Pflanze geht ein.

4. Глаголы с одним облигаторным и одним факультативным актантом.

- Die Mutter kauft (Milch) ein.

5. Глаголы с одним облигаторным и двумя факультативными актантами.

- Der Lehrer dankt (dem Schüler) (für die Hilfe).

6. Глаголы с одним облигаторным и тремя факультативными актантами.

- Der Schriftsteller übersetzt (das Buch) (aus dem Russischen) (ins Deutsche).

7. Глаголы с двумя облигаторными актантами.

- Der Direktor erwartet seine Gäste.

8. Глаголы с двумя облигаторными и одним факультативным актантами.

- Der Schüler beantwortet (dem Lehrer) die Frage.

9. Глаголы с двумя облигаторными и двумя факультативными актантами.

- Der Schüler entgegnete (dem Lehrer) (auf dessen Frage), dass er aufgepasst habe.

10. Глаголы с тремя облигаторными актантами.

- Der Meister nannte die Frau eine gute Arbeiterin [цит. по Степанова, Хельбиг, 1978, с.194].

Однако, до сих пор, остаётся открытым вопрос о том, как классифицировать глаголы, актанты которых становятся облигаторными только в конкретной коммуникативной ситуации. В связи с этим, актуальными становятся работы лингвистов, направленные на рассмотрение глагола с учётом его возможных контекстуальных связей.

С.М. Кибардина различает три типа классификаций глаголов, учитывающих различные компоненты глагольной семантики: классификации, в

основе которых лежат субкатегориальные признаки («действие», «состояние», «движение», «процесс» и т.п.), лексико-семантические классификации и классификации, базирующиеся на синтагматических свойствах глагола, в том числе валентных. Она разграничивает три субкатегориальных класса: глаголы действия (в том числе произвольного и непроизвольного), глаголы состояния и глаголы свойства. При этом значение свойства может возникнуть на базе основных классов действия и состояния. С.М. Кибардина считает, что в основу валентностной классификации не могут быть положены ни субкатегориальные классы, ни лексико-семантические группы, выделяемые по вещественным признакам семантики глаголов, поскольку ни те, ни другие не учитывают последовательно валентных свойств глаголов. Малоинформативны, по ее мнению, и валентностные классификации, учитывающие только количество актантов. В качестве валентных признаков глагола С.М. Кибардина рассматривает субъект и объект, выделяя по содержательным признакам классы (типы) субъектных и объектных глаголов. Субъект и объект как основные актанты глагола (именно так понимаются они в исследовании С.М. Кибардиной) не совпадают с их пониманием как функционально-семантических категорий, а также с понятием субъекта и объекта ситуации [Кибардина, 1988, с. 15-16]. С учетом иерархии участников ситуации в реальной действительности С.М. Кибардина предлагает определять как субъект ситуации наиболее независимый из них.

Исходя из валентностного потенциала глагола (совокупности его валентностных вариантов), С.М. Кибардина указывает на ряд закономерностей, связанных с реализацией актантов:а) реализация актанта определяется, прежде всего, его содержательной обязательностью или факультативностью; б) содержательно обязательные актанты необходимо реализуются в речи, но не обязательно в данном предложении (в случае их нереализации может возникать окказиональный одновалентный /субъектный – у объектных глаголов/ вариант);

в) существует зависимость между общим количеством актантов глагола и количеством реализованных актантов: у большинства многовалентных глаголов проявляется тенденция к нереализации в одном предложении всех содержательно обязательных актантов; г) в валентностном потенциале глагола заложена предрасположенность к сочетанию с теми или иными распространителями – компонентами предложений.

Разделяя глаголы на субъектные, объектные, соотносимые с субъектными и объектными, а также на глаголы со «сдвинутой» семантикой актантов, автор далее описывает содержательные структуры (иными словами – семантику глаголов) каждого валентностного типа глаголов и определяет зависимость валентности от семантики глагола [Кибардина, 1988, с.25-26].

Подробное описание содержательных структур позволяет с одной стороны – выделить каждый валентностный вариант глагола, с другой – получить достаточно полную и достоверную картину валентности глаголов семантических групп, актанты которых находят свою актуализацию в речевом пространстве, в чем и заключается главное достоинство исследования С.М. Кибардиной.

Иллюстративный материал зачастую демонстрирует наличие в предложении не только структурно, семантически-облигаторных, но и коммуникативно- или ситуативно-необходимых (облигаторных) элементов.

В соответствии со всем вышесказанным представляется возможным выделить три больших класса, в которых все актанты глагола, при помощи теста на элиминирование, можно разделить не просто на облигаторные, а на:

а) синтаксически-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения его грамматичности/аграмматичности;

б) семантически-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения сочетаемости семантических признаков контекстных партнеров и сохранения, таким образом, смысловой компоненты предложения;

в) коммуникативно- или ситуативно-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения реализованного/нереализованного коммуникативного намерения говорящего.

2.2.1. Синтаксическая облигаторность актантов глагола

Данный раздел посвящен рассмотрению валентностных потенций глагола. Исследовательский интерес к этому морфологическому классу не угасал с момента разработки основных положений теории валентности Л. Теньером в труде «Основы структурного синтаксиса». Вся его теория, дальнейшая разработка которой определила направление работы многих лингвистов, строилась на вербоцентрическом принципе. Отсюда последовало дальнейшее рассмотрение различных языковых явлений с точки зрения теории валентности. Не представляет никакого сомнения, что глагол является стрктурообразующим элементом. При помощи закрепленных за ним валентностных свойств, осуществляется построение предложения. Требуя тех или иных актантов, глагол как бы регулирует структуру и семантику предложения, регламентирует его количественный и качественный состав. Принимая во внимание накопленный опыт многих исследователей, хотелось бы обратить внимание на некоторые весьма специфические и спорные моменты глагольной валентности, которые не позволяют поставить точку в его исследовании.

Именно от характера глагола, его способности в составе предиката принимать то или иное существительное зависит семантическая и синтаксическая структура предложения. Как предикат с переменными особого типа, глагол является, как бы «схемой базисного предложения, содержащей в себе правило его развертывания» [Кацнельсон, 1972, с. 163]. Так, например, глагол «построить» предполагает наличие двух переменных, субъекта и объекта данного действия, которым наименования «строители» и «мост» придают определенное значение. В структурном плане предикат «построить» – это не только выражение определенного предикативного признака, но предикат

с двумя переменными, оставленными для субъекта особого типа (одушевленного предмета) и особого объекта (продукта процесса созидания). С.Д. Кацнельсон выделяет формально-логическую, формально-синтаксическую, содержательную валентность. Формально-логическая учитывает число валентностей, формально- синтаксическая – грамматические формы, содержательная – строится на выделении качественно различающихся предикатов и их именных коррелятов. Подобное разграничение валентностей позволяет выделять категории синтаксической связи, заложенные в предикате и реализующиеся в процессе формирования высказывания, и категории лексико-семантические, заложенные в слове на основе его семантических компонентов [Кацнельсон, 1972, с.167]. Не представляет никакого сомнения, что в предложении наиболее валентно-связанными являются дополнения, которые закреплены в валентности глагола. Однако рассмотрение проблемы так называемых «свободных распространителей» позволяет по-новому взглянуть на проблему разграничения актантов на облигаторные, факультативные и свободные распространители.

Следовательно, в первую очередь, одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов при рассмотрении валентности глагола была и остается проблема разграничения членов предложения, относящихся к группе глагола и являющихся его актантами, на синтаксически облигаторные, то есть валентно-связанные.

Если классифицировать члены предложения в зависимости от их облигаторности/необлигаторности, то на основе ранее проведенных исследований можно установить следующее: субъекты и предикативы облигаторны; дополнения выступают в роли облигаторных или факультативных актантов; свободный датив является свободным распространителем; обстоятельства, примыкая к сказуемому, могут быть как обязательными, так и необязательными для законченности предложения. К.-Е. Зоммерфельд относит обстоятельства-актанты к членам предложения так

называемого первого ранга наравне с субъектами, предикативами, дополнениями; обстоятельства-свободные распространители – к членам предложения второго ранга вместе со свободным дативом и определением [Sommerfeldt, 1982, S.198].

Б. Латур, рассматривая синтаксическую облигаторность обстоятельств места, охарактеризовал их как ситуативно-необходимые, приписывая им, однако синтаксически облигаторые свойства. Он рассматривал как облигаторные только локальные и темпоральные обстоятельства (lokale und temporale Ergänzungen), необходимые для сохранения грамматической корректности предложения. По его мнению, локальные актанты встречаются гораздо чаще темпоральных в связи с тем, что облигаторные обстоятельства времени востребованы небольшим числом глаголов, таких как: stattfinden, passieren, beginnen [Latour, 1985, S. 65].

По данным проведенных раннее исследований более часто обстоятельства выступают в роли факультативных актантов, либо свободных распространителей. Как облигаторные актанты рассматривались в основном обстоятельства места (Й. Эрбен, Х. Глинц).

(1) *Ich ... wohnte* ***bei meinen Eltern*** [Frisch, 47].

(2) *Unsere Eheverkündigung stand* ***in der Zeitung*** [Frisch, 56].

(3) ***Im ersten Glied*** *stand Rose* [Apitz, 161].

(1′) *Ich ... wohnte*___*?*____.

(2′) *Unsere Eheverkündigung stand*___*?*____.

(3′) __*?*____*stand Rose*.

Однако отнюдь не исключением являются случаи, когда обстоятельство необходимо для завершения структуры предложения. Это особенно типично для обстоятельства направления.

(4) *Ich schlenderte nochmals* ***zum Meer*** [Frisch, 182].

(4′) **Ich schlenderte nochmals*___*?*____.

(5) *Er setzte sich und stützte die Arme* ***auf den Tisch*** [Frisch, 120].

(5′) **Er setzte sich und stützte die Arme*_____?_____.

Тест на элиминирование позволяет, таким образом, сделать вывод о синтаксической облигаторности обстоятельств направления. Семный состав глагола предопределяет наличие открытой позиции, которую они заполняют.

По мнению К.П.Акуловой, облигаторность обстоятельства зависит от особенностей значения сказуемого.

Автор отмечает, что в данном случае существует два мнения:

1) не только наличие, но и вид обстоятельства детерминируется валентностью глагола: так, например, после одних глаголов (fahren, reisen, laufen, stellen, legen) употребляются обстоятельства со значением направления, после других (wohnen, sich befinden, sitzen, stehen, liegen) – локальные обстоятельства.

(6) *Die freien Tage verbrachte er meist* ***im Flussbad,*** ... [Noll, 23],

(6′) *Die freien Tage verbrachte er meist*___?___, ...

(7) *Und* ***hier*** *wohnt der Peter Wiese, gleich* ***nebenan*** [Noll, 9].

(7′) *Und* ***hier*** *wohnt der Peter Wiese, gleich*_____?_____,

где ***im Flussbad*** и ***hier, nebenan*** являются синтаксически-облигаторными обстоятельствами места.

(8) *Schöner trug Holts Verspätung* ***ins Klassenbuch*** *ein* [Noll, 10].

(8′) *Schöner trug Holts Verspätung*___?____*ein.*

(9) *Alle Augen waren* ***auf Wolzow*** *gerichtet* [Noll, 17].

(9′) *Alle Augen waren*_____?_____*gerichtet,*

где ***ins Klassenbuch*** и ***auf Wolzow*** являются синтаксически-облигаторными обстоятельствами, обозначающими направление;

2) валентностью глагола определяется только наличие обстоятельства, но не его разновидность. После некоторых глаголов (stattfinden, sich ereignen, geschehen, ausbrechen) могут употребляться разные виды обстоятельственных определений, однако наличие одного из них обязательно, например:

(10) Das Konzert findet *heute auf dem Marktplatz* statt.

→ Das Konzert findet *heute* statt.

→ Das Konzert findet *auf dem Marktplatz* statt.

→ *Das Konzert findet statt.

Члены предложения, входящие в синтаксическую группу сказуемого, характеризуются в немецком языке относительной свободой местоположения. Они могут стоять как перед, так и после личной формы глагола. Однако для различных членов предложения, входящих в синтаксическую группу сказуемого, можно выявить типичное местоположение, характерное для нейтрального в эмоциональном отношении высказывания. Обстоятельства, наиболее тесно связанные со сказуемым, имеют тенденцию к постановке после сказуемого, ближе к концу предложения. Наиболее ярко данная тенденция проявляется у обстоятельств направления.

(11) *Stattdessen verwickelte ich ihn* ***in ein Gespräch*** [Frisch, 82].

(12) *«Meinst du mich?» fragte Wolzow und legte den Kopf* ***auf die Seite*** *...* [Noll, 10].

Таким образом, сказуемое и облигаторное обстоятельство образует своего рода рамочную конструкцию. Причем следует отметить, что рамочная конструкция предложения в немецком языке связана с общей тенденцией ставить в конце предложения те элементы сказуемого / те члены группы сказуемого, которые наиболее тесно связаны с предикатом и которые логически наиболее весомы в предложении.

Синтаксически-облигаторными могут быть также обстоятельства образа действия. Это происходит в том случае, если глагол обладает нужной семой, которая открывает соответствующую синтаксически-облигаторную открытую позицию для данного вида обстоятельств:

(13) *Er fühlte sich* ***nicht erfrischt****, sondern* ***matt und benommen*** [Noll, 5].

(14) *Aber Wolzows Besuche machten ihn* ***froh*** [Noll, 20].

(15) *Die älteren fühlten sich* ***nicht mehr so einsam*** *...* [Johansen, 11].

(16) *Die Hoffnung, noch vor Einbruch der Nacht hinzukommen, machte uns* ***nervös*** ... [Frisch, 53]

(14′) **Aber Wolzows Besuche machten ihn* ____?____.

(13′) **Er fühlte sich*____?_____, *sondern*___?_____.

(15′) *Die älteren fühlten sich*___?____...

(16′) *Die Hoffnung, noch vor Einbruch der Nacht hinzukommen, machte uns*___?____...

В данных предложениях не представляется возможным элиминировать обстоятельственные актанты ***nicht erfrischt, matt und benommen*** и ***froh***, ***nicht mehr so einsam***, ***nervös*** не нарушая грамматической корректности всего предложения. Следовательно, данный актант можно считать синтаксически облигаторным.

Кроме того, интересен тот факт, что обстоятельство может выступать в некоторых случаях неким аналогом приставки:

(17) ... *Wenn mein Lehrer* ***ins Klassenzimmer*** *trat, hatte ich Angst, er habe es erfahren…*

При появлении у глагола приставки «ein-» обстоятельство переходит из статуса облигаторного в факультативное, то есть на приставку переносится часть синтаксической нагрузки базового глагола (аналогично глаголам einsteigen, aussteigen):

(18) *Als er neben mir stoppte und* ***aus dem Wagen stieg****, erkannte ich ihn nicht.*

Свободные распространители, наоборот, имеют тенденцию к «выносу за рамки предложения»:

(19) *Einmal ist sie durch Zürich gefahren* ***ohne unsere Tochter*** [Frisch, 185].

(20) *Ein Zug kam an* ***in der großen Stadt in Südafrika*** [Böll, 21].

Однако в данных случаях может идти речь и об особом стилистическом приеме, о намерении автора подчеркнуть таким образом ту или иную информацию. Но это же доказывает наибольшую актуальность данного распространителя, который, можно сказать, вследствие своей понятийной

актуальности становится фактически актантом, если и не облигаторным, то, как минимум, факультативным.

Значимая синтаксическая роль обстоятельств с одной стороны обусловлена семным составом глагола, с другой – ближайшим контекстуальным окружением.

(21) *Seine Zigaretten warf er* ***auf den Boden,*** ... [Bank, 8].

Закономерность употребления синтаксически облигаторного актанта ***auf den Boden*** объясняется наличием у глагола *werfen* соответствующей семы направления выполняемого действия. Актант на синтаксическом уровне получает дополнительную структурообразующую функцию, позволяющую ему участвовать в построении предложения.

Однако актантный состав может вариироваться в зависимости от морфемного состава глагола. В случае добавления дополнительной приставки глагол изменяет количество структурно необходимых компонентов.

(22) *Sie war* ***in den Zug*** *gestiegen, Richtung Westen, Richtung Wien* [Bank, 8], где ***in den Zug*** выступает в роли синтаксически облигаторного актанта, но в другом случае этот актант становится факультативным, так как из-за добавления дополнительных семантических признаков, глагол не нуждается в данном актанте.

(22′) *Sie war* ***(in den Zug) eingestiegen***.

Благодаря именно этим случаям употребления обстоятельств не в роли свободных распространителей, а синтаксически-облигаторных актантов можно сделать вывод об их актуальности, поскольку в структуре текста они наиболее полно помогают сохранить структуру предложения, и заполняют, открываемые глаголом синтаксические открытые позиции. Таким образом, обстоятельства недостаточно правомерно относить к классу глагола как наименее связанные с ним. Их релевантность в коммуникативной ситуации позволяет им обретать если не синтаксическую, то, как минимум семантическую значимость. Этот факт, в свою очередь, даёт право и возможность говорить об их уникальном

статусе валентно-связанных членов предложения в валентностной проблематике.

2.2.2. Семантическая облигаторность актантов глагола

Теория валентности рассматривает проблематику облигаторности актантов с точки зрения синтаксической необходимости их наличия при построении предложения. При этом учитывается количественный фактор заполнения открытых позиций актантами и не учитывается их качественная сторона. Однако семантическая ценность некоторых компонентов в предложении позволяет сохранить смысл высказывания.

На основе анализа фактического материала предлагается рассматривать облигаторность актантов глагола с точки зрения их семантической адекватности. Используя тест на элиминирование, выявляется необходимый семантический минимум предложения. В случае, если элиминирование актанта приводит к полному нарушению смысла всего предложения, речь идет о его абсолютной семантической облигаторности. Полное изменение семантики предложения предлагается назвать семантической трансверсией.

В настоящем исследовании предпринимается попытка описания семантической облигаторности актантов глагола на примере обстоятельств, которые очень часто не вполне справедливо относят к свободным распространителям. Их семантическая ценность как актантов позволяет вывести обстоятельства на уровень валентно-связанных частей речи не только в плане синтаксиса (см. раздел 2.1.1.), но и в плане семантической значимости. Следует отметить, что отсутствие соответствующего обстоятельства зачастую может привести к асемантичности или семантической неадекватности предложения:

(23) *So genau könne man das allerdings nicht sagen, weil es (das Mädchen)* ***merkwürdig*** *angezogen sei* [Ende, 9].

(23′) **So genau könne man das allerdings nicht sagen, weil es (das Mädchen)? angezogen sei.*

В данном предложении актант ***merkwürdig*** можно рассматривать как семантически облигаторный, так как его отсутствие изменяет смысл высказывания в целом. Релевантным в данном случае оказывается сопутствующее обстоятельство, а не само действие, выражаемое глаголом. Вследствие элиминирования нарушается смысловая картина высказывания, что приводит к семантической трансверсии.

Учитывая контекстуальное окружение глагола *anziehen*, в предложении появляется открытая позиция для его конкретизации. Необходимость описательной характеристики действия диктуется часто смысловой заданностью предложения:

(24) *Ich kann nicht* ***in den Bunker*** *gehen* [Johansen, 14].

(24′) **Ich kann nicht____?____gehen.*

В приведенном примере обстоятельство направления ***in den Bunker*** является семантически облигаторным, так как его отсутствие приводит к искажению понимания передаваемого смысла. Асемантизация его видится в том, что актуальным является не сам факт способности ходить, а направление движения, передаваемое глаголом *gehen*. В случае отсутствия сопутствующего обстоятельства высказывание становится некорректным, а это, в свою очередь, приводит к трансверсии передаваемого предложением смысла.

Искажение смыслового фона предложения приводит к необходимости переосмыслить валентностный статус обстоятельств. Рассматриваемые в качестве свободных распространителей, они не входят в актантный состав глагола, но утверждение о том, что они могут свободно добавляться и опускаться в предложении представляется не вполне обоснованным. При опускании того или иного компонента необходимо обращать внимание с одной стороны на ближайшее контекстуальное окружение, с другой на изменение семантики предложения.

(25) *Wir haben unseren Vater nie* ***ohne Zigarette*** *gesehen* [Bank, 8].

(25′) **Wir haben unseren Vater nie____?____gesehen.*

Сравнительный анализ семантики этих двух предложений, помогает раскрыть семантическую значимость актанта ***ohne Zigarette***, который в данном случае функционирует как семантически облигаторный. После его элиминирования смысл высказывания меняется полностью, что обусловливает необходимость его присутствия для сохранения семантической корректности предложения.

Таким образом, синтаксическая модель описания валентности и дистрибуции глагола не является исчерпывающей для описания актантного состава. Помимо грамматического минимума описанию и конкретизации подлежит и семантический минимум предложения. Релевантность этого описания заключается в семантической избирательности контекстных партнеров в каждом отдельно взятом высказывании.

Следует также отметить, что отсутстствие семантически облигаторного актанта может привести к изменению значения глагола.

(26) *Eines Tages wollte Nikola Nino dieses Bild abhandeln – angeblich, weil er es* ***schön*** *fand* [Ende, 19], или,

(27) *Und das fand Nino gar nicht* ***komisch*** [Ende, 18].

(26′) **Eines Tages wollte Nikola Nino dieses Bild abhandeln – angeblich, weil er es____?____fand.*

(27′) **Und das fand Nino gar nicht___?___.*

Семантика глаголов в данных случаях меняется, что приводит к нарушению семантики всего предложения. Нарушение это также обусловлено изменением актантного состава глагола *finden*, количественный и качественный состав которого начинает вариироваться. Таким образом, актанты ***schön*** и ***komisch*** представляют собой семантически облигаторные компоненты высказывания. Будучи помещенными в другое окружение, они могут не проявлять валентностных свойств, или получать синтаксическую облигаторность.

(28) *Sie sah sehr* ***schön*** *aus.* – синтаксически облигаторный актант.

(29) *Er benahm sich* ***komisch****.* - синтаксически облигаторный актант.

Если провести подобную трансформацию, то те же актанты становятся облигаторными на синтаксическом уровне и сохраняют грамматическую корректность высказывания.

Возможны варианты, когда предложение без соответствующего семантически обусловленного актанта становится некорректным с точки зрения логики.

(30) *Der Ärger verflog, und mein Herz begann* ***heftig*** *zu klopfen* [Stalmann, 19].

(30′) **Der Ärger verflog, und mein Herz begann*____?____ *zu klopfen.*

Актант ***heftig*** является семантически необходимым так как конкретизирует высказывание, и сохраняет его смысловую целостность. Отсутствие его приводит к асемантичности всего предложения. Однако нельзя исключать, что в другой ситуации отсутствие подобного компонента не влияет на семантическую сторону предложения.

(30″) *Der Patient bekam die ärztliche Hilfe und sein Herz begann zu klopfen.*

Контекстуальное окружение глагола *klopfen* обеспечивает в данном случае закономерность его употребления без обстоятельства, не нарушая при этом семантической целостности высказывания. Следовательно, необходимо принимать во внимание контекстуальное окружение, в котором функционирует тот или иной актант.

В случае элиминирования обстоятельственного актанта в предложении может произойти перенос отрицания с обстоятельства на сам предикат, что инициирует изменение смысловой неправленности высказывания.

(31) *Kommen Sie nicht* ***so oft*** *zu mir, das fällt auf* [Apitz, 377].

(31′)**Kommen Sie nicht____?_____zu mir, das fällt auf.*

Предложение теряет первоначальную семантику и приобретает несколько измененный смысл, что, в свою очередь, позволяет отнести актант ***so oft*** к семантически облигаторным актантам глагола.

Таким образом, обстоятельства в предложении могут функционировать как семантически релевантные актанты, которые помогают сохранить

изначальное значение высказывания. При этом они, безусловно, проявляют свой валентно-связанный характер и реализуют валентностный потенциал наряду с дополнениями, субъектами и предикатами.

2.2.3. Коммуникативная облигаторность актантов глагола

Глаголу как лексико-грамматическому классу всегда отводилось ведущее место при рассмотрении теории валентности с момента её возникновения. На основе глагола были созданы её теоретическая и практическая базы, которые, в свою очередь, послужили толчком для многочисленных последующих исследований, направленных на исследование валентностных свойств других морфологических классов. Так, например, валентность имён существительных с самого начала опиралась на методику исследования валентности глагола и прилагательного.

Валентностные свойства глагола, таким образом, которые многие годы находились в самом центре многочисленных исследований, казались уже изученными и не представляющими особого любопытства в связи с их достаточно подробным описанием. Однако большинство работ, посвящённых валентности морфологического класса глагола, были зачастую направлены на описание количественно-качественного состава его актантов, заполнявших детерминируемые глаголом синтаксические и семантические открытые позиции. Исследования были, как бы оторваны от процесса коммуникации и прагматического потенциала актантов, что во многом не позволяло объяснить при помощи, имеющегося на тот момент инвентаря валентности, случаи отсутствия или присутствия тех или иных актантов в разговорной и письменной речи. Первые попытки описания подобных случаев и рассмотрение адекватности применения при этом опыта, накопленного теорией валентности, были сделаны уже в конце 70-х - начале 80-х годов прошлого столетия в работах Г. Хельбига, Л.М. Михайлова и других.

Так, например, Л.М. Михайловым были рассмотрены и описаны случаи редукции валентности глаголов в диалогической речи. В частности, им

описывались примеры, когда синтаксическая и семантическая наполняемость актантов в предложении происходила за счёт привлечения контекста. На этих примерах объяснялась смыслово-синтаксическая законченность эллиптических предложений, в которых, как известно, насыщение лакун, открываемых глаголом, происходит благодаря актантам, находящимся на некоторой дистанции от него. Например:

(32) *„Ich wünsche es Ihnen nicht?“*

- *„Ich mir auch nicht.“*

Имеется в виду *(Ich **wünsche es** mir auch nicht).*

Как правило, необходимость привлечения текста для идентификации полноценного содержания выполняет диагностирующую функцию в процессе коммуникации, поскольку для коммуникантов подобный ответ в речевом пространстве вполне понятен на уровне объединяющих их фоновых знаний. Что же касается построения высказывания с точки зрения его грамматической корректности, то она не нарушена формально, а на содержательном уровне имеющуюся лакуну можно охарактеризовать как возможность присутствия или наличия имплицитного актанта.

Зачастую в диалоге нет необходимости использования либо некоторых актантов, либо самого управляющего глагола, либо его части (возможно, даже смысловой), в том случае, если это аналитическая форма глагола, так как иначе происходило бы смысловое перенасыщение ими предложения. А их отсутствие объясняется принципом языковой экономии, которого придерживаются коммуниканты в диалогической речи, потому что личный контакт и сопутствующие невербальные способы общения делают полноту высказывания излишним.

Таким образом, необходимость привлечения контекста для возможности более подробного описания валентностных свойств глагола послужило отправной точкой для выделения особой группы коммуникативно-облигаторных актантов, валентно-связанный характер которых проявляется

лишь в конкретной коммуникативной ситуации. Специфика их состоит в том, что любой компонент высказывания может стать релевантным, поскольку может изменить смысловую картину текста.

Сочетание слов в предложении-высказывании зачастую подчиняется не только грамматическим закономерностям, но и смысловой заданности.

(33) *Man vergisst* ***hier*** *alles* [Frisch, 41].

(34) *Woher wissen Sie das* ***so genau*** [Herrmann, 147].

Предложение (33) интересно, прежде всего, тем, что актант ***hier,*** помещённый в синтагматическую цепочку, согласно общей теории валентности является свободным распространителем, но, будучи помещённым в контекст, проявляет валентностные свойства, вследствие чего становится релевантным для данного предложения-высказывания. Наречие ***hier,*** обладая локальной семой, не корелирует с семным составом глагола ***vergessen***, поэтому остаётся за рамками его грамматической актуальности. Таким образом, возникает необходимость выявления причин использования данного речевого элемента.

Привлечение широкого контекста даёт возможность их прогнозирования. Речь идёт о том, что локальный объект становится важным, так как показывает состояние субъекта, который в своём восприятии окружающего мира выходит за пределы реальности данного пространства. Именно лексема ***hier*** делает возможным подобное восприятие читателем. В высказывании (34) актант ***so genau*** является также лишь свободным распространителем. Однако на уровне контекста он становится актуальным и показывает именно коммуникативное намерение говорящего, актуализируя необходимость своего присутствия в данной коммуникативной ситуации.

Релевантность этого актанта видится в том, что для говорящего наиболее важным и значимым на уровне описываемой ситуации является не источник, а точность предоставленной информации. Будучи помещенными в синтагматическую цепь, слова ведут себя по-разному. Одни достаточно самостоятельны в том смысле, что способны придавать структурно-

семантическую законченность конструкции без зависимых от них слов. Другие же, оказавшись в синтагматической цепи, обязательно требуют включения в нее в эксплицитном виде или в виде импликации зависимого от них окружения. Именно от характера глагола, его способности в составе предиката принимать то или иное существительное зависит смысловая завершённость структуры предложения. Отбор подходящих и исключение недопустимых контекстных партнеров осуществляется на основе совместимости или несовместимости их семантических признаков, которые в свою очередь мотивированы явлениями действительности. Так, например, глаголы говорения и мышления предусматривают в качестве субъектов людей, глаголы видения в качестве объектов – конкретные предметы.

(35) *„Danke“,* ***sagte*** ***sie****, gab den Becher zurück und* ***fragte*** *dann* ***den Burgherrn****, wo seine Tochter sei* [Hohler, 31].

(36) ***Der Lehrer*** ***dachte*** *einen Moment* ***nach*** *und* ***sagte*** *dann:“Nein. Was* ***wissen*** ***wir*** *schon von den Müttern?“* [Hohler, 43].

Тем не менее, так называемые коммуникативно-облигаторные актанты, являющиеся релевантными в предложении, могут по-разному изменять коммуникативное намерение говорящего. С одной стороны, при элиминировании того или иного актанта может лишь частично искажать передаваемую коммуникантом мысль, с другой стороны, отчеркивание другого соучастника может полностью изменить содержание высказывания. Вариантом частичного нарушения коммуникативного намерения, говорящего могут послужить следующие примеры:

(37) *Sie sah ihn* ***noch immer*** *nicht an* [Herrmann, 137], или

(38) *Wartest du* ***noch immer*** *auf sie?* [Herrmann, 143]

В подобных случаях при элиминировании коммуникативно-облигаторных актантов не происходит полного искажения смыслового фона предложения-высказывания.

(37′) **Sie sah ihn* __?____*nicht an*, или

(38′) **Wartest du ___?___auf sie?*

Однако, актуальность присутствия данных актантов не вызывает сомнения, так как в обоих случаях релевантными оказываются не сами процессы «видение» или «ожидание», а их продолжительность относительно процесса действия, выполняемого субъектом. Именно необходимость представления протяженности действий во времени обусловливает их употребление в данном контексте.

Необходимо также отметить, что в другой ситуации соответствующие актанты глагола, а точнее их отсутствие, позволяет говорить о полном нарушении коммуникативного намерения одного из участников коммуникации.

(39) *Ich tanzte nicht* ***vor Vaterfreude****...* [Frisch, 48], или

(40) *Marcer war auch für Umkehren, da er seine Ferien* ***zu Ende gehen*** *sah...* [Frisch, 52]

В первом случае актант «*vor Vaterfreude*» выполняет уточняющую функцию, так как для говорящего актуальной является причина соответствующего поведения субъекта в данной ситуации. Применив тест на элиминирование, выясняется так же, что изменяется тип предложения с точки зрения вида предикативных отношений.

По правилам грамматики немецкого языка, одним из признаков немецкого предложения является предикативное отношение, которое заложено в основу любого предложения. Это так называемое синтаксическое отношение между субъектом и предикатом, которое показывает какой из признаков – положительный или отрицательный – приписывается подлежащему. Согласно данному положению все немецкие предложения делятся соответственно на положительные и отрицательные. Таким образом, элиминирование актанта в первом случае также меняет и вид предложения с положительного на отрицательное, так как без него отрицается не объект, зависящий от глагола, а действие в целом.

(39′) *Ich tanzte nicht* ***vor Vaterfreude****…*

(39″) **Ich* ***tanzte*** *nicht* __?__ …

Из этого следует, что помимо нарушения процесса коммуникации, вследствие изменения коммуникативного намерения, происходит ещё и изменение синтаксических отношений внутри предложения-высказывания.

Во втором случае элиминирование актанта глагола приводит к искажению смысловой целостности, вследствие чего предложение становится бессмысленным и теряет свою актуальность в процессе коммуникации. Так как в данной, конкретной коммуникативной ситуации нельзя сказать:

(40′) **Marcer war auch für Umkehren, da er seine Ferien* __?__*sah*…

Опущенный актант, таким образом, вследствие его понятийной значимости для высказывания можно отнести к коммуникативно-облигаторным актантам глагола, находящим свою актуализацию именно в конкретной коммуникативной ситуации, и относящимся к сфере рассмотрения, как было указано выше, прагматической или контекстуальной валентности.

Необходимо также заметить, что в других случаях элиминирование одного из актантов глагола ведет не только к полному нарушению коммуникативного намерения говорящего, но и к изменению глагольной семантики.

(41) *Ich fand es* ***zum Lachen*** [Frisch, 39], а так же

(42) *Wir nahmen's* ***für einen Witz*** [Frisch, 52].

С одной стороны, благодаря тесту на элиминирование выявляются релевантные актанты, присутствие которых обеспечивает оптимальную информативность в процессе общения, а также успешную реализацию коммуникативного намерения говорящего. С другой стороны, необходимо заметить, что после элиминирования не происходит нарушения грамматической целостности предложения.

(41′) **Ich fand es*__?__.

(42′) **Wir nahmen's*__?__.

Из примеров становится ясно, что помимо смещения коммуникативного ядра высказывания с одного актанта на другой, происходит еще и изменение значения глагола с переносного на прямое, что в свою очередь не позволяет предложению стать аграмматичным с точки зрения синтаксической валентности. Не вызывает сомнения то, что данные примеры могут быть употреблены в какой-либо другой ситуации, но их присутствие в данном контексте является бессмысленным, так как актуальность их присутствия обеспечивают только вышеуказанные коммуникативно-облигаторные актанты глагола, несущие основную смысловую нагрузку, и позволяющие облегчить реципиенту понимание и стимулировать прогнозирование дальнейшей ситуации в целом.

Отсутствие соответствующего компонента у глагола зачастую дистанцирует коммуникантов друг от друга, так как высказывание теряет первоначальную интенцию и становится бессмысленным в данной коммуникативной ситуации.

(43) *Mach ein Tuch* ***naß*** *und leg es ihr auf die Stirn, sagte Sabina* [Hohler, 36].

(43′) **Mach ein Tuch____?____und leg es ihr auf die Stirn, sagte Sabina.*

Актант ***naß*** оптимизирует понимание высказывания, в то время как его отсутствие инициирует коммуникативную неадекватность ситуации. Свою актуализацию этот актант находит в контексте, что помогает обеспечить реализацию коммуникативного намерения, говорящего и оптимизирует процесс восприятия, сказанного реципиентом.

Конкретизация ситуации за счет различного рода актантов позволяет говорящему достичь успешности коммуникации, прибегая к употреблению наиболее релевантных компонентов высказывания, которые обеспечивают оптимальную информативность. Иногда они носят уточняющий характер и в другом окружении не проявляют устойчивой валентностной связи с глаголом, но будучи помещенными в конкретные коммуникативные условия, получают статус коммуникативно-облигаторных компонентов.

(44) *Er war* ***als Einzelkind*** *aufgewachsen* [Noll, 21].

(44′) **Er war___?____aufgewachsen.*

В приведенной ситуации с точки зрения синтаксического наполнения предложения компонент ***als Einzelkind*** не может рассматриваться как облигаторный, так как без него не происходит нарушения грамматической целостности высказывания, но, с точки зрения коммуникативного намерения, этот компонент несет на себе большую коммуникативную нагрузку, чем глагол. Следовательно, он относится к разряду коммуникативно-облигаторных актантов и актуализируется в речевом пространстве.

В том случае, если актуальный компонент отчеркивается в предложения-высказывания, оно становится коммуникативно-нерелевантным, что приводит к невозможности его употребления в данном контексте.

(45) *Jetzt mussten die Mützen* ***korrekt*** *sitzen* [Apitz, 10].

(45′) **Jetzt mussten die Mützen____?_____sitzen.*

В результате элиминирования актанта ***korrekt***, в данном случае - обстоятельства места, высказывание теряет свою коммуникативную значимость, а предложение становится бессмысленным. Актуальность конкретизации действия играет определяющую роль в ходе передачи информации, что предохраняет предложение от асемантичности. В подобных случаях речь идет об абсолютной коммуникативной облигаторности актанта, а, следовательно, выявляется полная коммуникативная трансверсия смысла высказывания. Зачастую присутствие коммуникативно-обусловленного актанта позволяет прогнозировать дальнейшее изменение ситуации. Так, например, возможно прогнозирование изменения состояния или статуса субъекта, что также оптимизирует процесс коммуникации.

(46) *Nächsten Mittwoch,* ***einen Tag nach der Trauung****, fährt sie mit ihm nach Italien, ...* [Herrmann, 125]

В высказывании уточняется изменение статуса субъекта, которое должно с ним произойти в ближайший период времени. Реципиент получает

возможность правильно воспринять и адекватно отреагировать на предлагаемую ему информацию, не прибегая к переспросу и уточнению.

Возможно также ретроспективное прогнозирование ситуации за счет коммуникативно-облигаторных актантов, что сокращает процесс восприятия информации и конкретизирует ситуацию в целом.

(47) *Es waren meine Lieblingsrosen, er hatte sie mir* ***immer*** *mitgebracht* [Stalmann, 9].

Уточнение постоянства действия в прошлом объясняет необходимость присутствия актанта в данной коммуникативной ситуации, что также позволяет адекватно воспринять предлагаемую информацию.

Кроме того, коммуникативно- или ситуативно-облигаторными в предложении могут выступать обстоятельства, описывающие состояние субъекта на момент речи.

(48) *Ich wollte* ***knapp und sachlich*** *darüber reden, bloß nicht weinen* [Stalmann, 45].

(49) *Ich sah ihn* ***bittend*** *an. Er senkte den Blick auf den Schreibtisch. Ich sah ihn immer weiter* ***bittend*** *an* [Stalmann, 45].

(48′) **Ich wollte___?____darüber reden, bloß nicht weinen*.

(49′) **Ich sah ihn___?___ an. Er senkte den Blick auf den Schreibtisch. Ich sah ihn immer weiter____?____an*.

В данных случаях актуальным становится описание психического состояния субъекта, что позволяет получить представление о ситуации, обстоятельствах и атмосфере, в которой находятся коммуниканты.

Наиболее релевантными становятся актанты, выносимые за пределы рамочной конструкции, что может служить дополнительным доказательством коммуникативного намерения говорящего при передаче информации.

(50) *«Sieh mal an», sagte Maaß,* ***wütend vor Enttäuschung*** [Noll, 18].

(50′) **«Sieh mal an», sagte Maaß,____?_____*.

Коммуникативная обусловленность актанта ***wütend vor Enttäuschung*** объясняется необходимостью описания эмоционального состояния субъекта. Это оптимизирует понимание обстановки, в которой проходит действие и прогнозирует возможное изменение ситуации. С точки зрения характера облигаторности этого актанта, в данном случае при элиминировании происходит лишь частичное изменение коммуникативного намерения, что приводит к дефициту информации и в дальнейшем может быть не вполне правильно истолковано адресатом. Расширение информационного фона высказывания очень важно для процесса коммуникации. Любое искажение интенции может привести к информационным лакунам, что неблагоприятно отражается на процессе общения. Свободные распространители, рассматриваемые в традиционной теории валентности как необязательные, актуализируют свои валентностные свойства в коммуникации.

(51) *Im Schreibbüro saßen sie* ***untätig*** *an den Tischen, ...* [Apitz, 166].

(51′) **Im Schreibbüro saßen sie____?____an den Tischen, ...*

Сопутствующее глаголу обстоятельство ***untätig*** позволяет говорящему полностью реализовать свою интенцию. Релевантность этого актанта видится в том, что для коммуникантов наиболее важным является не само действие, а характер его протекания. В связи с этим актант становится коммуникативно-облигаторным. Необходимо отметить, что элиминирование коммуникативно-обусловленных актантов не приводит к аграмматичности предложения с точки зрения синтаксической валентности, но, в то же время, показывает коммуникативную значимость опускаемого компонента высказывания, что характеризуется степенью реализации коммуникативного намерения.

(52) *«Ich glaube», erwiderte er sanft, «wir sollten einmal* ***ernsthaft*** *miteinander reden», ...* [Ende, 94].

(52′) **«Ich glaube», erwiderte er sanft, «wir sollten einmal_____? miteinander reden», ...*

С одной стороны, элиминированный актант ***ernsthaft*** не является синтаксически облигаторным, так как его отсутствие не влияет на структуру предложения, но с другой стороны, он коммуникативно-облигаторен, поскольку входит в интенциональный фон высказывания. Для адресата он обладает наибольшей релевантностью, так как принимает на себя основную коммуникативную нагрузку. Интересен в данном случае не сам факт общения коммуникантов друг с другом, а то, в какой атмосфере оно будет происходить.

Описательный характер действия необходим для того, чтобы оно могло быть воспринято адекватно.

(53) *Kluttig sah* ***hilfesuchend*** *auf Reineboth, ...* [Apitz, 163].

(53′) **Kluttig sah*____?____*auf Reineboth, ...*

Коммуникативная облигаторность актанта ***hilfesuchend*** с одной стороны объясняется значимостью его присутствия в данной ситуации, с другой стороны, его отсутствие инициирует другую постановку вопроса к высказыванию. В предложении с элиминированным актантом, вопрос закономерно ставится к действию, так как предложение сужено до синтаксического минимума:

Was *machte Kluttig?*

В исходном варианте предложение расширяется за счет обстоятельства образа действия, что актуализирует иной вопрос:

Wie *sah Kluttig auf Reineboth?*

В связи с этим, элиминированный актант за счет его оптимальной информативности можно отнести к частично коммуникативно-облигаторным.

Таким образом, фактический материал предоставляет возможность выделить новый коммуникативно-облигаторный вид актантов глагола, что инициирует необходимость дополнительно рассмотреть валентностный потенциал глаголов с учетом коммуникативного аспекта валентности. В ходе исследования выяснилось, что, обладая наибольшей коммуникативной ценностью, ситуативно-облигаторные актанты представляют большой интерес

для их дальнейшего исследования в русле именно валентностной проблематики, позволяющей раскрыть существующие закономерности функционирования данных языковых единиц в речи. Таким образом, смысловая компонента высказывания может быть реализована как через грамматическую валентность, формирующую корректную структуру предложения-высказывания, так и через контекстуальную, актуализованную коммуникативно-обусловленными актантами. В последнем случае имеет место смысловое завершение ситуации в целом, что диагностируется контекстом. Поэтому подобные актанты на ситуативном уровне следует рассматривать как коммуникативно-облигаторные, и учитывать их роль при рассмотрении валентностных свойств глагола.

Итак, глагол как морфологический класс обладает помимо традиционно приписываемой ему валентности еще и валентностными свойствами, которые характеризуются вариированием количественного и качественного состава актантов глагола. Эти специфические валентностные черты глагол проявляет как на синтаксическом и семантическом, так и на коммуникативном уровнях. Помимо подлежащего и дополнения синтаксическую значимость могут приобретать и обстоятельства, большинство из которых не рассматривается традиционной теорией валентности как валентно-связанные члены предложения. Однако фактический материал позволяет выявить структурно необходимые обстоятельства, способные играть важную роль при построении предложений.

Элиминирование таких актантов в предложении приводит к аграмматичности всего предложения, но помогает выявить структурно необходимые элементы. Фактический материал также иллюстрирует необходимость присутствия некоторых актантов глагола, в том числе обстоятельств, в качестве основных смыслообразующих компонентов высказывания, семантическая облигаторность которых обусловливается невозможностью их отчеркивания в предложении, так как высказывание может становиться асемантичным, или же частично менять свою смысловую окраску.

В связи с этим, они, обладая оптимальной информативностью, позволяют определять семантический минимум предложения.

Обращение к коммуникативному аспекту валентности позволило на основе анализа иллюстративного материала выделить особый вид скрытых (латентных) облигаторных актантов глагола, которые находят свою актуализацию в конкретной коммуникативной ситуации. С точки зрения реализации/нереализации коммуникативного намерения говорящего, эти актанты подразделяются на абсолютно или частично коммуникативно-облигаторные. В связи с этим рассматривается полная или частичная коммуникативная трансверсия, помогающая выявить в высказывании наиболее релевантные компоненты, обладающие оптимальной информативностью и максимально оптимизирующие процесс коммуникации.

Глава III Валентностный потенциал морфологического класса имён существительных

В данной главе речь пойдет о морфологическом классе имен существительных, опираясь на теорию валентности. Актуальным является рассмотрение валентностных свойств имен существительных, поскольку в традиционном подходе к данному вопросу обнаруживается ряд противоречивых моментов, которые требуют теоретического переосмысления, в русле новых положений валентностного подхода к описанию морфологических классов слов.

3.1. Реализация валентностных свойств имени существительного

Валентность, несомненно, является одной из сложнейших тем современной лингвистической науки. Валентность свойственна различным частям речи, но валентность существительного поддается описанию труднее всего, а вопрос о соотношении синтаксической и логико-семантической валентности, также возникающий при рассмотрении глагола и прилагательного, является для существительного центральной проблемой [Степанова, Хельбиг, 1978, с.208]. В связи с этим описание валентности имени существительного представляет, на наш взгляд, наибольший интерес. Известно, что имя существительное очень важная часть речи, с помощью которой мы называем окружающие нас предметы и явления. Но человек постоянно стремится не только дать название предмету, но и оценить его, показать его свойства, отличающие конкретный предмет от множества других, имеющих то же название.

Например, существительное *das Haus* называет хорошо известный нам предмет, но мы знаем, что существует бесконечное множество домов, и они отличаются друг от друга. Различные признаки предмета нам помогает назвать определение, выраженное, например, прилагательным, которое является вечным спутником существительного: *das grüne Haus, das schöne Haus, das warme Haus, das große Haus, das alte Haus...*

Известно также, что без определений речь не могла бы быть точной и меткой. Употребление определений, чем бы они ни были выражены, придает речи не только четкость и меткость, но и особую выразительность. Не случайно, например, в художественном описании природы, внешности человека, интерьера можно найти огромное количество определений.

(1) *Die hohen Miethäuser ... wirkten wie riesige, dunkle, leblose Ungeheuer* [Kharitidi, 15].

(2) *Eine leblose weibliche Stimme durchdringt meine panische Angst* [Kharitidi, 104].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что зависящие от существительного элементы помогают полнее раскрыть отличительные свойства предмета, придать описанию образность, яркость, передать настроение писателя. Дело в том, что каждая субстанция очень часто не мыслится без сопутствующего ей и характеризующего ее признака, выражаемого в предложени определением.

Многие авторы, такие как К.-Э. Зоммерфельдт, М.Д. Степанова, Г. Хельбиг указывают на то, что при трансформации глагола или прилагательного в существительное их актанты автоматически переходят к данному отглагольному или отадъективному существительному. При этом авторы подчеркивают, что облигаторные и факультативные актанты производящего глагола или прилагательного при переходе к существительному становятся факультативными.

(3) *Die Entscheidung hängt von seiner Meinung ab.*

(3′) *Die Entscheidung ist von seiner Meinung abhängig.*

(3″) *Die Abhängigkeit der Entscheidung von seiner Meinung*

[цит. по Степанова, Хельбиг, 1978, с.208].

Существование связи между валентностью глагола, прилагательного и существительного в данном примере бесспорно.

Судить о валентности прилагательного *abhängig* и существительного *Abhängigkeit* можно на основе валентности глагола *abhängen.* Примечательно, что существительное на синтаксическом уровне, как правило, не имеет облигаторных актантов, и поэтому **облигаторные** актанты соответствующих исходных глаголов и прилагательных при их номинализации (переходе в существительное) становятся **факультативными** актантами. Таким образом, облигаторные и факультативные актанты глагола и прилагательного совпадают с факультативными актантами существительных. Сравнение валентности соответствующих глаголов, прилагательных и существительных свидетельствует о наличии тождества в логико-семантической валентности, которое на синтаксическом уровне в приведенном примере находит свое отражение в совпадении общего числа актантов (однако делящихся в соответствии с их статусом на облигаторные или факультативные).

Фактический материал демонстрирует наличие в предложении также структурно, семантически- и коммуникативно- или ситуативно-необходимых (облигаторных) элементов кроме указанных, что подтверждается с помощью разработанного Г. Хельбигом и Г. Глинцем «теста на элиминирование».

В соответствии со всем вышесказанным нами выделяются три большие категории существительных, в которых все актанты существительного предлагается разделять также на:

а) синтаксически-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения его грамматичности/аграмматичности;

б) семантически-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения сочетаемости семантических признаков контекстных партнеров и сохранения, таким образом, смысловой компоненты предложения;

в) коммуникативно- или ситуативно-облигаторные, характеризующие каждое предложение с точки зрения реализованного/нереализованного коммуникативного намерения говорящего.

3.1.1. Синтаксическая облигаторность актантов имени существительного

Данный раздел посвящён рассмотрению и анализу лексико-грамматического класса существительных как носителя активной валентности, и имеющего, в отличие от традиционной трактовки теории валентности, помимо факультативных также синтаксически облигаторных актантов, выступающие в предложении в функции определения. Именно определение валентно-связанного характера этого члена предложения является одной из задач настоящего исследования. Этим объясняется обращение к рассмотрению валентности существительного как морфологического класса.

К.Е. Зоммерфельд и Х.Шрейбер [Sommerfeldt, Schreiber, 1980, S.33] справедливо отмечают, что есть существительные без актантов, существительные с одним, двумя или тремя актантами, что между такими группами и определёнными семантическими классами также нет прямого соответствия. Они утверждают, что если при классификации исходить не из семантических групп существительных, а из валентностных (из числа актантов), то мы получим следующие данные:

Одновалентные существительные могут обозначать:

1) деятельность: das Scharren der Pferde;
2) процесс действия: das Fallen des Laubs;
3) состояние: der Schlaf des Jungen;
4) свойства: die Größe des Sportlers;

Двухвалентные существительные могут выражать:

1) деятельность:

- это могут быть существительные, образованные от переходных глаголов: die Besichtigung der Ausstellung durch die Besucher;

- это могут быть существительные, образованные от непереходных глаголов: der Kampf des Volkes um die Befreiung;

2) состояние: die Freunde des Schriftstellers über den Erfolg;

Трёхвалентные существительные могут выражать:

1) деятельность: die Lieferung der Ware an die Verkaufsstellen durch den Großhandel;
2) свойство: die Dankbarkeit des Schülers gegenüber seinem Lehrer für die Unterstützung;

Существительные с *нулевой валентностью* обозначают, как правило, процессы действия: das Blitzen.

При такой классификации правомерно, по-видимому, поставить вопрос: можно ли таким путём разграничить свойства и состояния, и не является ли «свойство» более широким понятием по сравнению с «состоянием», ведь логически каждому субъекту (носителю признака) может быть присущ признак, т.е. свойство.

Однако стоит обратиться к вопросу именно синтаксической облигаторности имен существительных и выделению соответствующих тематических групп.

Тест на элиминирование позволяет выделить группы имен существительных, имеющих в своем арсенале заявленные выше актанты. Речь идёт о трёх группах имён существительных, обладающих активными валентностными свойствами и имеющих в своём окружении облигаторные актанты, которые заполняют синтаксические открытые позиции. Фактический материал позволяет представить три большие группы данного морфологического класса:

1. Количественные существительные, к которым относятся, с одной стороны, выделенные И.Я. Харитоновой существительные, обозначающие как количественный фактор, так и множество. Например, такие, как *eine Menge, eine Reihe, eine Anzahl, die Gesammtheit, eine Sammlung, ein Stück, ein Kilo* и так далее [Charitonowa, 1976, S.23].

2. Качественные существительные. К данной группе относятся также существительные, несущие в себе сему качества определяемого предмета, такие как *eine Art, der Stil* и так далее.

3. Пространственно-временные существительные, которые обозначают определённый промежуток времени. Например, *ein Tag, eine Woche, ein Monat* и так далее.

В немецкой лингвистике под валентностью понимается способность глагола (или другой части речи) создавать вокруг себя определённые открытые позиции, которые должны быть заполнены облигаторными или факультативными актантами, составляющими, по мнению О.И. Москальской необходимый минимум предложения. М.Д. Степанова и Г. Хельбиг справедливо указывают на то, что синтаксической валентностью могут обладать лишь существительные, производные от глаголов и прилагательных, а также те, которые обладают лишь логико-семантической валентностью и не могут быть раскрыты с помощью инвентаря описания синтаксической валентности.

Следует, однако, заметить, что нельзя исключать возможности наличия у отглагольных существительных облигаторных актантов. В зависимости от окружения и от валентностных свойств, передаваемых глаголом существительному, в составе актантов у этого морфологического класса могут появляться и такие, без которых невозможно построение предложения.

(4) *Ich stieg die Treppe zur U-bahn hinunter und nahm den Zug* ***Richtung Büro*** [Stalmann, 56];

(5) *... und das Schiff dann ablegte und* ***Richtung Luino*** *fuhr …* [Hohler, 17];

(6) *Ich unterdrückte die Tränen und* ***das Bedürfnis****,* ***die Narzissen aus der Vase zu reißen*** *und* ***in den Papierkorb zu stopfen****, verließ das Büro und ging zum Friedhof* [Stalmann, 30].

(7) *... , denn wir hatten mehr und mehr* ***das Bedürfnis, uns auszuruhen*** [Kharitidi, 82].

В данных предложениях перенимаемые от базового глагола актанты существительного получают статус облигаторных в связи с тем, что они детерминируются валентностью существительного и влияют на структуру предложения при его построении. Элиминирование таких компонентов не представляется возможным:

(4′) **Ich stieg die Treppe zur U-bahn hinunter und nahm den Zug* ***Richtung*** ***?***

(5′) **... und das Schiff dann ablegte und* ***Richtung*** ***?*** *fuhr ...;*

(6′) **Ich unterdrückte die Tränen und* ***das Bedürfnis****,* ***?****, verließ das Büro und ging zum Friedhof.*

(7′) * *... , denn wir hatten mehr und mehr* ***das Bedürfnis*** *?*.

Соответственно этому, можно говорить о том, что не все образованные от глагола имена существительные имеют в своем составе лишь факультативные актанты. Это зависит от того, как происходит процесс передачи актантов от глагола существительному при его номинализации. Видимо актуальным в таком случае могло бы быть дополнительное исследование этого вопроса в рамках глагольной и именной валентностей.

Однако более сложным вопросом является проблема выявления синтаксически необходимых актантов собственно имен существительных, которые не являются отглагольными образованиями. Актуален в этой связи также вопрос о валентно-связанном характере зависимого от существительного члена предложения, то есть аттрибута.

Е.В.Гулыга и М.Д.Натанзон указывают на то, что определения, которые, в свою очередь, являются непосредственными актантами, как правило, не являются необходимым компонентом при построении предложения, но подчеркивают, что бывают случаи, когда существительное не может стоять без соответствующего актанта [Gulyga, Nathanson, 1966, S. 70].

Так называемые сопроводители существительного, такие как адъективные местоимения являются формально необходимыми, так как они стоят вместо артикля:

(8) *Mein Onkel lag unter einer ... Flickendecke* [Kharitidi, 37].

В данном случае существительное не может употребляться без местоимения, так как может пострадать грамматическая целостность всего предложения.

Однако фактический материал демонстрирует наличие структурно необходимых в предложении элементов кроме названных отглагольных и отадъективных образований, что подтверждает тест на элиминирование.

Применив этот метод, можно выявить валентностные свойства первой заявленной группы количественно-качественных существительных. Специфика данной группы состоит в том, что определяемое слово не может быть употреблено без соответствующего определяющего компонента:

(9) *An der Roonstraße steige ich aus, kaufe ein paar frische Brötchen**, ein Stück*** *Käse oder Wurst,* ...[Böll, 248].

(10) *Für die sieben Mark und sechzig Pfennig kaufe ich mir* ***einen Stoß*** *Millimeterpapier,..*[Böll, 244]

(11) *Schließlich kaufte ich* ***eine Schachtel*** *Ringelblumenseife und* ***ein Stück*** *biologischen Ziegenkäse, ...* [Stalmann, 50]

В данных предложениях вряд ли можно говорить только о логико-семантической валентности данной группы существительных, так как после себя они требуют синтаксически облигаторных актантов, необходимых для сохранения структуры предложения и его коммуникативного ядра. Нельзя сказать:

- **Ich kaufe ein* ***Stück*** *?* , *ein* ***Kilo*** *?* и так далее.

Количественные существительные по-разному могут реализовывать свое актантное наполнение. С одной стороны, зависимый определительный актант может стоять в пре- или постпозиции относительно определяемого существительного: (12) *Für ihn gibt es auch wieder eine unendliche Menge* ***Zubehör*** [Ende, 92]. С другой стороны, существительное и актант могут находиться в непосредственной близи друг от друга. Это происходит за счет того, что они образуют сложное существительное, в котором одна часть дополняет другую.

(13) *In seiner Phantasie sah er vor sich eine* ***Menschenmenge****,...* [Ende, 99].

Тем не менее, нельзя не отметить, что в другой ситуации данные существительные могут и не иметь в предложении облигаторных актантов.

(14) Ich habe eine **Menge**___?___ gelernt, aber mehr darf ich euch nicht sagen [Kharitidi, 163].

В данном случае понимание содержания высказывания регулируется контекстом, поскольку существительное *eine Menge* коррелирует с указанными в препозиции актантами, например, *eine Menge Regeln, Wörter* и т.д., которые, однако, не могут относиться к факультативным вследствие их понятийной актуальности, несмотря на то, что они находятся на определенной дистанции.

Весьма схожими с первой группой валентностными свойствами обладает вторая заявленная группа качественных существительных.

Представляется вполне логичным выделить в данной группе такие существительные как ***eine Art***, ***der Stil*** и другие, которые обозначают не количество или множество, а несут скорее качественную характеристику. Фактический материал содержит большое количество подобных примеров.

(15) *Seine Ruhe und die stille **Art,** mich anzusehen, hatten mich so durcheinander gebracht, dass ich froh war, ...* [Stalmann, 56].

(16) *Ich denke, er ist zu einer **Art** Symbolfigur geworden, ...* [Stalmann, 59].

(17) *Ich spüre **eine Art** Spirale in meinem Körper,...*[Kharitidi, 137].

(18) *Vor zehn Jahren spielte sich **eine Art** Vorgeschichte ab,...*[Böll, 72].

(19) *Du läufst hier nicht ungewaschen und ungefrüstückt 'raus, das ist nicht der **Stil** des Hauses.* [Stalmann, 64].

Элиминирование данных актантов позволяет также сделать вывод об их структурной значимости. Не представляется возможным построить эти предложения без участия определительного элемента:

(17′) **Ich spüre **eine Art**___?___ in meinem Körper,...*

(18′) **Vor zehn Jahren spielte sich **eine Art**____?____ ab,...*

(19′) **Du läufst hier nicht ungewaschen und ungefrüstückt raus, das ist nicht der **Stil** _____?_____.*

Структурная необходимость актантов существительного, в данном случае – определения, позволяет подчеркнуть их специфику и отнести к классу синтаксически облигаторных актантов.

Данную группу актантов существительного, вероятно, можно даже отнести к семантико-синтаксически-облигаторным.

Исследованием валентностного характера существительного ***eine Art*** занимался швейцарский лингвист Г. Кольде, который попытался определить валентностный потенциал данного имени. Проанализировав характер функционирования данного существительного и его атантов, ученым делается вывод о специфике валентности существительного ***eine Art***, в связи с чем поднимается вопрос о занесении в «Словарь валентности и дистрибуции имен существительных» К.-Э. Зоммерфельдта и Г. Шрейбера не только отглагольные и отадъективные, но и собственно имена существительные.

Представляется логичным выделить ещё одну группу существительных, которые обладают активной валентностью и имеют в качестве облигаторных актантов определения. К данной группе относятся имена существительные, обозначающие временной промежуток, иначе – темпоральные существительные. Это прежде всего такие существительные, как ***ein Tag, eine Woche, ein Monat, ein Jahr*** и так далее. м

Как правило, подобные существительные не употребляются в предложении без соответствующего аттрибута в пре- или постпозиции по отношению к определяемому слову.

(20) Im **Jahre** *987* suchte der Großfürst Wladimir ... nach einer neuen Religion für sein Reich Rus [Kharitidi, 114].

(20′) *Im **Jahre** _?_ suchte der Großfürst Wladimir ... nach einer neuen Religion für sein Reich Rus.

(21) Und dass er **Mitte** *der neunziger **Jahre*** verschwunden ist, ...
[Stalmann, 59].

(21′) *Und dass er **Mitte** ___?___verschwunden ist, ...

(21″) *Und dass er **Mitte** *der ? **Jahre*** verschwunden ist, ...

В данных случаях невозможно обойтись без соответствующего определения, так как, элиминировав его, мы получаем с точки зрения семантики абсолютно бессмысленное предложение, а это, в свою очередь,

делает его аграмматичным с точки зрения синтаксиса. Известно, что при построении подобных предложений-высказываний берется во внимание логически соотносимые связи между его компонентами.

Последний пример интересен ещё и тем, что содержит сразу два облигаторных определения, принадлежащих к одной и той же группе существительного, обозначающего некоторый промежуток времени. Здесь мы имеем дело с так называемыми определениями разных степеней.

Так, например, А.Г. Арсеньева (также: G. Helbig, J. Buscha, H. Jedig и др.) различает в предложении определения различных степеней. Как правило, они встречаются у несогласованных определений. Под определением первой степени понимают определение к любому другому члену предложения (подлежащему, дополнению и так далее). Под определением второй степени понимают определение к другому определению (первой степени). Определение второй степени может также иметь при себе определение третьей степени и так далее [Arssenjewa, 1963, S.258].

(22) *Die nationale kulturelle Autonomie hat das Recht auf Unterstützung der Organe der Staatsmacht und der Organe der örtlichen Selbstverwalting zur Bewahrung der nationalen Identität, der Entwicklung der nationalen Sprache und der Nationalkultur* [Efremova, 2000, S.168]

Основа предложения	Die Autonomie		hat das Recht	
1	nationale	kulturelle	auf Unterstützung	
2	der Organe	der Organe	zur Bewahrung	
3 der Staatsmacht	der Selbstverwaltung	der Identität	derEntwicklung	
4	örtlichen nationalen	der Sprache	der Nationalkultur	
5	nationalen		___	.

Вполне возможно, что в этой связи можно также различать и валентность разных степеней или уровней (в зависимости от того, принадлежит она носителю валентности или его актанту, или, иначе говоря, носителю активной или пассивной валентности). Таким образом, стоит признать справедливым

вывод Г.Хельбига о специфике синтаксической валентности имен существительных, которую он называет синтаксической валентностью “Б”, в сравнении с синтаксической валентностью глаголов “А”. Однако, валентность “А” предполагает существование как облигаторных, так и факультативных актантов, а синтаксическая валентность “Б” - только факультативных актантов. Исследованный материал свидетельствует о том, что некоторые существительные все-таки требуют после себя не только факультативных, но и облигаторных актантов. Несомненно, также, что недостаточно оправданным можно считать тезис о том, что существительные (согласно общей теории валентности – только отглагольные и отадъективные) обладают исключительно факультативной валентностью. Исходя из фактического материала, можно выявить также облигаторные актанты имен существительных. Специфика валентности базового глагола, от которого они образованы, предопределяет валентностные свойства образуемого существительного. В зависимости от актантного состава глаголов определяется как количественный, так и качественный состав актантов у имени существительного.

Фактический материал позволяет сделать вывод о том, что даже собственно имена существительные обладают весьма специфическими валентностными свойствами, и что они могут быть наряду с глаголом носителями активной валентности. Выделение трех основных тематических групп имен существительных (количественные, качественные, пространственно-временные), обладающих синтаксически облигаторными актантами, позволяет говорить о недостаточной изученности валентностных черт этого морфологического класса. Фактор синтаксической облигаторности актантов самостоятельных имен существительных, предполагает наличие у этого морфологического класса скрытых, мало изученных и специфических валентностных свойств.

3.1.2. Семантическая облигаторность актантов имени существительного

Рассмотрение определения, выступающего в предложении актантом существительного многими авторами, (см., например, [Jung, 1966], [Helbig, Buscha, 1976], [Erben, 1967], и др.) как неактуального для сохранения структуры и семантики предложения, в котором оно употреблено, привело к необходимости более подробного рассмотрения валентностного, а, следовательно, и синтаксического статуса определений. (В главе (**I**) было установлено, что семантическая и синтаксическая валентности находятся в непосредственном взаимодействии друг с другом.)

Для разграничения семантически облигаторных актантов предлагается рассматривать и с точки зрения полного или частичного изменения семантики предложения, используя для этого уже известный тест на элиминирование или, иначе говоря, «метод опускания». Исходя из этого, предлагается разделить все рассматриваемые в данном разделе актанты имени существительного на абсолютно и частично семантически облигаторные.

Изменение семантики предложения предлагается назвать семантической трансверсией, которая, в зависимости от характера ее изменения, также может быть частичной или полной. Таким образом, случаи, в которых предложение без сопутствующего определительного актанта существительного становится асемантичным, являются примерами абсолютной семантической облигаторности актантов, а предложения, в которых происходит частичное изменение их семантики, будут обозначаться как обладающие частично облигаторными актантами имени существительного.

Анализу семантической облигаторности определения посвящены разделы многих грамматик современного немецкого языка. Так, например, в грамматике Дудена [Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, 1984, S. 592] рассматривается семантико-синтаксическая необходимость определения. В данном источнике отмечается, что:

1) определение необходимо, так как без него формулировка была бы некорректна:

(23) ***Ein*** *Baum fiel auf die Strasse,* но нельзя сказать:

(23′) * ___?___ *Baum fiel auf die Strasse.*

В данном случае числительное ***ein*** выступает в роли согласованного определения. При элиминировании актанта, частично изменяется семантика предложения. Формально актант несет еще и структурную нагрузку, так как передает грамматические характеристики определяемого слова, и, следовательно, не может быть опущен в предложении.

2) определение необходимо, так как по содержанию формулировка без него была бы бессмысленной:

(24) ***Bellende*** *Hunde beissen nicht.* [Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, 1984, S.592], но нельзя сказать:

(24′) * ___?___ *Hunde beissen nicht,* или по аналогии:

(25) *Der schlafende Mensch spricht nicht*, но нельзя:

(25′) **Der* _____?_____ *Mensch spricht nicht.*

В данных случаях (если предложение не извлечено из контекста) существительное немыслимо без соответствующего определения, так как теряется смысл всего высказывания, то есть страдает также структура всего предложения. В последнем предложении актант ***bellende*** является частью устойчивой конструкции, в котороq элиминирование любого из компонентов ведет к нарушению семантики предложении в целом.

Е.В.Гулыга и М.Д.Натанзон указывают на то, что определения, как правило, не являются необходимым компонентом при построении предложения, но подчеркивают, что бывают случаи, когда существительное все-таки не может стоять без определения [Gulyga, Nathanson, 1966: 70]:

1) адвербиальный родительный падеж образа действия и предикативный родительный падеж, как правило, сопровождаются адъективным определением:

(26) *Sie ist* ***guter*** *Laune.*

2) в некоторых других случаях, как отмечают авторы, существительное без соответствующего актанта не имеет смысла:

(27) *Der Junge ist von* ***grossem*** ***(kleinem)*** *Wuchs* [Gulyga, Nathanson, 1966, S.71].

В данных случаях также представлены примеры, где существительное не мыслится без конкретного определяющего слова. Замена компонента высказывания приводит либо к искажению, либо к полному изменению семантики всего предложения, вследствие чего оно может стать бессмысленным. В данном случае семантическая избирательность обусловлена, возможно, даже не существительным, а всем устойчивым словосочетанием. Опираясь на данное положение авторов, во фразеологическом словаре можно найти аналогичные примеры, когда все предложение без определения, как актанта существительного, теряет свой смысл.

Применив упомянутый выше “метод опускания”, мы замечаем, что остаток предложения становится бессмысленным, вследствие чего страдает и структура высказывания, то есть в данных случаях мы можем говорить, как о семантической, так и о синтаксической необходимости определения:

(28) *Er hatte oft lockere Hand*,

но не:

(28′)* *Er hatte oft Hand*.

(29) *Sie ist guter Laune heute*,

но не:

(29′) **Sie ist Laune heute*.

(30) *Den ganzen Tag lag er auf der faulen Haut*,

но не:

(30′) **Den ganzen Tag lag er auf der Haut*.

Подобные примеры, являясь устойчивыми выражениями, довольно часто встречаются в речи, именно поэтому человеку, изучающему язык, необходимо знать и понимать их значение. Во фразеологических единствах

необходимыми являются, как правило, все его компоненты, вследствие этого – и актанты существительного, которые не могут быть ни отброшены, ни заменены на какие-либо другие без нарушения семантики всего предложения:

(31) *Er ist ein* ***stiller*** *Mann,* что можно перевести как: ***Он умер.***

(31′) *Er ist ein guter (schlechter, erfahrener usw.) Mann.

Предложение при элиминировании одного из компонентов теряет статус фразеологического единства, вследствие чего меняется, не только семантика его компонентов, но и всего высказывания. То есть, актант существительного приобретает статус семантически облигаторного и актуализует свое присутствие в данном предложении.

Следует добавить, что любой из фразеологизмов, основанный на сочетании определения с определяемым словом, идентифицируется как устойчивое выражение именно в результате скрытых валентностных свойств существительного, так как при замене на другой актант исчезает семантическая заданность структуры, то есть проявляется закономерность межактантного взаимодействия. Если взять фразеологический ряд, то можно найти подтверждение данного тезиса при подстановке других лексем в словосочетании.

(32) mit dem grossen Messer schneiden – хвастаться,

(32′) *mit dem scharfen Messer schneiden;

(33) j-m goldene Brücke bauen - облегчить кому-либо путь к отступлению,

(33′) *j-m große Brücke bauen;

(34) das grosse Wasser - Атлантический океан,

(34′) *das reine Wasser;

(35) auf gutem Wege sein - идти на лад (о делах),

(35′) *auf richtigem Wege sein;

(36) in wilder Ehe leben - жить гражданским браком,

(36′) *in glücklicher Ehe leben;

(37) eine offene Aussprache haben - иметь откровенный разговор с кем-либо,

(37′) *eine gute Aussprache haben;

(38) eine weiche Birne haben - быть слабоумным,

(38′) *eine reife Birne haben;

(39) ein gemachter Mann - подходящий человек,

(39′) *ein schlechter Mann.

К группе существительных, имеющих семантически-облигаторные актанты, также можно отнести другие, которые нельзя отнести ни к одной из вышеуказанных групп. Специфика данной группы состоит, прежде всего, в том, что они получают свои синтаксически-необходимые актанты лишь в конкретной коммуникативной ситуации. Они не обладают валентностными свойствами согласно общей теории валентности, так как не являются ни отглагольными, ни отадъективными образованиями, в связи с чем необходимо заметить, что они занимают отдельную нишу и могут обладать хотя и не регулярно, активной валентностью.

(40) Er sah sie (die Mappe) mit *hochgezogenen* **Augenbrauen** durch...

[Stalmann, 45]

(41) Der Wagen war fast leer, aber ausgerechnet mir gegenüber saß eine Frau mit *unsteten* **Augen** und *ungekämmten* **Haaren**... [Stalmann, 56]

(42) Er war schlank, fast zierlich, hatte *bräunliche* **Haut** und *schulterlange dunkle* **Haare** ... [Stalmann, 55]

(43) Das Polizeipräsidium sah aus wie ein Schloss. Steinerne Löwen mit *leeren* **Gesichtern** hockten am Treppenaufgang, ... [Stalmann, 44]

Из примеров следует, что при элиминировании данных определений в данной ситуации полностью нарушается семантика всего предложения-высказывания, вследствие чего всё предложение становится аграмматичным. Нельзя сказать:

(40′) *Er sah sie (die Mappe) mit ___?___ **Augenbrauen** durch...

(41′) *Der Wagen war fast leer, aber ausgerechnet mir gegenüber saß eine Frau mit ___?___**Augen** und___?_____**Haaren**...

(42′) *Er war schlank, fast zierlich, hatte ___?___**Haut** und ___?___**Haare** ...

Для каждого из приведённых высказываний наиболее актуальным является не соматизм как таковой, а его описание, поскольку антропонимический показатель является непосредственной составляющей физиологического компонента человека. Предложение, таким образом, становится асемантичным, что объясняет необходимость присутствия в нем актанта существительного как смыслообразующего компонента.

Наличие валентности у данных существительных бесспорно. Их можно было бы свести лишь к группе существительных, обладающих семантически облигаторными актантами, но реализация их валентностных свойств в речи, свидетельствует о коммуникативной обусловленности употребления этих компонентов в контексте.

(44) *Diese antwortete nicht und blickte sie nur mit* ***weit aufgerissenen*** ***Augen*** *an* [Hohler, 32].

(44′) * *Diese antwortete nicht und blickte sie nur mit* ***?*** ***Augen*** *an*

Элиминирование определительного актанта не представляется возможным также с точки зрения его коммуникативной значимости. Исходя из интенции говорящего, для которого наиболее релевантным видится качественная характеристика брошенного на собеседника взгляда. Подобные случаи будут подробно описаны в разделе 3.1.3.

Неоспоримым, однако, является валентно-связанный характер данных актантов как на уровне отдельно взятого предложения, где они становятся семантически абсолютно облигаторными, так и на уровне речи, на котором они обретают дополнительную коммуникативно-обусловленную значимость в рамках предложения-высказывания, и напрямую зависят от выражаемого коммуникативного намерения.

В некоторых случаях актант существительного обусловливает его значение. При отсутствии соответствующего определения семантика существительного может быть недостаточно понятной, что приводит к нарушению понимания всего предложения:

(45) *Alle Gefühle, die er durchlebte, spiegelten sich in* ***seinen*** ***Zügen*** *wider* [Kharitidi**,** 47].

(45′) **Alle Gefühle, die er durchlebte, spiegelten sich in* ***?*** ***Zügen*** *wider.*

Понимание значения существительного ***Züge*** становится возможным только благодаря сопутствующему ему актанту ***seinen***. Коррелируя с определяемым им словом, актант образует с ним некое семантическое единство, благодаря которому становится понятным содержание всего предложения. При частичном изменении семантики, данный актант можно отнести к частично семантически облигаторным, поскольку предложение на уровне языка не становится асемантичным, а лишь изменяет смысл высказывания. Актанты имени существительного зачастую конкретизируют высказывание и помогают коммуникантам достичь взаимопонимания, что облегчает процесс коммуникации в целом.

Следовательно, определения, являясь актантами существительных, очень часто несут наибольшую смысловую и, как уже было выяснено в предыдущем разделе, синтаксическую нагрузку. В этой связи, возникает необходимость пересмотра статуса определений как членов предложения. Суть этой проблемы заключается в том, что атрибуты не рассматриваются рядом лингвистов как необходимые в предложении (см. подробнее [Erben, 1967, S.265], [Helbig, Buscha, 1976, S.231], [Jung, 1966, S.10]).

Соответственно этому, например, многие немецкие ученые не рассматривают определение как полноправный член предложения наряду с дополнением и обстоятельством.

В. Юнг, рассматривая проблему статуса определения, называет его членом предложения второй степени (*Satzglied des zweiten Grades*) или составной частью члена предложения (*Gliedteil*). При этом автор, хотя и говорит о наличии тождества между двумя этими понятиями, отмечает между тем, что выражение *Gliedteil* является более предпочтительным [Jung, 1966, S. 10]. Г. Хельбиг и Й. Буша (также: Heidolph; Glinz; Hentschel и др.) тоже

утверждают, что определение является составной частью члена предложения [Helbig, Buscha, 1976, S. 231].

В отличие от данных авторов Й.Эрбен называет определение элементом низшего ранга (Element des niederen Satzranges) [Erben, 1967, S.265].

Следует уточнить, что в настоящем исследовании за основу берется традиционная трактовка определения как члена предложения, вслед за отечественными лингвистами, такими как В.Г. Адмони, Л. Зиндер и Т. Строева и др., которые понимают под определением второстепенный зависимый член предложения, грамматически подчиненный любому другому члену предложения, выраженному существительным. В немецком языке определение отвечает на вопросы: *Welcher? -es? -e? -e?; Was für ein? Was für eine?; Der, das, die wievielte?; Wessen?* и *Wieviel?* [Зиндер, Строева, 1957, с. 270].

Многие немецкие ученые отмечают, что существуют определения не только к существительному, но и к прилагательному, и к наречию.

Подобной точки зрения придерживаются авторы других грамматических источников. Так, например, Шульц и Гризбах [Schulz, Griesbach, 1978, S.361] (также: Helbig, Buscha; H. Weinrich; E. Hentschel и др.) указывают на то, что наречия и прилагательные могут иметь при себе определения. При этом определения могут стоять как перед, так и после определяемого слова. Например:

(46) *Links* ***von mir*** *steht eine Tasse mit Erde* [Kharitidi, 149] или,

(47) *Die Grosse Steinstrasse ist* ***ganz*** *in der Nähe,...* [Herrmann, 238];

(48) *Die Damen wollen* ***erst*** *am Abend wieder zurueck sein* [Herrmann, 237].

Что касается последнего примера, то здесь необходимо пояснить, что немецкие лингвисты относят частицы к наречиям. Следовательно, частица *erst* в последнем примере является ни чем иным как наречием, которое в предложении выступает в роли определения, относящегося к наречию *am Abend*.

Помимо синтаксического статуса определений в иерархии членов предложения пересмотру подлежит также их валентностный статус. Как отмечалось выше, атрибуты не относятся традиционной теорией валентности к валентно-связанным членам предложения, что представляется не вполне корректным.

Фактический материал демонстрирует также предложения, в которых определение функционирует как необходимый смыслообразующий компонент.

(49) *Andere bezeichneten es als das* ***Land*** ***<u>des weißen Wassers</u>*** *und* ***<u>der hohen Berge</u>*** *oder als* ***Land*** ***<u>der Lichtgeister</u>*** *oder* ***Land*** ***<u>des lebenden Feuers</u>*** *oder als* ***Land*** ***<u>der lebenden Götter</u>*** [Kharitidi, 116].

(49′) **Andere bezeichneten es als das* ***Land*** *_____?_____ und _____? oder als* ***Land*** *____?____ oder* ***Land*** *_____?_____ oder als* ***Land*** *___?___.*

Элиминирование определительных актантов существительного ***das Land*** приводит к нарушению семантики всего предложения. Отсутствие качественного признака определяемого существительного в данном случае невозможно, так как это обусловливает дальнейшую асемантичность высказывания. Следовательно, зависящий от существительного актант можно считать абсолютно семантически облигаторным.

Существительное ***das Land*** зачастую нуждается в описании или конкретизации в предложении, поскольку общий смысл предложения может быть не понятен, если его опустить.

(50) *Manche nannten es das* ***verschlossene*** *Land* [Kharitidi, 116].

(50′) **Manche nannten es das__?____Land.*

Предложение (126) не является аграмматичным, но меняется смысл высказывания.

Очень часто определительный актант несет на себе основную смысловую нагрузку, конкретизируя существительное и не давая сместиться смысловому ядру высказывания.

(51) *Der Inhalt* ***meines Magens*** *schien unendlich tief zu fallen* [Böll, 59].

(52) *So konnten die einfachen, noch leseunkundigen Menschen den Inhalt* ***der Bibel*** *leichter vermittelt erhalten und erfassen* [Seydewitz, 58].

(51′) **Der Inhalt___?____schien unendlich tief zu fallen*.

(52′) **So konnten die einfachen, noch leseunkundigen Menschen den Inhalt_?_ leichter vermittelt erhalten und erfassen*.

При помощи элиминирования актантов существительного *der Inhalt*, обнаруживается семантическая неполноценность высказывания, что, в свою очередь, влияет на его понимание. Следовательно, актанты можно отнести к частично семантически облигаторным. Предложение не становится асемантичным, но наблюдается изменение его смысловой направленности.

Порой существительное логически дополняется актантом, поскольку без него оно утрачивает необходимость употребления в предложении.

(53) *Mit* ***überlauter*** *Stimme gab Höfel den Befehl durch die Räume* [Apitz, 161].

(54) *«Und eines Tages», sagte er im Ton* ***eines Märchenerzählers****, der aus alten Zeiten berichtet ...* [Stalmann, 58]

(53′) **Mit ___?_____Stimme gab Höfel den Befehl durch die Räume*.

(54′) **«Und eines Tages», sagte er im Ton_____?_____, der aus alten Zeiten berichtet ...*

В случае элиминирования актантов существительных *Ton* и *Stimme* предложения становятся асемантичными, так как употребление этих имен без сопутствующих им определительных компонентов нарушает семантическую корректность высказывания. Вследствие этого актанты получают статус семантически облигаторных.

Определения выражаются в предложении по-разному и могут стоять как в пре-, так и в пост позиции по отношению к слову, которое они определяют. В традиционной теории валентности, которая рассматривает наличие при отглагольных и отадъективных существительных лишь правосторонних факультативных актантов, потому как их характер детерминирован валентностью исходного глагола или прилагательного. Например:

(55) *Das Entstehen und das Aufblühen* ***der graphischen Kunst*** *fällt zusammen mit der Entwicklung* ***des aufstrebenden Bürgertums*** [Seydewitz, 58].

Однако фактический материал позволяет рассматривать необходимость и левосторонних актантов существительного, показывая при этом их семантическую значимость для всего предложения.

(56) *Aber die Kollegen sind* ***erfahrene*** *Leute* [Stalmann, 46].

(57) *Dann war es nicht Zufall oder Schicksal oder* ***Gottes*** *Wille, dass er sterben musste* [Stalmann, 43].

(56′) **Aber die Kollegen sind___?____Leute*.

(57′) **Dann war es nicht Zufall oder Schicksal oder____?_____Wille, dass er sterben musste*.

Элиминирование актантов приводит к тому, что нарушается семантика предложения и под сомнение ставится необходимость присутствия определяемых существительных в рамках данного конкретного предложения.

Таким образом, имена существительные могут обладать весьма специфическими валентностными свойствами, которые детерминируют присутствие у них семантически облигаторных актантов, выступающих в предложении в функции определений. На базе фактического материала также обосновывается валентностный статус атрибутов, которые могут быть необходимыми для сохранения семантической целостности высказывания, а, следовательно, могут обладать характером валентно-связанных членов предложения наряду с дополнением и обстоятельством. Семантическая ценность каждого отдельного актанта определяется при помощи теста на элиминирование можно также определить семантический минимум предложения.

3.1.3. Коммуникативная облигаторность актантов имени существительного

Наибольший интерес при детальном рассмотрении каждой конкретной ситуации представляют имена существительные, актанты которых на синтаксическом уровне предложения являются, согласно общей теории

валентности, лишь факультативными, а на текстово-грамматическом или коммуникативном уровне становятся либо коммуникативно-облигаторными, либо ситуативно-облигаторными актантами [Helbig, 1985, S. 153].

Коммуникативная облигаторность данных актантов достигается, прежде всего, тем, что после теста на элиминирование нарушается, либо полностью меняется смысл всего высказывания, а соответственно не реализуется коммуникативное намерение говорящего, либо обнаруживается частичное нарушение или нереализация данного намерения. Происходит, таким образом, коммуникативная трансверсия в рамках предложения-высказывания, которую, в свою очередь, можно также разделить на полную и частичную.

Благодаря тесту на элиминирование можно установить, что многие актанты являются не только семантически, но – что ещё важнее – коммуникативно-необходимыми, так как они в результате оказываются наиболее релевантными в различных ситуациях, обладют оптимальной информативностью и обеспечивют успешность коммуникации.

Подобные случаи в языковой представленности нередки и требуют особого внимания не только и не столько в русле лингвистики текста, сколько именно в валентной проблематике. Зачастую наиболее релевантный в коммуникативном плане актант не признаётся традиционной теорией валентности как облигаторный, поскольку он рассматривается в отрыве от его контекстуальной значимости.

Примером коммуникативно-необходимых актантов могут служить следующие примеры:

(58) *Das ist der* ***Anfang*** ***vom Ende.*** [Herrmann, 171]

В данном случае актант ***vom Ende*** является, определённо, коммуникативно-облигаторным. Это выясняется при помощи теста на элиминирование, благодаря которому становится очевидным, что, опустив этот актант, с одной стороны, не нарушается грамматическая структура, но, с другой стороны, обнаруживается коммуникативная трансверсия. Её в приведённом примере можно отнести к абсолютной коммуникативной трансверсии, так как

происходит коммуникативная трансверсия, вследствие чего нарушается намерение говорящего.

(58′) * *Das ist der* ***Anfang*** ___?___.

Очевидно, что для субъекта общения, высказывающего данную мысль, актуальным является точное выражение начала процесса, неумолимо движущегося к своему завершению. Именно важность конечности данного действия заставляет коммуниканта прибегнуть к употреблению указанного актанта.

Необходимо также подчеркнуть, что существительное ***der Anfang*** не является ни отглагольным, ни отадъективным образованием, на валентность которых ссылаются многие авторы, подчеркивая тем самым невозможность обладания валентностью самостоятельными именами существительными.

Примером коммуникативной трансверсии, а, следовательно, и полной коммуникативной аномалии могут служить также следующие примеры:

(59) *Ich hatte es immer albern gefunden, wenn Frauen mit ihren* ***unter der Erde liegenden Ehemännern*** *sprachen.* [Stalmann, 30]

(60) *Ich sprach mit meinem* ***toten Mann***. [Stalmann, 56]

(61) *Selbst bei Licht verlor das befremdliche Haus des* ***toten Schamanen*** *seine beklemmende Atmosphere nicht* [Kharitidi**,** 87].

(59′) **Ich hatte es immer albern gefunden, wenn Frauen mit ihren* _____? ***Ehemännern*** *sprachen.*

(60′) **Ich sprach mit meinem* ___?___ ***Mann***.

(61′) **Selbst bei Licht verlor das befremdliche Haus des* ___?___ ***Schamanen*** *seine beklemmende Atmosphere nicht.*

Исходя из примеров, едва ли можно говорить об отсутствии валентности у данных существительных. Их актанты, в роли которых выступают определения, являются в подобных случаях наиболее релевантными в тексте и вследствие этого обретают свою значимость в рамках теории валентности. После элиминирования одиного из таких актантов, полностью нарушается коммуникативное намерение говорящего, а в связи с этим можно говорить об

их коммуникативной облигаторности. В предложении не нарушается синтаксическая структура, но нарушение его семантики в рамках всей коммуникативной ситуации приводит к бессмысленности его употребления в данном контексте. Необходимость наличия определительных актантов существительного в такого рода примерах детерминирована их смысловой значимостью для сохранения содержания всего предложения-высказывания. Для реципиента наиболее актуальным является описательная характеристика состояния объекта, о котором идёт речь в данный момент времени.

Проанализированные примеры интересны прежде всего тем, что благодаря элиминированию выявляется актант существительного, отсутствие которого приводит к полному нарушению коммуникативного намерения говорящего субъекта, то есть к полной коммуникативной трансверсии. Сравним:

(60″) *Ich sprach mit meinem* <u>*toten*</u> ***Mann***.

или

(60‴) **Ich sprach mit meinem*___?___ ***Mann***.

Как правило, дейксисы, вследствие их тесной связи с контекстом, выступают в предложении в качестве коммуникативно-облигаторных актантов имени существительного. Включение их в широкий контекст позволяет коммуникантам облегчить процесс передачи информации друг другу. Например:

(62) <u>***Diese***</u> ***Konferenz****, so war* ***die Meinung*** <u>***der Kommunisten***</u>*, müsse deshalb sabotiert werden* [Hohler, 13].

В данном примере примечательным является то, что дейксис, помимо того, что он несет одну из основных смысловых нагрузок формально необходим с грамматической точки зрения для сохранения грамматической корректности.

Данный актант находится в центре внимания говорящего, так как подчеркивает единичность и важность конференции, которая была посвящена вопросу устройства Европы после Первой Мировой войны.

В примере также представлен еще один коммуникативно-облигаторный актант ***der Kommunisten***, относящийся к существительному ***die Meinung.*** Этот актант позволяет конкретизировать предоставляемую коммуникантом информацию с целью оптимизации процесса ее восприятия реципиентом.

(62′) * *Diese Konferenz, so war* ***die Meinung*** ***_____?_____****, müsse deshalb sabotiert werden.*При элиминировании актанта ***der Kommunisten,*** в предложении частично нарушается коммуникативное намерение говорящего, что в дальнейшем может привести к искажению предоставляемой информации воспринимающим субъектом общения. Актуальной в данном случае является не суть выражаемого мнения, а его источник. Таким образом, наиболее актуальная смысловая компонента высказывания может быть реализована через контекстуальную валентность, актуализованную коммуникативно-обусловленными актантами. Существительные, определяемые в лингвистике как соматизмы, также представляют большой исследовательский интерес с точки зрения коммуникативной обусловленности их актантов, которые в речевом пространстве получают статус коммуникативно-облигаторных. Это становится возможным благодаря их появлению в конкретном контекстуальном окружении. Соответствующий определительный компонент существительного в подобных высказываниях является релевантным, поскольку может изменить смысловую картину текста.

(63) *Während unseres Gesprächs lag sein Zimmernachbar regungslos, mit* ***halb geöffnetem*** ***Mund*** *im Bett und ließ nur von Zeit zu Zeit ein leises Stönen hören* [Hohler, 6].

(64) *Ich erinnerte mich daran, ihn bei der Beerdigung gesehen zu haben: mittelgroß, mit einem* ***runden*** *Gesicht unter grauen Haaren...* [Stalmann, 44].

(65) *Gegen Mittag klopfte es, und Frau Beifuss trat herein, auf* ***leisen*** ***Sohlen*** *und mit einem* ***Ich-bin-gar-nicht-da-mich-gibt-es-überhaupt-nicht-Ausdruck*** *im Gesicht* [Stalmann, 29].

Элиминирование приводит к тому, что предложение становится бессмысленным и теряет актуальность для коммуникации:

(63′) **Während unseres Gesprächs lag sein Zimmernachbar regungslos, mit* ***_____?____ Mund*** *im Bett und ließ nur von Zeit zu Zeit ein leises Stönen hören.*

(64′) **Ich erinnerte mich daran, ihn bei der Beerdigung gesehen zu haben: mittelgroß, mit einem* ***_____?_____*** *Gesicht unter grauen Haaren...*

(65′) **Gegen Mittag klopfte es, und Frau Beifuss trat herein, auf* ***____?*** ***Sohlen*** *und mit einem* ***_____?_____Ausdruck*** *im Gesicht.*

В данной конкретной ситуации актанты, находящиеся в препозиции к определяемому ими соматизму, становятся абсолютно коммуникативно-облигаторными, в связи с тем, что выражают наиболее важный признак, и являются, таким образом, смыслообразующими.

Поэтому слово в подобных случаях становится актуальным не только с формально-содержательных позиций, но и с точки зрения его сочетаемостных потенций.

Для каждого из приведённых высказываний наиболее актуальным является не соматизм как таковой, а его описание, поскольку антропонимический показатель является непосредственной составляющей физиологического компонента человека. Контекстуальная зависимость соматизмов доказывается тем, что в другом окружении они могут быть употреблены без актантов.

(66) *«Was denn, was denn? » sagte der graue Herr und zog die* ***Augenbrauen*** *hoch* [Ende, 93].

В данном случае соматизм не нуждается в конкретизации, так как является семантически и коммуникативно самодостаточным. Определительный актант может лишь придать дополнительную описательную характеристику существительному, но не будет являться коммуникативно-облигаторным.

(66′) *«Was denn, was denn? » sagte der graue Herr und zog die* ***schwarzen*** *Augenbrauen hoch.*

В лингвистике известны попытки описания валентности соматизмов. В частности, С.М. Панкратова занималась исследованием валентностно обусловленного характера соматических фразеологизмов. Автор утверждает,

что соматические фразеологические единства представляют большой исследовательский интерес, поскольку достаточно многочисленны, особенно в разговорной речи, их количество составляет 15-20% от общего числа фразеологизмов. При этом необходимым, считает исследователь, является выявление закономерностей функционирования компонентов внутри этого вида фразеологических высказываний. Естественно, что первостепенной задачей в этом случае станет рассмотрение качественной стороны актантов [Pankratova, 1983, S.277-282].

Присутствие того или иного коммуникативно-обусловленного компонента может также прогнозировать предлагаемую коммуникантом ситуацию. В этом случае вдвойне усиливается обязательность наличия актанта в предложении-высказывании.

(67) *Ein einziger Schlag der Hände* ***an die Hosennaht*** [Apitz, 10].

(67′) **Ein einziger Schlag der Hände*_____?_____.

Элиминирование актанта ***an die Hosennaht*** показывает с одной стороны актуальность его присутствия с точки зрения интенции говорящего, так как происходит ее изменение, с другой стороны, прогнозируются обстоятельства, при которых протекает действие. Реципиенту становится ясно, что речь идет о военной тематике, а актант позволяет облегчить процесс восприятия передаваемой информации и обусловливает адекватное на нее реагирование.

Зачастую прогнозирующая функция, которую выполняет коммуникативно-облигаторный актант, предопределяет актуальность его использования в данной ситуации и обеспечивает оптимизацию процесса коммуникации. В определенном контекстуальном окружении существительное требует локального уточнения, благодаря которому также оптимизируется процесс восприятия передаваемой информации.

(68) *Wer vom Bahnhof* ***in Locarno*** *zur Altstadt hinuntergeht, kommt nach wenigen Schritten an einer Passage vorbei, ...* [Hohler, 5]

(68′) *Wer vom Bahnhof___?____zur Altstadt hinuntergeht, kommt nach wenigen Schritten an einer Passage vorbei, ...*

Локальная конкретизация существительного *Bahnhof* позволяет очертить место, в котором протекает действие, что актуализирует облигаторность наличияия актанта в предложении-высказывании. И напротив, его отсутствие вызывает изменение смыслового фона, вследствие чего предложение не реализует полностью выражаемое коммуникативное намерение.

Уточняющий компонент всегда предусматривает существование причины его употребления в коммуникативной ситуации, так как отграничивает друг от друга объекты окружающего мира.

(69) ***Deutsche*** *Gegenwartsliteratur spielte für uns damals keine Rolle* [Baßler, 9]. Определительный актант позволяет точнее выразить интенцию говорящего за счет того, что конкретизирует объект, вычленяя его из их общего числа подобных объектов. Релевантным является в данном случае атрибут существительного *Gegenwartsliteratur*, поскольку сужает рамки рассматриваемого объекта. Подобное сужение облегчает понимание, высказываемого коммуникативного намерения. С другой стороны, актант ***Deutsche*** является формально синтаксически необходимым, передавая грамматические характеристики определяемого слова.

Атрибуты конкретизируют значение существительного, помогая понять его значение в предложении. В случае отсутствия соответствующего актанта имя теряет свое значение, в котором оно было употреблено.

(70) *Sie fingen ihn mit den Armen auf, aus dem Mundwinkel sickerte ihm ein* ***dünner roter*** *Faden* [Apitz, 163].

(70′) **Sie fingen ihn mit den Armen auf, aus dem Mundwinkel sickerte ihm ein ?__ Faden.*

В приведенном случае актанты существительного ***Faden*** несут на себе дополнительную смысловую нагрузку и являются коммуникативно-облигаторными актантами, поскольку помогают понять, что данное существительное употреблено не в своем прямом значении, а в значении ***Blut.*** В связи с этим актанты актуализируют необходимость своего присутствия, так как сохраняют истинный смысл высказывания. Актанты ***dünner*** и ***roter***

предлагается рассматривать как пример полной коммуникативной трансверсии, поскольку их значимость определяется характером их воздействия на процесс понимания передаваемой информации адресатом.

Определительным актантом существительного может выражаться зачастую коммуникативно-необходимый фактор принадлежности, который позволяет максимально точно выражать предлагаемую информацию.

(71) *Wenn man* ***Wolzows*** *Erzählungen glauben dürfte, so waren die Wolzows ein preußisches Offiziergeschlecht, ...* [Noll, 4]

(72) *Ich öffnete die grüne Mappe mit* ***Rodes*** *Lebenslauf, ...* [Stalmann, 44]

(71′) **Wenn man____?____Erzählungen glauben dürfte, so waren die Wolzows ein preußisches Offiziergeschlecht, ...*

(72′) **Ich öffnete die grüne Mappe mit___?___Lebenslauf, ...*

С точки зрения понятийной актуальности данных актантов не представляется возможным их элиминирование, поскольку дефицит информации приводит к нарушению коммуникативного намерения говорящего.

В процессе коммуникации предпочтение отдается определениям, так как благодаря их дополнительным описательным и конкретизирующим характеристикам информативно и быстро передается интенциональная заданность высказывания.

(73) *Die Kunst* ***des Kupferstiches*** *pflegten jedoch meist die Goldschmiede, ...* [Seydewitz, 59]

(73′) **Die Kunst___?____pflegten jedoch meist die Goldschmiede, ...*

В приведенном примере актант ***des Kupferstiches*** конкретизирует и сужает определяемое им существительное *Kunst*, позволяя тем самым точно передать выражаемое в высказывании коммуникативное намерение. Таким образом, имена существительные могут обладать весьма специфическими скрытыми валентностными свойствами, которые реализуются в конкретной коммуникативной ситуации и приобретают при этом актанты, функционирующие в речевом пространстве как коммуникативно-облигаторные. Определения при этом получают статус валентно-связанных

членов предложения, играющих важную роль при построении предложения-высказывания. Наличие у существительного подобных ситуативно обусловленных компонентов помогает реализовать интенцию говорящего и тем самым обеспечивает оптимизацию процесса коммуникации, обладая актуальной для реципиента информацией, помогающей ему адекватно реагировать в процессе общения.

Валентность имени существительного поддается описанию труднее всего, так как у его актантов зачастую не наблюдается прямой зависимости от его валентности. Валентностные свойства существительные получают, согласно традиционной трактовке теории валентности, только будучи образованными от глагола или прилагательного. При этом облигаторные и факультативные актанты глагола при номинализации становятся только факультативными. Фактический материал проведенного исследования позволяет выделить облигаторные актанты существительного на синтаксическом, семантическом и коммуникативном уровнях.

При этом установлено, что валентностными свойствами могут обладать не только отглагольные и отадъективные, но и собственно имена существительные.

В ходе исследования стало очевидным, что синтаксически облигаторными могут быть отглагольные имена существительные; существительные, обозначающие количественный фактор, которые не могут употребляться без определительного актанта; качественные имена существительные, реализующие валентностные свойства таким же образом, что и количественные; наконец, существительные, обозначающие определенный промежуток времени.

Семантическая облигаторность актантов имен существительных определяется в работе тем же способом, что и семантическая необходимость актантов глагола. За основу берется семантическая значимость компонентов высказывания, отсутствие которых может привести к десемантизации всего предложения.

Коммуникативная облигаторность актантов имен существительных определяется так же как и у глаголов в зависимости от реализации/нереализации интенции говорящего. Методом элиминирования предпринимается попытка описать коммуникативный минимум предложения-высказывания. При этом учитывается любое изменение коммуникативного намерения, что позволяет выделить частично и абсолютно коммуникативно-облигаторные актанты, а характер этих изменений позволяет говорить о коммуникативной трансверсии высказывания.

Глава 4. Валентностный потенциал морфологического класса глаголов и существительных при вербализации исторической памяти в публицистическом дискурсе

4.1. Историческая память и ее роль как категории в публицистическом дискурсе

Как уже было нами отмечено во второй главе настоящего исследования, категория историческсой памяти рассматривается нами как одна из базовых понятийный категорий, присущих современной немецкой языковой картине мира. В данном разделе представляется целесообразным и логичным проанализировать особенности вербализации этой категории в публицистическом дискурсе.

Значительное количество публицистических статей в современной прессе ФРГ свидетельствуют о том, что немцам очень непросто преодолевать это прошлое, как и тяжело осознавать в какой-то степени свою вину за преступления в XX веке. Так, в своем обращении к читателям журнала «Deutschland», в то время федеральный министр иностранных дел, а ныне – федеральный президент Германии, Франк-Вальтер Штайнмайер отметил, что 2014 год стал в каком-то печальном смысле юбилейным, когда стоит вспомнить о Первой и Второй мировых войнах. И этот скорбный момент дает повод лишний раз поразмышлять об ошибках прошлого, и, используя все современные инструменты, не повторять этих ошибок в будущем, с целью защиты мира и свободы [Штайнмайер Ф.-В., 2014, с. 4-5].

В современном общественно-политическом дискурсе Германии возникло понятие «культура памяти», в частности, благодаря научным работам профессора Алейды Ассманн. В своей статье «Культура памяти» она, подчеркивая необходимость обновления памяти, актуализирует критическое видение в отношении восприятия исторического прошлого, пытаясь обратить внимание читателя скорее на то, как память о войне «обновляется» в современной России: «В СМИ много писали о том, что президент Путин не принял участие в торжественных мероприятиях по случаю 70-летия со дня

освобождения германского лагеря смерти Аушвиц (Освенцим) Красной Армией 27 января 1945 года. Главным «днем памяти» у Путина является дата окончания войны 9 мая, когда в Москве ежегодно проводится традиционный военный парад с демонстрацией вооружений и речами в честь последних ветеранов войны. День 27 января объявлен Стокгольмской конференцией еще в январе 2000 межнациональным днем памяти о холокосте, а с 2005 г. официально объявлен ежегодным днем памяти в Европейском союзе и ООН. В глазах Путина это некий западный «союз памяти», в котором России, государству-наследнику страны победителей, найти свое место не так-то просто» [Ассман, 2015, с. 14-16].

Несмотря на то, что данная статья опубликована в 2014 году, когда отношения между Россией и ФРГ стали стремительно переходить в фазу новой «холодной войны», в силу стремительно нарастающего напряжения на международной арене, данный материал уже тогда свидетельствовал о том, что тема исторической памяти несет определенную нагрузку конфликтогенности и оставляет много вопросов.

Так, например, в тексте своей статьи «На стыке тысячелетий: что мы возьмем в будущее?» журналист Юрген Кока поднимает глобальную тему исторической памяти (*die historische Erinnerung*) немецкого народа и рассматривая ее сквозь призму событий мировой истории, определяет роль данного интенционального состояния как ресурса для будущего поколений в Германии: *In der **historischen Erinnerung** an das 20. Jahrhundert dominiert hierzulande **die Erinnerung** an Verfolgung und Krieg, an die Ermordung der Juden und andere Untaten der Deutschen. Diese **Erinnerung** ist immer auch quälend, bisweilen eine unerträgliche Last. Doch solche **Erinnerung** ist nicht nur unvermeidlich, sondern auch produktiv, kann es jedenfalls sein. Sie war es für die Generation, die die Bundesrepublik Deutschland aufbaute, und die darauffolgende. **Die Erinnerung** hat nicht gelähmt, sondern mobilisiert und zugleich vorsichtig gemacht. Sie hielt im **Bewußtsein**, dass auch eine moderne Zivilisation in Barbarei umschlagen kann. Sie motivierte zum politischen Engagement mit dem Ziel, in*

Zukunft Ähnliches zu vermeiden. Langsam und gegen viel Widerstand wurde ***diese Erinnerung*** *zum zentralen Baustein demokratischer Identität in der Bundesrepublik Deutschland, in bewußter Absetznug von ihrer diktatorischen Vorgeschichte. Sie konnte sogar zur Folie einer gewissen Genugtuung darüber werden, dass die Bundesrepublik ihr nationalsozialistisches Erbe vergleichsweise gründlich überwand und mit ihr in Deutschland zum ersten Mal eine dauerhaft funktionierende stabile Demokratie entstand:* ***Erinnerung*** *als Ressource, die auch im wiedervereinigten Deutschland zur Verfügung steht, wo es allerdings zusätzlich darum geht,* ***die Erinnerung*** *an zwei deutsche Diktaturen zu verknüpfen* [Kocka 1999, S.11].

В следующем фрагменте автором, как в заголовке, так и в тексте статьи, используется атрибутивное сочетание ***die historische Erinnerung***, одним из компонентов которого выступает отглагольное существительное, с помощью которого могутт быть вербализованы интенциональные состояния «память», «воспоминание»: *Die zeitgeschichtliche Bewertung des 20. Jahrhunderts ergibt ein widersprüchliches Bild. Neben dem beispiellosen Fortschritt stehen präzedenzlose Katastrophen und Zivilisationsbrüche. Unrecht und Fortschritt – im zu Ende gehenden Jahrhundert waren sie oft auf das engste miteinander verknüpft. Welche Rolle spielt* ***die historische Erinnerung*** *als Ressource für die Zukunft?* [Koka, 1999, S.6]. Следующее предложение является ответом на предыдущий вопрос и представляет собой лейтмотив всего содержания текста данной статьи, где говорится о том, что историческая память, стало основой демократической идентичности Федеративной Республики Германия. ***Die historische Erinnerung*** *ist zu einem zentralen Baustein demokratischer Identität in der Bundesrepublik Deutschland geworden* [Koka, 1999, S.9].

Актуальное членение следующего предложения в данном фрагменте, при котором атрибутивное словосочетание «историческая память» (*die historische Erinnerung*) составляет тему, а «стала основой …» (*ist zu einem ... Baustein ... geworden*) рему, т.е. информацию, которая является новой, а значит важной, актуальной.

Эти фрагменты указывают на непосредственную тесную связь между прошлым и будущим. В них, на наш взгляд, имплицируется не столько интенциональное состояние воспоминания, памяти, сколько надежды на будущее сквозь призму выраженного интенционального состояния. И это в очередной раз подтверждает наличие «внутренней временности» в интенциональной структуре сознания (Э. Гуссерль). *Trotzdem, die insgesamt gelingende Nachkriegsordnung der westlichen Welt, des westlichen Europas und des westlichen Deutschlands war auch ein Ergebnis historischen Lernens aus vorangehendem Scheitern und damit ein Produkt* ***historischer Erinnerung*** [Koka, 1999, S.11]. Более того, здесь необходимо подчеркнуть, что отглагольное существительное ***die Erinnerung*** благодаря атрибуту ***historisch*** несет не предметное значение в отношении данного интенционального состояния, а скорее процессуальное, и этому, также способствует дискурсивный контекст.

Атрибутивное словосочетание ***historische Erinnerung*** используется автором в заголовке статьи в риторическом вопросе с целью актуализации историческойт памяти в коллективном сознании читателей. Именно историческая память поможет современному поколению постичь всю взаимосвязь и противоречивость событий XX-XXI вв. в мировой истории, которые, безусловно, отразились и на историческом развитии Германии. Употребление данного атрибутивного словосочетания, актуализирующего соответствующее интенциональное состояние, отражает основной принцип построения публицистического текста в жанре проблемно-аналитической статьи, когда заголовок, как один из важных компонентов структуры текста, выражает основную тему текста, предвосхищая более детальное рассмотрение проблемы.

4.1.1. «Внутрення форма» языка как вербальная основа понятийной категории исторической памяти

На протяжении истории своего развития человек познает окружающий мир, стремится к приобретению знания. Знание, как известно, составляет основу предмета познания, на который направлена деятельность познающего

субъекта. Поскольку окружающий мир постоянно изменяется, человек стремится к приобретению новых знаний, их систематизации, совершенствуя тем самым формы познавательной деятельности. Как существо разумное (*homo sapiens*), он обладает способностью в результате познавательной деятельности приобретать и обобщать определенный опыт. Фундаментальное значение имеет тот факт, что человек как мыслящий субъект способен осуществлять коммуникацию с индивидами определенного социума, что является закономерным следствием развития форм общественных отношений в ходе исторического процесса. Подавляющее большинство различных видов человеческой деятельности в социуме протекает при участии языка. Данный феномен объясняется тем, что на определенном этапе развития у человека возникла потребность фиксировать результаты своей познавательной деятельности и выражать их с помощью определенной системы средств. Как отмечает Н.Б. Мечковская, важнейшим итогом фило- и онтогенеза цивилизованного человека явилось возникновение языка как единственно всеобщего средства, отождествляющего его сознание с сознанием другого человека и взаимно его изменяющим [Мечковская, 2000, с. 9].

Язык представляет собой непосредственную деятельность сознания, мысли, и в то же время сознание формируется с помощью языка. Поэтому язык и сознание, обуславливая друг друга, образуют единое целое. В связи с этим закономерным является утверждение, что язык выполняет двуединую функцию: служит средством общения и орудием мышления [Спиркин, 1998, с. 406]. Сознание и язык едины, поскольку сознание отражает действительность, а язык обозначает ее и выражает мысли. А.Г. Спиркин подчеркивает, что сознание и язык предполагают друг друга, как внутреннее, логически оформленное идеальное содержание предполагает свою внешнюю материальную форму [Спиркин, 1998. с. 409]. Таким образом, язык является уникальной знаковой системой, обеспечивающей переход от чувственного познания к рациональному.

Наше исследование вербализации исторической памяти в спектре валентностного потенциала морфологических классов, базируется на принципе антропоцентризма, который активизирует интерес к личностным и социокультурным аспектам человека. Становление антропоцентризма восходит к гумбольдтовскому пониманию языка как мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека [Гумбольдт, 1984, с. 304]. Антропоцентризм, наряду с экспансионизмом, функционализмом и экспланаторностью является одним из основных принципов современной лингвистической парадигмы научного знания [Кубрякова, 1995], которое представляет собой общепризнанные научные достижения, дающие научному сообществу модель постановки проблем и их решений в течение определенного времени [Кун, 1977, с. 11]. Наиболее ярко принцип антропоцентризма проявляется именно в текстовых исследованиях [Попова, 2002, с. 72-73].

На основе принципа антропоцентризма и инструменталистской теории интенциональности Д. Деннета становится возможным рассматривать человека в рамках его деятельности как более сложную интенциональную систему, поведение которой можно объяснять и прогнозировать, исходя из интенциональной установки [Деннет, 2004]. Интенциональная установка, как неотъемлемый элемент интенциональной системы, позволяет исследовать деятельностную природу других интенциональных систем, участвующих в построении медиа-дискурса.

Важнейшую роль в формировании парадигмы антропоцентризма в языкознании сыграли философско-антропологические идеи в трудах В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера, посвященных исследованию взаимодействия мышления человека как представителя определенной языковой общности, с одной стороны, и его языка с другой. В фокусе исследования взаимодействия языка и мышления могут быть выделены следующие функции языка: 1) язык обеспечивает возможность специфически человеческого, т.е. абстрактного, обобщенного мышления и познания; 2) в языке фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности (в значениях слов, в

грамматических категориях и т. п.) [Панфилов, 1975, с. 7; Панфилов, 1977, с. 29].

Лингвистическая концепция ведущего представителя неогумбольдтианства, Лео Вайсгербера, основанная на изучении содержательной стороны языка в его взаимодействии с сознанием, вошла в историю языкознания как феноменальное явление немецкой германистики середины XX века, поскольку в то время он впервые попытался воплотить философские идеи В. фон Гумбольдта в современной концепции языка. Основные положения неогумбольдтианского учения сводятся к тому, что язык определяет мышление человека и процесс познания в целом, а через него – культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании. Люди, говорящие на разных языках, познают мир по-разному, создают различные картины мира, а потому являются носителями различной культуры и различного общественного поведения. При этом язык не только обуславливает, но и ограничивает познавательные возможности человека. От различия языков зависит не только разница в содержании мышления, но и различие в логике мышления [Чесноков, 1977, с. 11].

Вслед за В. фон Гумбольдтом, Л. Вайсгербер признает, что язык в любом его состоянии образует целостное мировоззрение, и выражает все представления нации о мире, являющиеся результатом преобразования мира с помощью языка. Основная заслуга Л. Вайсгербера состоит в том, что он развил и углубил гумбольдтовское понимание языка, характера языка и его активной созидающей роли в формировании мировоззрения народа, носителя языка. Язык представляет собой не просто средство обмена информацией для обоюдного понимания, а целый мир, воздвигаемый духом между собой и предметами посредством внутренней работы его силы. Л. Вайсгербер выдвигает положение о невозможности расчленения языка как природного тела, поскольку он является деятельностью, духовным процессом [Weisgerber, 1973, S. 109].

Согласно взглядам, В. фон Гумбольдта, «язык должен воспринять двойную природу мира и человека, чтобы передавать их взаимное действие друг на друга, или же он должен, напротив, поглощать в своей собственной вновь созданной стихии сущность их обоих, реальность субъекта и объекта, сохраняя только их идеальную форму» [Гумбольдт, 1984, с. 305]. Л. Вайсгербер в свою очередь развивает мысль о посреднической функции языка в процессе познания и «духовного» преобразования мира человеком. Он вводит термин «промежуточный мир» (*die Zwischenwelt*) для обозначения этой функции языка и выстраивает свою концептуальную трихотомию «мир-язык-человек». Она схематично отображает языковую сущность: связывать, соединять объективное и субъективное бытие в их взаимодействии и преобразовании друг друга. В своих трудах В. фон Гумбольдт пишет о «внутренней форме языка» (*die innere Sprachform*), являющейся «абсолютно внутренней и чисто интеллектуальной частью, которая собственно и составляет язык, это есть применение, для которого язык использует звуковую форму» [Гумбольдт, 1984, с. 309], но ему так и не удалось дать четкую дефиницию этого понятия.

Несмотря на то, что проблема рассматривалась многими языковедами, именно Л. Вайсгерберу принадлежит заслуга в том, что он сумел определить это сложное явление: «Мы понимаем под внутренней формой языка совокупность содержаний этого языка, то есть все, что из структурированного познания заложено в понятийном строе словаря и содержаний синтаксических форм языка» [Вайсгербер, 1993, с. 102]. Язык, являясь своеобразным миром между духом и предметами действительности, тем самым, представляет собой «промежуточный мир» народа – носителя языка. Согласно научным воззрениям В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера, дух народа непосредственно связан через интеллектуальное начало с мышлением человека и социальными и культурными особенностями языковой общности [Weisgerber, 1973, S. 177-179]. Значительным продвижением вперед явилось употребление Л. Вайсгербером термина «языковая общность» (*sprachliche Gemeinschaft*), вместо

гумбольдтовских понятий «народ» и «нация». Л. Вайсгербер подчеркивает, что языковую общность и родной язык следует рассматривать в комплексе, поскольку языковая общность объединяет носителей определенного языка [Weisgerber, 1953, S. 12].

Труды Л. Вайсгербера свидетельствуют о том, что германский ученый неоднократно пытался дать определение социальной сущности языка: «Если рассматривать то, что язык передает свои носителям определенный способ мировидения (*die Weltauffassung*) как самую выдающуюся возможность, которой располагает язык, то, делая простые выводы из этого, мы можем получить более точное определение сущности языка, чем то, которое мы привлекали в свое время (язык = средство выражения сообщения общения и пр.) Я полагаю, что мы лучше всего постигнем язык как культурное достояние и его роль в жизни сообщества и конкретного человека, если рассмотрим его как форму общественного познания (*gesellschaftliche Erkenntnisform*)» [Вайсгербер, 1993, с. 103]. Человек может воздействовать на мир через язык, а язык это и есть человек в его мысленном использовании бытия [Weisgerber, 1953, S. 23]. С позиции рассмотрения языка как пути духовного преобразования реального мира «всякий язык представляется как процесс такого языкового воссоздания мира; возможности как языка в целом, так и его отдельных элементов (слов, структур предложения) следует определить, исходя из связи с этим основным процессом» [Вайсгербер, 1993, с. 170]. Л. Вайсгербер подчеркивает необходимость изучения мира языковых содержаний, рассматривая их участие во взаимодействии человека и мира как позиций, с которых человек подходит к «вещам», и как форм, в которых эти вещи духовно представлены для человека.

Итак, в концепции Л. Вайсгербера языковые содержания не являются нечто естественно данным, а представляют собой нечто изученное вместе с языком как результат охватывающего тысячелетия опыта языковых предков [Радченко, 1993, с. 109]. Родной язык, по Л. Вайсгерберу, являет собой основу существования всякого народного сообщества, и связывает современных

носителей языка между собой и с будущими и прошлыми поколениями. Передача языка включает и формы, и специфические понятийные средства, поэтому, обретая язык, члены сообщества обретают и закрепленное в нем определенное представление о мире [Радченко, 1993, с. 111].

Научные воззрения В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера представляют значительный интерес с точки зрения исследования трансляции интенциональных состояний через язык определенного социума. В. фон Гумбольдт утверждает, что различие между субъектом и объектом обусловлено, прежде всего, природой мышления, поскольку «сущность мышления заключается в рефлексии», то есть в различии между «мыслящим» (*des Denkenden*) и «мыслимым» (*von dem «Gedachten»*). В контексте данных воззрений мысль являет собой «дискурсивную единицу», противопоставляемую по отношению к мыслящему субъекту в качестве «порожденного им» образования [Фесенко, 2003, с. 16]. Интенциональный акт, отражающий определенное интенциональное состояние, и вербализуемый с помощью конкретного языка одной нации, входит в разряд «дискурсивных сущностей».

Согласно взглядам, В. фон Гумбольдта, только язык способен быть не только знаком объекта (предмета), но и приблизить этот предмет к человеку в процессе интеллектуализации. Как подчеркивает Т.А. Фесенко, под интеллектуализацией В. фон Гумбольдт понимает процесс «транспозиции объекта в мир возможностей», то есть его включение в сеть интенциональных связей, которая была бы невозможна без репрезентации объекта в «слове – знаке». Как считает этот исследователь, «семиотическое свойство» языка, по Гумбольдту, заключается в сетевой организации интенциональных связей, и каждый язык представляет собой «систему» со свойственной ей особой грамматической и лексической организацией [Фесенко, 2003, с. 18].

Используя в качестве фундамента научные положения В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербер создал свою теорию, согласно которой язык определенной нации представляет собой промежуточный мир между двумя остальными мирами: внешним миром и внутренним миром человека. Языковая

общность как феномен через язык передает последующим поколениям определенный способ мировидения. Язык определяет мышление и развитие социума и дает возможность носителям данного языка действовать и изменять окружающий мир и отношения в обществе. Значения, зафиксированные в каждом конкретном языке, обладающим в свою очередь своей «внутренней формой», не только отражают опыт предшествующих поколений, но и, формируя сознание последующих, являются основой приписывания дополнительных значений предметам объективной действительности.

Итак, «внутренняя форма» языка, будучи представленной в единицах одного уникального языка нации, способствует тому, что эти единицы языка выступают в качестве смысловых знаков, благодаря которым могут быть выражены определенные интенциональные состояния, отражающие особенности сознания представителей языковой общности. Язык нации, как некий «промежуточный мир», может быть обозначен как уникальный «интенциональный мир» нации, который транслирует интенциональные состояния как своеобразные духовные содержания от поколения к поколению в рамках определенного социума.

4.1.2. Публицистический текст как фрагмент дискурса (немецкая школа дискурсивного анализа)

Овладение языком как уникальной знаковой системой обеспечило человеку переход от чувственного познания к рациональному. Сознательную деятельность *homo sapiens* характеризует его способность делать выводы, опираясь только на используемые средства языка. Данная способность осуществлять операцию вывода делает возможным существование сложнейших форм дискурсивного мышления, представляющих собой основные формы продуктивной деятельности человеческого интеллекта [Лурия, 1998, с. 323].

Дискурс обращен к прагматической ситуации, а также к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в определенных условиях [Языкознание, 1998, с. 137]. Дискурс представляет

собой существенную составляющую социокультурного взаимодействия, характерными чертами которого являются интересы, цели, и стили, как сложное единство языковой формы, значения и коммуникативного акта [ван Дейк, 1989, с. 53]. Дискурс может рассматриваться как связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [Языкознание, 1998, с. 136-137].

При исследовании дискурса в центре внимания исследователей оказалась экстралингвистическая информация, непосредственно связанная с ментальными процессами.

Создаваемый дискурсом общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, поступки, обстоятельства и т. п., определяется не столько последовательностью предложений, сколько общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который выстраивается в процессе развертывания дискурса. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. [Степанов, 1995, с. 37-38].

Теория дискурса как прагматизированной формы текста восходит к концепции Э. Бенвениста, который разграничивал план повествования (*recit*) и план дискурса – языка, присваиваемого говорящим человеком. Э. Бенвенист указывал на то, что речь (*discours*) следует понимать в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго. Изначально нечеткое определение дискурса явилось причиной употребления этого понятия в ряду таких терминов как «речь» (*discours* – «речь, погруженная в жизнь»), «текст», «функциональный стиль» [Ревзина, 1999, с. 25]. Структурными элементами дискурса являются единицы и формы речи, взаимодействие которых представляет часть повседневной речевой

деятельности, в то же время дискурс можно рассматривать как совокупность интеракций между представителями определенных социальных групп [Протасова, 1999, с. 144]. Дискурс также выступает как общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих его специфику [Манаенко, 2003, с. 23-24].

С позиций когнитивного подхода дискурс определяется как достаточно сложная система иерархии знаний. Дискурсивные данные позволяют: 1) о языке и его употреблении в особых целях, в определенных ситуациях; 2) об обмене информацией, ее получении и осмыслении в актах коммуникации; 3) о ментальной деятельности человека, о его сознании и мышлении [Кубрякова, 1994, с. 37].

Анализ дискурса ориентируется главным образом на установки деятельностной парадигмы. Язык здесь онтологически и эпистемически включён в человеческую деятельность, являясь и одним из ее важных инструментов и результатов.

Вопрос о разграничении понятий «текст» и «дискурс» является актуальным, так как данные понятия используются исследователями как различающиеся, так и как взаимозаменяемые. С позиций современных подходов дискурс является более широким понятием, чем текст. А.А. Кибрик считает, что дискурс представляет собой одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (текст) [Современная американская лингвистика, 2002, с. 307]. Разграничивая данные понятия, Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова под дискурсом понимают когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст представляет собой конечный результат процесса речевой деятельности в определенной зафиксированной форме. По мнению этих ученых, текст может трактоваться как дискурс в том случае, когда он реально воспринимается и

попадает в текущее сознание воспринимающего его человека [Кубрякова, Александрова, 1997, с. 19].

Понятие «дискурс» связано с анализом языкового отрезка как процесса с учетом участников этого события, их знаний, сложившейся ситуации общения, а понятие «текст» связано с анализом языкового отрезка как продукта. Исследователи нередко, оперируя понятием «текст», рассматривают языковой отрезок как динамически развертывающийся [Басималиева, 1999, с.81-82]. Анализ социального взаимодействия связан с изучением структуры знаний. Знания передаются через ритуалы, традиции. Большую роль играет знаковый способ передачи знаний – их материализация с помощью таких артефактов как тексты.

Считаем возможным согласиться с точкой зрения З.Я. Тураевой, которая считает, что анализ текста, смысловой, семантической, синтаксической структур, его составляющих, изучение того, как протекают процессы понимания и порождения текста, есть изучение мыслительных процессов и социально значимых действий людей [Тураева, 1994, с.105]. Публицистические тексты могут обретать социальную силу и воздействовать на сознание адресата, поскольку передают не только фактическую, но и контрафактическую картину мира. Как справедливо подчеркивает Н.В. Халина, «в системе средств массовой коммуникации системой, формирующей и транслирующей знание, становится язык. Процесс организации и распространения информации в средствах массовой коммуникации позволяет проследить роль языка как средства передачи идентичной информации. Особую важность приобретает решение проблемы моделирования общения как социального явления, дискурсивной практики» [Халина, 2006, с.29].

В качестве точки отсчета критического анализа в отношении различных направлений исследования дискурса В. Е. Чернявская считает необходимым рассматривать научную традицию и выделяет следующие национальные научные школы дискурсивного анализа [Чернявская, 2003, с. 68-69]: а) англо-американскую лингвистическую традицию, понимающую под дискурсом

связную речь, сосредоточенную на интерактивном взаимодействии отправителя и получателя сообщения; б) когнитивно-ориентированную традицию дискурсивного анализа Т. ван Дейка и его последователей; в) германскую традицию, объединяющую немецкую и австрийскую школы дискурсивного анализа.

Немецкая школа дискурсивного анализа, ведущими представителями которой являются У. Маас, Ю. Линк, З. Егер, развивалась на основе теории дискурса М. Фуко, представляющей собой теорию исторической реконструкции условий возможности знаний. Несмотря на то, что немецкую и французскую школу анализа дискурса объединяет целеустановка на «социально-историческую ткань» (термин П. Серио [Серио, 2001, с. 558]), между ними существуют определенные отличия. Если в теории археологии знания, разработанной М. Фуко, лингвистический аспект имеет не первостепенное значение, то в работах немецких исследователей приоритет отдается именно языковой стороне в анализе дискурсивного единства. Например, У. Маас трактует дискурс как текст, являющийся выражением или частью социальной практики, которая детерминирует определенное количество возможных текстов, выражающих ту же самую практику [Maas, 1994, S. 22]. Таким образом, правила дискурса характеризуют высказывания или тексты, которые возможны в одной социальной практике.

Дискурс рассматривается как институционально закрепленная манера говорить (слог), поскольку она детерминирует и закрепляет действия, а также осуществляет власть. «Дискурс содержит специальные области знаний, знания которых регулированы и институциолизированы, связаны с определенными действиями» [Link, 1983, S. 60]. Здесь дискурс выступает в роли регулирующей инстанции, которая формирует сознание. Связующим элементом в дискурсе являются так называемые коллективные символы, представляющие культурные стереотипы, которые коллективно используются [Drews, Gerhard, Link, 1985, S. 265]. Благодаря запасу коллективных символов, которые знают все члены общества, в распоряжении имеется репертуар образов, с помощью которых они

составляют для себя целостную картину общественной действительности (например, политического ландшафта), истолковывают эту действительность или получают уже истолкованной через СМИ [Becker, Gerhard, Link, 1997].

Согласно концепции Ю. Линка, коллективные символы, как выражение коллективного бессознательного, конституируют связь между языковыми и неязыковыми феноменами дискурса. Например, если автор статьи или журналист определенным образом высказывается в отношении какой-либо общественно значимой темы, его формулировки соответствуют ожиданиям читателей этого издания, которые в свою очередь зависят от их читательского и другого опыта из социальной практики.

Коллективный символ, с одной стороны, всегда включен в целостную систему, лежащую в основе коллективного бессознательного, т.е. связан с его образным содержанием, и находится во взаимосвязи с содержанием других таких образов. С другой стороны, коллективный символ появляется в контексте высказывания, и вносит вклад в значение этого высказывания как продукт самовыражения в средствах массовой информации. Понимание коллективного символа зависит от множества возможных, системно обусловленных приписываний смысла на основе ряда других символов. В то же время оно обусловлено тем, что подразумевает говорящий или составитель статьи с помощью высказывания, в котором коллективный символ выступает среди других языковых выражений, или что понимается реципиентом в качестве значения и тем самым реконструируется как целое.

В модели дискурса Ю. Линка медиа-дискурс (Mediendiskurs) как собственная интердискурсивная позиция противопоставлен специальным дискурсам и причисляется им к интердискурсу исходя из следующих предпосылок: 1) медиа-дискурс, как и специальные дискурсы, институциолизированны например, в редакциях газет или на телевидении; 2) медиа-дискурс является общественно доступным, т. е. в нем принципиально может принимать участие каждый, кто имеет желание, даже если существуют

фактические ограничения «права говорить», например, представлять определенное мнение в определенном печатном издании.

Другим ведущим представителем немецкой школы анализа дискурса является Зигфрид Егер. Согласно взглядам З. Егера, дискурсы как «социальные потоки знаний сквозь время» [Jäger, 2001, S. 82], представляют собой достаточно сложное образование, вследствие чего закономерно возникает вопрос о том, каким образом дискурсы могут быть подвергнуты анализу. Для решения данной задачи З. Егер предлагает принципиально различать специальные дискурсы (дискурсы наук или науки) и интердискурс, причем все ненаучные дискурсы рассматриваются в качестве составных элементов интердискурса. В то же время элементы научных дискурсов постоянно вливаются в интердискурс.

По З. Егеру, дискурсы образовались и обособились как результаты исторических процессов, и, транспортируют гораздо больше знаний, чем владеют отдельные субъекты. Дискурс представляет представляет собственную действительность, которая по отношению к «действительной действительности» («*wirkliche Wirklichkeit*») имеет собственную материальность и «питается» из прошлых или настоящих (актуальных) дискурсов [Jäger, 2001, S. 84].

Необходимо подчеркнуть, что данным положением западногерманский исследователь постулирует надындивидуальную сущность дискурса, но не отрицает субъект как таковой. М. Фуко предлагает «освобождение от конституирующего субъекта» [Foucault,1988]. З. Егер считает, что М. Фуко не отрицает субъект как таковой, а намерен осуществить исторический анализ, который может прояснить конституцию субъекта в исторической взаимосвязи, в социоисторическом контексте, т.е. в синхронной и диахронной перспективе.

Такая концепция направлена не против субъекта, а против субъективизма и индивидуализма. В процессе деятельности индивидуум имеет проблему существования, т. е. ему необходимо найти свое место в обществе. Он делает это в рамках бурно растущей сети дискурсивных отношений и столкновений.

Данная позиция З. Егера указывает на то, как субъекты и предметы действительности связаны друг с другом. Субъект он определяет, как связующее звено между дискурсом и действительностью [Jäger, 2001, S. 93]. Дискурсы детерминируют реальность естественно всегда через действующих субъектов в их общественных контекстах и через изменение действительности. Все, что является человеческим сознанием, является дискурсивным, то есть конституированным через знание [Jäger, 2001, S. 85].

Актуальность использования дискурс-анализа при изучении публицистических текстов продиктована, прежде всего, потребностью в постижении механизмов образования значений в подобных текстах, в выявлении их структуры, скрытых смыслов, приемов, используемых авторами для убеждения политической аудитории, т. е. в более глубоком качественном исследовании, нежели позволяет традиционный контент-анализ. Как указывает А.Ю. Шевченко, дискурс-анализ не просто направлен на изучение структуры текста. Он призван выявить выражаемые этими структурами «подстрочные» (подразумеваемые) значения, мнения и идеологию [Шевченко, 2002, с.20].

Как парадигма коммуникативных действий, в рамках которой возникают конкретные тексты, а также типы текста, дискурс определяет смысл, истинность, правильность или значимость форм и содержания речевых актов (высказываний). Тексты здесь не являются изолированными коммуникативными продуктами, которые представляют исключительно «целостности» (*Ganzheiten*), состоящие из предложений и / или высказываний, и тем самым следующие лишь интенциям коммуницирующих субъектов и правилам языковой системы.

Более того, они являются реализациями в комплексных (сложных) процессах обмена текстов. В качестве феноменов между текстами и языковой системой дискурсы находятся в отношении взаимозависимости по отношению к реализованным в них текстам [Kuße, 2003, с. 67]. Связь между «значениями» текста и социально-историческими условиями создания этого текста ни в коей

мере не является вторичной, она входит составной частью в сами значения [Арош, Анри, Пеше, 1999, с. 143].

На основе выше сказанного можно заключить, что публицистические тексты отражают социальные практики языковой общности на протяжении ее развития. Тем самым они транслируют социальные знания этой общности через язык текста, в котором содержится то множество значений, которое можно установить лишь в рамках дискурсивной парадигмы. Кроме коммуникативной функции, в нем реализуется смыслообразующая функция, когда сам текст становится своеобразным генератором смыслов. Исходно заложенный в тексте смысл подвергается в ходе культурного функционирования текста сложным переработкам и трансформациям, в результате чего происходит приращение смысла. Здесь подчеркнута, прежде всего, бинарность текста – с одной стороны, это смыслосодержательная структура, с другой – смыслообразующая.

В работе современного немецкого лингвиста З. Егера «Дискурс и знание» [Jäger, 2001] представлено, на наш взгляд, одно из наиболее содержательных пониманий феномена дискурса, которое, с одной стороны, сближает его с теорией археологии знания М. Фуко, а другой стороны, вводит понятие дискурса в соотношение с категорией «текст».

З. Егер определяет дискурс как поток знаний или социальных запасов знаний сквозь время, определяющий индивидуальные и коллективные действия и образы, посредством чего он (т.е. дискурс) осуществляет воздействие. При этом знание он трактует как все виды содержания сознания / значений, с помощью которых люди истолковывают и формируют окружающую их действительность. Эти знания люди извлекают из соответствующих дискурсивных взаимосвязей, в которых они рождены и в рамках которых они находятся в течение их жизни [Jäger, 2001, S.82]. По З. Егеру, дискурс осуществляют власть (воздействие), поскольку они транспортируют знания, снабжающие коллективное и индивидуальное сознание. Такое знание является основой для индивидуальных и коллективных действий, а также для формирования действительности. Он пишет: «Мы, люди,

существующие в данный момент, в прошлом, настоящем и заранее в будущем предписываем действительности значение. Тем самым мы создаем действительность. Не действительность отражается в сознании, а сознание ссылается к действительности, поскольку предоставляют знания для формирования действительности. Вся значимая действительность находится в нашем распоряжении, поскольку мы ее делаем значимой (bedeutend), или потому, что она получает или получила значение от наших предков, которое важно для нас. Действительность является значимой (bedeutungsvoll), она существует в той форме, в которой существует лишь потому, что ей приписывают значение люди, которые «вплетены» (*verstrickt*) в дискурсы и через эти дискурсы «конституированы» (*konstituiert sind*). Если это не происходит, то предметы изменяются, они меняют или утрачивают свое значение. Но позднее его можно реконструировать как прошлое значение (*ehemalige Bedeutung*)» [Jäger, 2001, S.91-92]. \

В процессе декодирования текста мы имеем дело не с языком, как таковым, а со знанием, которое язык выражает и передает. З. Егер вводит понятие «ветвь дискурса» (*Diskursstrang*), состоящую из набора элементов, традиционно обозначаемых как тексты. Каждая ветвь дискурса имеет синхронное и диахронное измерение (*synchrone und diachrone Dimension*) [Jäger, 2001, S.94]. З. Егер предпочитает термин фрагмент дискурса термину текст, так как тексты могут касаться многих тем и, следовательно, содержать множество фрагментов дискурса.

В качестве фрагмента дискурса выступает текст или часть текста, где обсуждается определенная тема. Текст может содержать и, как правило, содержит тематические связи с самыми различными ветвями дискурса. Таким образом, в одном тексте представлены различные фрагменты дискурса в «скрещенной форме». Такое скрещение ветвей дискурса возникает, когда текст рассматривает четко различные темы, а также одну тему, в которой проводятся связи с другими темами [Jäger, 2001, S.95].

Все события, по мнению З. Егера, имеют дискурсивные корни. Дискурсивные события могут создаваться через СМИ и влиять на направление и качество ветви дискурса, к которой они принадлежат. Обнаружение дискурсивных событий имеет важное значение для анализа ветвей дискурса, так как их изображение маркирует / очерчивает дискурсивный контекст, к которому относится актуальная ветвь дискурса. [Jäger, 2001, S.95-96]. Подчеркивая тот факт, что слово «событие» в нетерминологическом значении обычно определяют, как «значительное явление, факт общественной или личной жизни», В.Я. Шабес считает возможным рассматривать «событие» как основную единицу фоновых знаний [Шабес, 1989, с.15].

Исходя из выше сказанного, нам представляется целесообразным рассматривать термин «событие» как значительное явление, факт общественной жизни ФРГ, очерчивающее социально-исторический контекст фрагмента дискурса. В качестве таких событий можно назвать, выборы канцлера ФРГ в сентябре 2013 года: *Am 22. September 2013 findet in Deutschland die Wahl zum 18. Deutschen Bundestag statt* [Korte, 2013, S.13].

Дискурсивным событием, ставшим значимым для общественности ФРГ, явились также разоблачения, сделанные Эдвардом Сноуденом, бывшим сотрудником ЦРУ, которые летом 2013 года значительно осложнили взаимоотношения ФРГ и США: *Seit der geflohene amerikanische Geheimdienstmann Edward Snowden vor neun Wochen die ersten Einzelheiten über Washingtons beispiellose Datensammelwut in die Öffentlichkeit brachte, fehlt Angela Merkels Regierung das wichtigste Instrument in einer Krise: die Kontrollfähigkeit. Das Kanzleramt weiß nicht, was die Amerikaner wissen. Es weiß nicht, was Snowden weiß, es kann nicht einschätzen, was noch kommen wird. Es weiß nicht genau, was die eigenen Leute wissen und ob sie das Gleiche wissen wie die Amerikaner* [Gude, Hammerstein, Müller, Schindler, 2013, S.20].

Дискурсивное событие детерминирует пропозициональное содержание, которое выступает в качестве одной из форм фоновых знаний. Так, анализ синхронного отрезка через ветвь дискурса может помочь найти свою

историческую связь таким образом, что этот синхронный отрезок можно связать с каким-то видом хроники дискурса. Дискурсы детерминируют реальность через действующих субъектов в их общественных контекстах. В то же время З. Егер подчеркивает, что дискурс представляет собственную действительность, которая по отношению к «действительной действительности» не является искажением, а имеет собственную материальность и питается от прошлых и других актуальных дискурсов.

Итак, можно заключить, что в концепции З. Егера представлена материальная трактовка дискурса, характеризующая его как общественный продукт. Связь между значениями, зафиксированными в тексте и социально - историческими условиями создания этого текста ни в коей мере не является вторичной, она входит составной частью в сами значения. Как отмечает В. А. Колеватов, социальная информация, представляющая собой отображение различных фрагментов объективной и субъективной реальности, существует в обществе в двух основных видах. Определенная часть социальной информации передается от поколения к поколению внутри коллектива через орудия, средства, и продукты труда в виде навыков, традиций, ритуалов и т. д., и соответственно часто не осознается индивидом в адекватной форме, но в то же время детерминирует его мировоззрение и деятельность. Другая часть такой информации зафиксирована с помощью знаковых систем (модельно–изобразительных и вербально-дискурсивных), сформировавшихся в процессе развития общества и функционирующих в качестве средств коммуникации. Порождение, передача, хранение и целенаправленное использование такой информации предполагает осознание ее содержания, и пронизывают все социальные отношения и структуры. Эта часть информации непрерывно возрастает в ходе исторического процесса и оказывает все большее воздействие на все стороны жизнедеятельности общества [Колеватов, 1984, с. 22-23].

В этой связи соглашаясь с точкой зрения З. Я. Тураевой, согласно которой текст выступает как особая форма материализации знаний, можно заключить, что публицистический текст как фрагмент дискурса транслирует

как языковые так и социальные знания о мире для определенной языковой общности, и в то же время отраженные в нем социальные практики данной общности в значительной степени предопределяют релевантность определенный интенциональных состояний, свойственных носителям данного языка. Историческая память нации онтологически коррелирует с понятием коллективной интенциональности, сущность которого была рассмотрена в первой главе настоящего исследования. Историческая память как форма актуализации коллективной интенциональности «пронизывает» взаимосвязь релевантных дискурсивных событий. Например, в своей статье в журнале «Шпигель», журналиста Александр Юнг вспоминает экономическую реформу Л. Эрхарда, когда была введена новая валюта – знаменитая Deutsche ***Mark***: *Die Bürger misstrauten dem neuen Geld. Viele fürchteten, die D-Mark könnte zur Weichwährung werden; zu frisch war noch* ***die Erinnerung*** *an die Hyperinflation von 1923* [Jung, 2009, S. 99]. И здесь же автор использует данную ретроспективу в рамках актуализации событий экономического кризиса в Европе, начиная с 2008 года, когда стала заходить речь о том, нужно ли отказаться от евро и вернуться к немецкой марке (марке ФРГ): *Geblieben ist ein nationales Trauma, das bis heute nachwirkt. Die Inflationsangst ist in Deutschland weit verbreitet, die Geldpolitik hierzulande fühlt sich mehr als anderswo der Stabilität verpflichtet, die* ***Erfahrung*** *von 1923 sitzt tief im* ***kollektiven Gedächtnis*** *der Deutschen* [Jung, 2009, S. 107].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дискурс, отражая исторический контекст социальной практики той или иной языковой общности, с одной стороны транслирует экстралингвистические или фоновые знания (социальная информация), а с другой стороны знания языковые, которые зафиксированы в знаковой системе языка, его «внутренней форме». Дискурс обладает **надындивидуальной сущностью,** поскольку создается не одним человеком или группой, а социумом.

4.1.3. Сверхфразовое единство как единица анализа языковых средств в публицистическом дискурсе

Рассматривая интенциональное состояние как основу понятийной категории исторической памяти, в рамках разработанного нами интенционального подхода, считаем целесообразным и обоснованным решить проблемы определения единицы анализа языковых средств вербализации исторической памяти в публицистическом дискурсе.

Исследуя природу взаимосвязи сознания и интенциональности, с одной стороны, и способностей, возможностей, позволяющих функционировать этим ментальным состояниям, с другой, Дж. Серль выдвигает положение о невозможности автономного функционирования, отдельно взятого интенционального состояния вне сети других интенциональных состояний [Серл, 2002, с. 167].

Возникновение и огромное влияние данной теории на формирование целых отдельных направлений в современной лингвистике (например, прагматики) было обусловлено тем, что, начиная со второй половины 60-х годов 20 века, фокус исследовательских интересов лингвистов сместился на другую сторону диалектического единства «язык – языковая система». Именно на речевую деятельность и дискурс, который в свою очередь представляет продукт этой деятельности в форме связного текста. Благодаря совместным усилиям философов, логиков, лингвистов и психологов данная теория получила дальнейшее развитие. В настоящее время ученые рассматривают понятие «теория речевых актов» в широком смысле слова, как совокупность идей, направленных на изучение речевой деятельности, а также в узком смысле, как название одной конкретной логико-философской теории речевых актов, которая оказала огромное влияние на формирование прагматики в качестве особой области лингвистических исследований.

Дж. Остин не дает точного определения речевому акту, но главным достижением его теории является положение, согласно которому человек с помощью говорения может осуществлять действия. Поэтому вполне

закономерно последователь теории Дж. Остина, Дж. Серль считает основной единицей языкового сообщения не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта [Серль, 1999, с. 211]. Разработанная Дж. Остином градация позволяет рассматривать речевой акт как своеобразное трехуровневое образование. Здесь предусмотрено условное разграничение речевого акта на локутивный акт (высказывание, включая элементы смысла и референции, соотносится с действительностью), иллокутивный акт (высказывание получает определенную иллокутивную функцию, указывающую на коммуникативную интенцию говорящего), и перлокутивный акт (высказывание, обладающее иллокутивной силой, вызывает определенные изменения в сознании или поведении адресата) [Остин, 1999, с. 84].

Несмотря на ярко выраженную, четкую дифференциацию речевого акта, все эти три уровня объединяет то, что на каждом из них Дж. Остин исследует действие, которое говорящий совершает в речевом акте. Дж. Остин не дает точного определения понятию «речевой акт», но его ученик Дж. Серл идет дальше и указывает на то, что производство конкретного предложения в определенных условиях представляет собой иллокутивный акт, а иллокутивный акт и есть минимальная единица языкового общения [Серль, 1999, с. 210-211].

Перлокутивный акт находится вне границ речевого акта как такового, вследствие чего теория речевых актов сосредоточена, прежде всего, на исследовании иллокутивных сил высказывания, являющихся лингвистическим коррелятом иллокутивных актов и указывающих на интенцию говорящего при произнесении высказывания.

В связи с этим большой заслугой представителей данной теории является разработанная ими классификация типов иллокутивных актов, рассматривающая пять базовых типов речевых актов [Серль, 1999, с. 229], которая свидетельствует о том, что благодаря иллокутивной силе, высказывание может принадлежать к определенному типу. В результате этого

понятия «иллокутивный акт» и «речевой акт» часто выступают в качестве синонимов.

Теория речевых актов имеет ряд недостатков, которые в свою очередь создают предпосылки для ее критики. Она, например, не предусматривает, какую бы то ни было системную организацию перлокутивного акта, который не находится в необходимой связи с содержанием высказывания. Речь здесь идет не об акте, а скорее об эффекте [Meibauer, 1999, S. 86]. В силу статической точки зрения на свой объект теория речевых актов не дает ответа на многие важные вопросы, касающиеся речевого поведения человека, принадлежащего к определенному социуму [Кобозева, 1986, с. 21].

Теория речевых актов не обосновывает то, в каком отношении речевой акт находится к предшествующему высказыванию и как изменяет контекст последующего [Франк, 1999, с. 258], здесь возникает проблема сегментации потока речи на единицы, соответствующие речевым актам.

Согласно теории речевых актов, всякое высказывание необходимо соотносить с одним и только одним типом речевого акта, в то время как с помощью одного и того же высказывания, говорящие часто совершают множество действий одновременно. Зачастую более релевантные речевые акты осуществляются с помощью нескольких предложений или посредством отдельных членов предложения [Франк, 1999, с. 254-255].

Теория речевых актов уделяет недостаточное внимание социальным свойствам субъекта речевой деятельности, который рассматривается в качестве абстрактного индивида, являющегося носителем ряда характеристик, психологических (намерение, знание, мнение, эмоциональное состояние, воля) и социальных (статус по отношению к слушающему, функция в рамках определенного социального института). По своему методологическому статусу теория речевых актов в качестве узкоспециальной лингвистической теории не может претендовать на выдвижение общей теории о природе языка, в отличие от деятельностных концепций гумбольдтианской ориентации [Кобозева, 1986, с. 10].

Одним из недостатков теории речевых актов В. А. Звегинцев считает то, что на место мышления она поставила логику, а попытка логического представления естественного языка не может претендовать на адекватность. Речь является категорией, основное назначение которой заключается в обеспечении вечного движения мысли и языка, которое не совместимо с константностью формальных постулатов [Звегинцев, 1996, с. 65-66].

Понятия «речевой акт» и «высказывание» нередко отождествляются, поскольку традиционно они трактуются как основные и минимальные единицы вербальной коммуникативной деятельности. Изучая эту проблему, В. Г. Колшанский пишет: «В связи с тем, что коммуникация осуществляется минимум на уровне высказывания, которое способно выражать некоторое утверждение относительно чего-то, высказывание становится во главу угла исследования языка.

Можно предполагать, за отсутствием каких-либо экспериментальных данных, что, по меньшей мере, смысл высказывания образуется, исходя из некоторой интенции говорящего, т.е. из некоторой глобальной установки на смысл, будущего высказывания» [Колшанский, 1979, с. 51]. Некоторые исследователи считают, что данные понятия не следует отождествлять, поскольку при осуществлении определенных речевых актов требуется иногда несколько высказываний, т.е. «речевой акт выполняется на совокупности высказываний» [Ревзина, 1999, с. 28].

Речевой акт определяется как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [Языкознание, 1998, с. 412]. Последовательность речевых актов создает дискурс. В качестве основных черт речевого акта Н.Д. Арутюнова рассматривает интенциональность и конвенциональность. Следуя Дж. Серлю, Ю. Хабермас определяет речевой акт как единицу лингвистической коммуникации в смысле реализации предложения в высказывании [Habermas, 1984, с. 317]. Высказывание, содержащее коммуникативное задание или целеустановку, В.А. Звегинцев

определяет как речевой акт, строящийся по модели предложения [Звегинцев, 1996, с. 99].

С точки зрения теории речевых актов, речевой акт рассматривается как реализация предложения в рамках конкретной прагматической ситуации общения. Согласование речевого акта с интенциональными состояниями признается обществом обязательным для речевых действий [Языкознание, 1998, с. 413].

Теория речевых актов занимается в основном изучением иллокутивных сил высказывания, которые являются лингвистическим коррелятом интенции, но в рамках этой теории интенции коммуникативной – т.е. соотносимой с понятием намерения. Она не учитывает аспектов необходимого взаимодействия (т.е. рассматривается коммуникативная интенция в узком смысле слова, не как отражение всего многообразия интенциональных состояний, а как коммуникативное намерение отдельно взятого высказывания). Как справедливо подчеркивает М. Пешё, «процесс высказывания не развивается по линии намерения, «замкнутого на своем собственном желании, как это утверждалось бы в прагматике или в персоналистском толковании высказывания, он насквозь пронизан угрозой смещения смысла. Семантическая единица не может образовываться как постоянная и однородная проекция «коммуникативного намерения», она образуется скорее как некий узел в конфликтном пространстве, как некоторая, всегда неокончательная стабилизация в игре разнообразных сил» [Пешё, 1999, с. 29-30].

При определении единицы анализа в публицистическом тексте как фрагменте дискурса логично и целесообразно взять за основу понятие сверхфразового единства как совокупности высказываний, состоящих из цепочки взаимосвязанных предложений, объединенных вокруг одной темы [Москальская, 1981, с. 16-19]. В лингвистике сверхфразовое единство определяется как сложное синтаксическое целое, микротекст, отрезок речи в форме последовательности двух и более самостоятельных предложений, объединенных общностью темы. При этом сверхфразовое единство может

совпадать с абзацем, а также быть меньше или больше него [Языкознание, 1998, с. 435]. Н.А. Левковская считает, что не следует смешивать такие понятия как сверхфразовое единство и абзац. Сверхфразовое единство является, прежде всего, единицей объективного членения, в основе которого заложена прагматическая установка текста. В первую очередь оно характеризуется смысловой завершенностью, которая играет в сверхфразовом единстве первостепенную роль. Абзац не всегда представляет собой логическое единство, т.е. не всегда характеризуется смысловой завершенностью. Он вычленяется в тексте самим автором в зависимости от его прагматической установки [Левковская, 1980, с. 75]. Данная точка зрения коррелирует со взглядами В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера, согласно которым язык формирует мышление.

Сверхфразовое единство является, прежде всего, логическим, а соответственно, и семантическим единством, создается в основном интуитивно и эксплицитно автором не вычленяется. При исследовании речевых актов в рамках дискурсивной парадигмы необходимо ориентироваться не на логические постулаты, а на этническую специфику, восходящую к гумбольдтианской традиции, побуждающей исследовать важные аспекты социального взаимодействия.

Сверхфразовое единство представляет собой интенциональный акт, включающий отдельные высказывания (речевые акты в форме предложения), не имеющие самостоятельной темы, а служащие для выражения одной темы сверхфразового единства и взаимно дополняющие друг друга при ее раскрытии. Соответственно интенция, на формирование которой оказывают влияние разноуровневые средства, будет рассматриваться как интенция придания значения (*Bedeutungsintention*), которая формируется только в дискурсе и не тождественна исключительно коммуникативному намерению отдельно взятого высказывания как речевого акта, а является отражением сети интенциональных состояний и их взаимосвязей.

4.2. Языковые средства вербализации категории исторической памяти (интенциональный подход)

4.2.1. Грамматические средства вербализации интенционального состояния «историческая память»

Понятие интенции и интенциональности являются центральными в тех современных лингвистических трудах, которые исследуют речевую деятельность и имеют непосредственное отношение к лингвистической семантике и прагматике. Как считает, М.В. Никитин, понятие интенции существенно для разграничения знаковых и незнаковых явлений. Для определения знака важно, что он интенционален и у него есть отправитель, он предполагается еще в большей степени, чем получатель. Как подчеркивает этой ученый, подлинный «знак интенционален, т. е. реализует информационно-коммуникативное намерение использующего его отправителя. Однако интерпретатора (наблюдателя) еще недостаточно, чтобы значимое для него событие считать знаком. Вещи и события продвигаются в сторону знака, когда за ними стоит намеренное их использование с целью актуализировать в сознании наблюдателя связанные с ними импликации» [Никитин, 1997, с. 11].

Проблема определения набора языковых средств выражения интенциональности представляется довольно сложной. Интенциональные состояния могут содержаться в терминах модуса, субъективной и объективной модальности, оценочной коннотации, пресуппозиции и т. д. Одним из первых отечественных лингвистов, предпринявшим попытку исследования феномена интенциональности в грамматике можно назвать А.В. Бондарко [Бондарко, 1994].

Особенностью исследования интенциональности в работах А.В. Бондарко является то, что он впервые применил понятие интенциональности по отношению к грамматическим категориям различных частей речи. Грамматическая категория является единицей языка как определенной системы (кода), а не единицей речевого отрезка. Поэтому грамматическая категория соотнесена, прежде всего, с парадигматической

осью, она представляет собой определенную модель – построение, которое отражает речевые факты [Брусенская, Курочкина, 2001, с. 76].

Как отмечает А.В. Бондарко, здесь имеется в виду «связь семантических функций грамматическим форм с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, способность содержания, выражаемого данной формой (во взаимодействии с ее окружением, т. е. средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла [Бондарко, 1994, с. 29]. По его мнению, предлагаемая интерпретация функций грамматических форм в их отношении к признаку интенциональности не относится к теории речевых актов. Он пишет: «Мы не оперируем понятиями локутивного, иллокутивного и перлокутивного акта. Проводимый нами анализ включает своего рода проекцию на коммуникативные цели высказывания (например, при описании видовых функций учитывается направленность высказывания на изображение процессов или на самую общую информацию о факте). Новым здесь является особый акцент на вопросах «для чего говорящий употребляет данную форму?» «что он хочет выразить?» [Бондарко, 1994, с. 30].

Таким образом, А.В. Бондарко трактует понятие интенциональности в особом аспекте. Предметом анализа являются не сами по себе коммуникативные цели высказывания, а семантические функции грамматических форм в их отношении к смысловому содержанию высказывания, к тому, что имеет в виду и хочет выразить субъект определенного высказывания. В фокусе исследования здесь оказываются отношения обозначаемых ситуаций к смыслам, реализуемые функциональными потенциями конкретных грамматических форм (форм вида, времени, наклонения, лица, залога, числа, падежа и т.п.) в высказывании.

В рамках такой интерпретации понятие интенциональности в предлагаемой интерпретации включает два аспекта: аспект смысловой информативности (актуальности) – имеется в виду способность данной функции быть элементом выражаемого смысла; аспект связи с намерениями говорящего, т.е. с тем, что он намерен выразить в данных условиях

коммуникации, – аспект «собственно интенциональный». А.В. Бондарко подчеркивает тесную взаимосвязь этих аспектов, поскольку смысловая информативность данного грамматического значения является необходимым условием его использования в речи (при взаимодействии системного значения грамматической формы с элементами внутриязыковой и внеязыковой среды) для реализации намерений говорящего [Бондарко, 1994, с. 31].

Важным положением данной концепции интенциональности в грамматике является то, что она пытается исследовать отношение грамматического значения к объективным аспектам смыслового содержания, выражаемого языковыми средствами. При этом в центре внимания остаются ментальные процессы, отраженные в речевой деятельности субъекта, т.е. речь идет об отношении грамматического значения к интенции как речевому замыслу и субъективному смыслу.

Использование в одной речевой цепи двух или более частных грамматических форм, представляющих одну категорию, всегда бывает следствием их интенционального употребления с целью создания экспрессивности всего высказывания [Брусенская, Курочкина, 2001, с. 76].

Следствием интенционального воздействия двух или более грамматических форм также является их употребление в одной речевой цепи. Особенно продуктивно при этом движение от частного грамматического значения единственного числа к частному грамматическому значению множественного числа: *Die Bernauer Straße trennt den Bezirk Wedding, altes Westberlin, von Mitte, das zu Ostberlin gehörte. Und die paar Meter trennen hier immer noch, bis heute!* ***Welten*** [Richter, 2004, S.23].

Или: *Neun Jahre nach der Wiedervereinigung leben die Deutschen in Ost und West noch immer* ***in zwei verschiedenen Welten*** *nebeneinander her. Sie rauchen verschiedene Zigarettensorten, trinken unterschiedliche Weine, essen verschiedene Suppen, schauen andere Programme im Fernsehen, lesen verschiedene Zeitungen. Unsichtbar besteht zugleich in den Köpfen die Mauer fort* [Sommer, 1999, S. 9].

В словарной статье к лексеме ***die Welt*** в универсальном словаре Duden Deutsches Universalwörterbuch во всех значениях этого слова не предусмотрено употребление формы множественного числа. В Большом словаре Langenscheidt [Langenscheidt, 1997] встречается форма употребления множественного числа слова ***die Welt*** в значении противопоставления, например *Welten liegen zwischen ihnen* (букв. миры лежат между ними, т.е. они абсолютно разные). Следующие примеры – яркое подтверждение данного постулата: *Am 9. November 1989 fiel die Berliner Mauer. Elf Monate später, am 3. Oktober 1990, wurde Deutschland wiedervereinigt. Ein Wunder ist dies nicht. Wie hätte es denn anders sein können? Die Deutsche Demokratische Republik ist vergangen. Auch die alte Bundesrepublik Deutschland ist nicht mehr. Aber die Geschichte der vierzig Jahre Teilung wir uns Deutschen noch lange anhängen. Die zwei deutschen Identitäten, in fast einem halben Jahrhundert gewachsen, lassen sich weder einfach abstreifen noch locker in eins rühren. Nach der langen Zeit der Spaltung haben beiderlei Deutsche ganz unterschiedliche Biographien, unterschiedliche Reflexe, unterschiedliche Verhaltensweisen im Alltag. Vor allen Dingen haben sie bis heute ganz verschiedene Lebensprobleme. Nur langsam und mühsam entsteht die gemeinsame* ***Welt****. Dies gilt für die komplizierte* ***Welt*** *der Wirtschaft. Es gilt aber erst recht in der* ***Welt*** *des Mentalen und des Sentimentalen* [Sommer, 1999, S. 6].

Или: ***Die verschiedenen Gedanken-*** *und* ***Gefühlswelten*** verschmolzen in eins [Sommer, 1999, S.10].

В обоих примерах следует подчеркнуть особое употребление лексемы ***die Welt*** в форме множественного числа, т.е. ***Welten***, что означает различные миры, души людей. Также возможно встретить достаточно оригинальное использование атрибутивного словосочетания, отклоняющегося от нормы: *Das glückliche Ende dieses Kalten Krieges, das Wunder des Mauerfalls sind einem manchmal schon verdammt fern, seit im Alltag wieder ganz profan das Geld bestimmt, wie die* ***deutsch-deutsche*** *Stimmung so ist. Und die ist eben: auf hohem Niveau gereizt* [Richter, 2004, S.24].

Модель подобных авторских составных прилагательных в современном немецком языке означает противопоставление – автор намерен показать, что, несмотря на объединение ФРГ и ГДР в 1990 году, в душах (мирах, настроении) простых граждан Германии до сих пор нет места чувству национального единства.

Одним из аспектов дифференциации понятия модальности является противопоставление субъективной и объективной модальности. Объективная модальность представляет собой одну из категорий, формирующих предикативность, входит в обязательное грамматическое значение предложения и выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности/ирреальности. Основным средством оформления модальности здесь является категория глагольного наклонения. На синтаксическом уровне объективная модальность представлена противопоставлением форм изъявительного наклонения (*der Indikativ*) формам ирреальных наклонений: сослагательного (*der Konjunktiv*) и повелительного (*der Imperativ*). Категория изъявительного наклонения включает в себя объективно-модальные значения реальности. Через соотношение форм индикатива содержание сообщения может быть отнесено в один их трех временных планов – настоящего, прошедшего и будущего.

Семантика повелительного и сослагательного наклонения, непосредственно связанная с коммуникативными целями высказывания и намерениями говорящего, характеризуется высокой степенью интенциональности. Изъявительное наклонение выступает в данном случае как немаркированная форма [Бондарко, 1994].

В рамках индикатива возможно выделить грамматические формы, соотношение которых могут выражать интенциональность. Интенциональность семантических форм времени может быть вербализована в условиях явно выраженного противопоставления временных планов с точки зрения момента речи. В качестве грамматических средств выражения интенциональности могут выступать выделяемые О.И. Москальской так

называемые устойчивые словосочетания с грамматической направленностью или грамматизированные устойчивые словосочетания. Они образуют особый тип словосочетаний, поскольку наряду с устойчивыми словосочетаниями, эквивалентными слову и образующими фразеологию языка, умножают не номинативные средства языка, а средства выражения различных грамматических значений – в первую очередь модальности, времени, вида [Москальская, 1961, с. 87]. К таким словосочетаниям относятся конструкции *haben+zu+Infinitiv* и *sein+zu+Infinitiv*, имеющие модальное значение и входящие в состав модального поля в качестве одного из конституентов. Как считают некоторые исследователи, подобные соединения не могут относиться к словосочетаниям, поскольку последние должны состоять из полнозначных слов [Зеленецкий, Новожилова, 2003, с.261]. Данные словосочетания, характеризующиеся высокой степенью устойчивости и идиоматизма, образуют замкнутый ряд, так как в качестве первого компонента всегда выступают глагол haben или глагол *sein*, определяющие устойчивость этого типа словосочетаний.

Воспроизводимость первого, формализующего компонента словосочетания, при бесконечной переменности второго является элементом грамматизации у словосочетаний этого типа. Как подчеркивает О.И. Москальская, грамматический и лексический идиоматизм этих конструкций обусловлен тем, что ни лексическое значение, ни форма каждого из компонентов словосочетания не содержит в себе модального значения необходимости или возможности, поскольку это значение является грамматическим значением только всего словосочетания [Москальская, 1961, с. 90]. Именно сдвиг лексического и грамматического значения обеспечивает рассмотренным аналитическим формам и грамматизованным устойчивым словосочетаниям грамматичность выражения модального, временного, залогового значения и конституирует их как особые структурные единицы.

В силу своей синтаксической неразложимости данные словосочетания выступают как один член предложения. В них значение времени, залога, модальности, выражено не лексемами, входящими в состав словосочетания, а

самой моделью словосочетания или аналитической формы. О.И. Москальская также отмечает, что устойчивые словосочетания с грамматической направленностью обладают лексическим и грамматическим идиоматизмом. Лексический идиоматизм проявляется у грамматизованных словосочетаний в таком изменении значения первого компонента, когда слово, оставаясь в разряде полнозначных, становится в отдельности непереводимым и осмысляется в целом не в плане номинации, а как конструктивный элемент модели, выражающей грамматическое значение модальности, времени и вида. Грамматический идиоматизм заключается в утрате компонентами словосочетания собственного первоначального грамматического значения и в развитии у данной модели грамматического значения, невыводимого из грамматического значения компонентов словосочетания [Москальская, 1961, с. 92-93]: *Auf die Positiv-Variante setzen seine Mitarbeiter deshalb all ihre Hoffnung: Die europäische Krise lenkt von den innenpolitischen Problemen ab, als Retter Europas kann Schröder neues Profil und neue Zustimmung gewinnen. Sollte die Verfassung an den Franzosen scheitern, gibt es in der EU nur einen einzigen Staatsmann, der einen Ausweg aus der Krise weisen kann – den deutschen Kanzler. Vom Britten Tony Blair, dessen Landsleute europaskeptisch wie wenige andere sind,* ***ist*** *eine Initiative zur Rettung der Verfassung nicht* ***zu erwarten*** [Krumpey, Pörtner, Wiegold, 2005, S. 30]. В данном фрагменте дискурса пропозициональное содержание, содержащее знания о мире (положение дел в объективной действительности) эксплицировано таким важным дискурсивным событием, как принятие конституции Европейского союза. Устойчивое сочетание ***ist … zu erwarten*** в рамках данного фрагмента модальное значение необходимости, поскольку очевидно, что от англичан не следует ожидать инициативы по спасению проекта конституции. Данное значение формируется не только языковыми средствами, но и посредством социальных (неязыковых) знаний, транслируемых в этом тексте. В следующем фрагменте медиа-дискурса речь идет о присутствии вооруженных сил ФРГ в конфликтном регионе в Афганистане: *Das PRT ist die praktische Umsetzung des „erweiterten*

Sicherheitsbegriffs“, eines Leitmotivs der deutschen Außenpolitik: Sicherheit ***ist*** *demnach heute weniger denn je nur mit militärischen Mitteln* ***zu gewährleisten*** *als vielmehr durch präventive Konfliktregelung, wirtschaftliche Zusammenarbeit, das Schaffen sozialer Sicherheit und das Eintreten für Menschen – und Minderheitenrechte* [Steinle, 2004, S. 9].

При этом автор подчеркивает, что основная цель этого присутствия – защита прав человека и безопасность, поэтому достигать эти цели нужно не столько с помощью военных средств, сколько посредством превентивной работы. Войскам приходится сталкиваться с вооруженными формированиями, поэтому нельзя исключать различные эксцессы: *Lokale Kriegsherren leiteten Wasserläufe um oder besetzten Felder – wenn nötig mit Waffengewalt. Bönisch versucht, in solchen Fällen zu vermitteln. Seine 8 Pick-Ups sind von früh bis spät unterwegs. Zwischenfälle* ***sind*** *selten, aber nie* ***auszuschließen*** [Steinle, 2004, S.10].

Последующий пример связан с важным дискурсивным событием – разработкой пакета реформ AGENDA 2010 в ФРГ, инициатором которых стал Герхард Шредер: *Was* ***ist*** *eigentlich* ***zu modernisieren****? Die „Agenda 2010“ kann als Versuch gelten, am deutschen Arrangement zu ändern, das für die Ewigkeit zu funktionieren schien. Den Schulen wird nicht genug Aufmerksamkeit gewidmet. Junge Ehepaare verzichten aus Karrieregründen häufiger als anderswo auf Kinder. Deutschland wird älter. Die demographischen Kurven verraten, dass der Sozialstaat von den Jüngeren nicht mehr* ***zu finanzieren ist****.* [Hofmann, 2004, S. 6].

В первом случае актуализировано значение необходимости модернизации многих сфер в ФРГ, но в заключении автор приходит к выводу, что социальное государство не может быть профинансировано со стороны молодого поколения.

В итоге реформы оказались не совсем состоятельными: *Weil daheim weitere Reformen weder mit der eigenen Partei noch mit der Opposition durch****zu****setzen sind,* ***will*** *Schröder nun mit einem außenpolitischen Feuerwerk Eindruck* ***machen****. EU, Uno, Russland, auch Amerika – überall wird der Kanzler in den nächsten Monaten seine Visitenkarte abgeben und retten, was* ***zu retten ist*** *– für die Welt und für sich* [Krumpey, Pörtner, Wiegold, 2005, S.28]. Герхарду Шредеру

не удалось осуществить реформы ни с собственной партией, ни с оппозицией, и он занялся политическим «внешним» имиджем, т.е. решил произвести впечатление с помощью внешнеполитического фейерверка. По мнению А.В. Баклушина, данные сочетания являются аналитическими образованиями, и их следует рассматривать на фоне грамматической категории наклонения. Они выражают не коммуникативно-грамматическую модальность, а логико-грамматическую. Причем грамматическое значение необходимости они выражают чаще, чем грамматическое значение возможности [Баклушин, 1989, с.112]. Значение, которое будут получать данные сочетания целиком и полностью зависит и от социально-исторического контекста, отраженного в том или ином публицистическом тексте как фрагменте дискурса. Эти устойчивые словосочетания как таковые не могут выражать какие-либо интенциональные состояния, но когда в рамках данных конструкций будут встречаться интенциональные глаголы, то помимо обозначения, определенного интенционального состояния, они будут получать дополнительное значение возможности / необходимости в тексте. Данные устойчивые словосочетания как таковые не могут выражать какие-либо интенциональные состояния, но когда в рамках данных конструкций будут встречаются интенциональные глаголы, то, безусловно, помимо обозначения, определенного интенционального состояния, они будут получать дополнительное значение возможности / необходимости в тексте.

4.2.2. Транспозиции форм Präsens и их роль в маркировании дискурсиных событий в контексте исторической памяти

Особые условия для актуализации грамматической семантики возникают при переносном употреблении грамматических форм (при транспозиции). Каждая форма может получать в контексте дополнительные значения, если она переходит из своей собственной сферы употребления в сферу другой временной формы [Шендельс, 1979, с. 41].

В современном немецком языке можно выделить особые грамматические формы настоящего времени, создающие необходимые условия для этого.

Например, образная актуализация прошлого может возникать при употреблении форм настоящего времени в функции настоящего исторического (*historisches Präsens zur Bezeichnung eines vergangenen Geschehens – исторический презенс*). Такая форма презенса в хрониках и исторических обзорах выполняет констатирующую функцию [Schmidt, 1967, S. 217]: *Der friedlich am Baum sitzende Serbe* ***wird überfallen*** *– 1914 von deutschen Pickelhauben, 1941 von Deutschen mit Hakenkreuz am Helm und 1998 von der deutschen Bundeswehr, die sich diesmal hinter terroristischen Albanern versteckt* [Oschlies, 1999, S. 22].

Употребление исторического презенса направлено на актуализацию в сознании адресата непосредственного переживания событий, произошедших в прошлом (например, падение Берлинской стены), тем самым способно каузировать интенциональное состояние «воспоминания, памяти»: *Der Abend des 9. November 1989: In Berlin* ***fällt*** *die Mauer – und mit ihr die Grenze, die Deutschland 28 Jahre lang teilte. Tausende DDR-Bürgerinnen und -Bürger* ***eilen*** *noch in der Nacht an die Grenze zu Westberlin. Es gibt keinen offiziellen Befehl, trotzdem* ***öffnen*** *Grenzsoldaten die Übergänge. Wildfremde Menschen aus Ost und West* ***fallen sich*** *in die Arme,* ***feiern*** *gemeinsam die Öffnung der Mauer. Deutschland* ***erlebt*** *eine Nacht im Freudentaumel, eine Nacht, die die Welt verändert* [Richter, 2004, S. 25].

Дальнейшее развертывание данного публицистического текста как фрагмента дискурса показывает, что повествование осуществляется сначала в форме времени *Plusquamperfekt*, а затем в форме *Imperfekt*: *Was* ***war geschehen****? Am 9. November, kurz vor 19 Uhr* ***hatte*** *Günter Schabowski, Mitglied des SED-Politbüros, auf einer internationalen Pressekonferenz vorlaufenden Kameras stockend eine neue, freizügige Ausreiseregelung bekannt* ***gegeben****. Auf eine Nachfrage* ***erklärte*** *Schabowski, dies trete nach seiner Kenntnis „sofort, unverzüglich“ in Kraft. Diese Nachricht war von der DDR-Regierung so gar nicht autorisiert,* ***verbreitete sich*** *nun aber blitzartig in der ganzen DDR und* ***löste*** *die Öffnung der Grenzübergänge in Berlin aus: Die Mauer* ***fiel*** [Richter, 2004, S. 25].

В противопоставлении к этим временным планам, указывающим на события более далекого прошлого, данная форма исторического презенса выполняет задачу вызвать у адресата оживленное ясное представление (*lebhaften Vergegenwärtigung*) [Schmidt, 1967, S. 218].

Употребление автором данной транспозиции позволяет «погрузить» читателя в атмосферу событий 1989 года и вместе с жителями ФРГ и ГДР непосредственно пережить в «режиме реального времени» (исторический презенс) такое знаковое событие в истории Германии, как падение Берлинской стены. Как подчеркивает С. Данто, «предположение о том, что прошлое верифицируемо, означает, что в любой момент, после того как событие произошло, всегда существует нечто такое, что, по крайней мере, может переживаться в опыте и посредством чего это событие может быть познано» [Данто, 2002, с. 44].

В следующем примере представлено дискурсивное событие, отражающее важный этап в истории ФРГ – экономическую реформу 1948 (Währungsreform 1948), осуществленную Людвигом Эрхардом, и известную как «экономическое чудо» (*Wirtschaftswunder*): ***Währungsreform 1948****: Es* ***gibt*** *noch kein Gesetz, kein Parlament und keine Regierung, als jeder Deutsche mit 40 Mark Kopfgeld in die neue Zeit* ***startet*** [Wolf-Doettinchem, 1998, S. 26].

Исторический презенс может встречаться в публицистических текстах в хроникальной форме. Наглядный пример употребления исторического презенса в хрониках можно встретить в статье Мартина Орта, посвященной созданию легендарного немецкого шоколада *Ritter Sport*:

1912 *– Alfred Eugen Ritter und Clara Ritter, geb. Göttle, gründen die Schokolade- und Zuckerwarenfabrik in der Inneren Moltkestraße in Bad Cannstatt, Stuttgart. 1930 zieht das expandierende Unternehmen nach Waldenbuch.*

1932 *– Clara Ritter schlägt im Familienkreis vor, eine quadratische Schokoladentafel zu produzieren. Ihr Argument: „Machen wir doch eine Schokolade, die in jede Sportjackentasche passt“.*

1990 *– Ritter Sport baut in Nicaragua die Initiative „Cacaonica“ für den biologischen Anbau von Kakao auf, den das Unternehmen zum Weltmarktpreis plus Fair-Trade-Aufschlag abnimmt.*

2010 *– Ritter Sport eröffnet in der Französischen Straße in Berlin-Mitte die „Bunte Schokowelt“, wo Besucher die Produkte kosten und ihre persönliche Schokolade kreieren können* [Orth, 2010, S. 24].

Особой формой исторического презенса (*Präsens historicum*) является так называемый сценический презенс (*das szenische Präsens*). Сценический презенс выступает в качестве драматической формы повествования о событиях прошлого, и придает высказыванию или определенном отрывку из текста дополнительную экспрессивную окраску, за счет таких явлений, как, например, прямая речь: *Eine 76-jährige bricht in Hannover zusammen und wird ins Krankenhaus eingeliefert. Leichter Herzinfarkt und Schlaganfall lautet die Diagnose. Eigentlich bräuchte die Patientin einen Herzschrittmacher. Doch dann sehen die Ärzte ihre Kassen-Chipkarte und winken ab:* ***„Dieses Jahr nicht mehr, unser Budget ist ausgereizt“*** [Wedemeyer, Heier, Ochmann, Wagner, 1996, S. 22]. Автор статьи подвергает резкой критике реформы здравоохранения, разработанной министром Зеехофером. Сценический презенс с прямой речью в режиме «реального времени» на примере 76-летней пожилой женщины, пережившей приступ, демонстрирует то, что могут ожидать остальные граждане ФРГ от такой реформы. Посмотрев на ее карту медицинского страхования, и отказавшись ее оперировать в этой клинике, врачи мрачно заключают: «*Только не в этом году, наш бюджет трещит по швам*».

Как утверждает Й. Эрбен, при рациональном, осмысленном употреблении сценического презенса, выражение получают кульминационные пункты происходящего (*Höhepunkte des Geschehen*), словно читатель сам принимает участие в этих событиях прошлого. При этом речь идет именно об «оживленном представлении о ситуациях или действиях, а не просто о расположении событий прошлого во времени» [Erben, 1967, S. 47]: Die *Stunde, in der sich für ihn das Geschichtsbuch öffnete, kennt Helmut Kohl genau. Am 19.*

Dezember 1989, spätnachmittags, einem nasskalten Tag. Hunderttausend ***drängen sich*** *vor der düsteren Ruine der Dresdner Frauenkirche, „Einheit, Einheit“,* ***skandieren*** *sie und „Deutschland, Deutschland“ beschwören den Mann, der von einer Holztribüne herunter* ***spricht*** *– „Helmut, Helmut“. Ein bei Bismarck geliehenes Wort kommt ihm in den Sinn, später wird er es Michail Gorbatschow zitieren: „Man kann nicht selber etwas schaffen, man kann nur abwarten, bis man den Schritt Gottes durch die Ereignisse hallen hört; dann Zipfel seines Mantels fassen – das ist alles“* [Müller, 1996, S. 30].

Актуализация будущего возникает при употреблении форм настоящего времени для обозначения будущего события (*Präsens futuralis / Präsens zur Bezeichnung des zukünftigen Geschehens*). Использование автором данной грамматической формы может актуализировать в сознании читателя такие интенциональные состояния, как надежда, вера, уверенность: *Wenn am 1. Mai zehn weitere Länder der Europäischen Union* ***beitreten****,* ***bedeutet*** *dies mehr als ein bloßes Anwachsen der Gemeinschaft auf 450 Millionen Bürgerinnen und Bürger. Das Datum* ***markiert*** *die Überwindung der Teilung eines Kontinents und* ***steht*** *für die Stärkung von Demokratie und Wirtschaftskraft. Eine beispiellose Erfolgsgeschichte. Noch nie in seiner langen Geschichte war Europa so geeint, wie es mit dem 1. Mai 2004 sein wird. Die Öffnung für die neuen Mitglieder aus Ostmitteleuropa und dem Mittelmeerraum war die Antwort der Europäer auf die historische Zäsur des Winters 1989/90, als die selbst ernannten Volksdemokratien und Planwirtschaften zerfielen* [Janning, 2004, S.8].

Geburtsstunde von Euroland: Am 1. Januar 1999 ***entsteht*** *ein Währungsraum von elf Nationen, in dem 291 Millionen Menschen leben. In barer Münze* ***rollt*** *der Euro zwar erst im Jahre 2002, doch bargeldlos* ***ist*** *das gemeinsame Geld von elf Nationen schon mit Beginn des neuen Jahres europäische Wirklichkeit* [Günther, 1998, S.24-25].

Das Nordatlantische Verteidigungsbündnis (NATO) ***feiert*** *Anfang April seinen 50-sten Geburtstag* [Müller, 1999, S.14].

Грамматические формы времени играют важную роль не столько с точки зрения их интенционального использования в рамках системоцентричного подхода к языку, а как уникальные языковые средства немецкого языка, с помощью которых в сознании носителя немецкого языка могут быть актуализированы определенные интенциональные состояния, имеющие направленность как в прошлое, так и в будущее (что свойственно только человеку), способствующие возникновению в сознании интенциональных переживаний социально-исторического опыта нации. Более того, посредством употребления этих форм возникает возможность трансляции исторического опыта нации посредством вербализации таких интенциональных переживаний. С помощью разноуровневых средств системы языка человек способен приписывать значение не только предметам и положениям дел в настоящем, но также в прошлом и будущем, что характеризует его как уникальную интенциональную систему высшего порядка.

4.2.3. Фразеологизмы как языковые средства маркирования коллективной исторической памяти

Интенциональное состояние воспоминания, памяти может быть передано и с помощью различных фразеологических оборотов, например, таких как ***sich (D) etw. ins Gedächtnis (zurück) rufen; ins Bewusstsein rufen*** [Бинович, 1995, с. 223]: *Zum Ende dieses Jahrhunderts feierte Deutschland so viel wie selten: 50 Jahre Bundesrepublik Deutschland, 50 Jahre Deutscher Bundestag und erst kürzlich den 10. Jahrestag des Mauerfalls. Doch in all diesen Reden kam auch zum Ausdruck, dass wir unsere Zukunft nur gestalten können, wenn wir unsere Vergangenheit anerkennen und sie uns immer wieder* ***ins Bewusstsein rufen****. Wir müssen diese historische Erfahrung nutzen, um uns immer wieder* ***ins Gedächtnis*** *zu* ***rufen****, dass wir Frieden, Freiheit und Demokratie, kurzum das gesellschaftliche System, in dem wir leben, niemals als etwas Selbstverständliches ansehen dürfen* [Thierse, 1999, S.3].

В данном обращении Вольфганга Тирзе, в то время президента бундестага, наряду с личным местоимением ***wir***, а также различными

модальными значениями данные фразеологические обороты, апеллирующие к коллективному сознанию и исторической памяти, эксплицируют интегративную функцию. Вольфганг Тирзе подчеркивает тот факт, что построить будущее немецкий народ сможет лишь в том случае, если признает свое прошлое, и постоянно будет помнить о нем. Известный политический деятель призывает к необходимости использования исторического опыта, чтобы опять же постоянно помнить о том, что мир, свобода и демократия, а также общественная система не могут рассматриваться как само собой разумеющееся. Лишь в этом случаем немецкий народ может с надеждой смотреть в будущее. Здесь в имплицитной форме присутствует квантор всеобщности как идеологически ориентированное понятие.

Использование фразеологических оборотов в качестве риторических средств способствует тому, что выступление известного государственного деятеля выражает интенциональное состояние не отдельного человека, а всей немецкой нации. Представленный публицистический текст как фрагмент дискурса получает интенциональное значение «память всей нации о прошлом».

Примечательно в этом отношении обращение федерального президента ФРГ (1999) Йоханнеса Рау к читателям журнала «Deutschland» в статье «Падение Берлинской Стены – окончание разделения Европы»: Wo *waren* ***Sie****, als die Berliner Mauer fiel? Die Frage können wohl fast alle Bürgerinnen und Bürger Europas beantworten, die an den politischen Ereignissen von 1989 auch nur ein wenig Anteil nahmen. Überall wurde damals die Nachricht vom Fall der Mauer als ein Fanal verstanden: als Zeichen dafür, dass eine Epoche der Trennung und Konfrontation zu Ende gegangen ist und ein neues, besseres Miteinander in Europa begonnen hat.* ***Wir*** *Europäer dürfen deshalb nicht nachlassen im gemeinsamen Einsatz für die Menschenrechte und gegen alle Spielarten des Nationalismus. Was* ***uns*** *heute zusammenbringt, ist* ***unser aller Wunsch****, politische Einheit, Demokratie, Frieden, und Wohlstand für ganz Europa zu erreichen.* ***Gewiss*** *wird die Suche nach gemeinsamen Lösungen oft mühsam sein. Aber wann immer uns das allzu sehr*

verdrießt, sollten wir uns ***erinnern*** *an unsere Freude und Zuversicht an dem Tage, als die Mauer fiel* [Rau, 1999, S.3].

Вопрос к читателям журнала: *Wo waren* ***Sie****, als die Berliner Mauer fiel?* каузирует в сознании аудитории, т.е. граждан ФРГ, интенциональное состояние «воспоминания». Интегративная функция достигается с помощью употребления личного местоимения 3 лица множественного числа ***wir*** (***Wir*** *Europäier dürfen deshalb nicht nachlassen im gemeinsamen Einsatz für die Menschenrechte und gegen alle Spielarten des Nationalismus* = Мы, европейцы, не должны поэтому ослаблять усилия в борьбе за права человека и против любых форм национализма), и такими словосочетаниями сочетаниями, как ***unser aller Wunsch*** = наше общее желание (*Was* ***uns*** *heute zusammenbringt, ist* ***unser aller Wunsch****, politische Einheit, Demokratie, Frieden, und Wohlstand für ganz Europa zu erreichen = Всех нас объединяет сегодня желание добиться политической свободы, демократии, мира и процветания для всей Европы*.)

Наряду с различными модальными значениями, например уверенности (***Gewiss*** *wird die Suche nach gemeinsamen Lösungen oft mühsam sein* = Конечно поиски совместных решений будут трудными.), а также различными средствами выражения интенциональных состояний, например воспоминание (*Aber wann immer uns das allzu sehr verdrießt, sollten wir uns* ***erinnern*** *an unsere Freude und Zuversicht an dem Tage, als die Mauer fiel = И когда это будет очень нам досаждать, давайте вспомним о нашей радости и вере в тот день, когда пала Берлинская стена*), в данном фрагменте дискурса четко и однозначно также эксплицирована интегративная функция: Вы – **Sie** (как представитель данной нации) и мы – **wir** (я и мой народ) хотим достичь политического единства, демократии, мира и благосостояния для всей Европы, и это нас объединяет, мы едины.

Дискурсы формируются как результаты социальных практик в рамках исторического процесса и транспортируют гораздо больше знаний, чем владеют отдельные субъекты. Дискурсы транспортируют знания, которые снабжают как индивидуальное, так и коллективное сознание. Такое знание

является основой для индивидуальных и коллективных действий, а также для формирования значимой действительности. Действительность имеет бесконечное множество значений, и она существует в такой форме, поскольку носители языка и определенной культуры как часть социально- исторического дискурса придают или приписывают ей эти значения, которые они в свою очередь получили от своих предков.

4.2.4. Модальные слова как маркеры интенциональных установок к дискурсивным событиям

Существенным признаком познавательной деятельности человека является тот факт, что мышление как высшая форма познания осуществляется в границах определенной установки или установок. Модальные слова, выступающие в качестве средств авторизации текста, с помощью которых персонифицируется автор, являются выражением установки говорящего по отношению к значимости положения дел. Они выражают различные степени уверенности субъекта речи (в том числе и письменной) в отношении предметов и положения дел объективной действительности. В качестве неизменяемой части речи, выражающей отношение высказывания к действительности, устанавливаемое субъектом речи, модальные слова указывают на достоверность, вероятность, возможность, необходимость, а некоторые их них выражают и субъективную оценку автора высказывания.

Фиксируя внимание на таком важном семантическом компоненте общего модального значения как экспликация субъекта речи с помощью модальных слов, Л.И. Василенко подчеркивает, что с введением модального слова в текст происходит «оживление» субъекта высказывания. Наряду с другими средствами авторизации, модальные слова эксплицируют образ «за текстом», т.е. субъект высказывания, который открывается читателю, адресату текста, благодаря модальным словам, прежде всего, в своей активной познавательной деятельности. Субъектно-оценочная модальность представляет собой модальность текстового плана, и в структуре текста модальные слова проявляют способность к расширению смысловых отношений.

Эксплицируемые с их помощью контекстуальные значения квалифицируются Л.И. Василенко как текстовые в сопоставлении с основным модальным значением достоверности/недостоверности факта. [Василенко, 1984, с. 78]. Современными германистами выделяются следующие семантические группы модальных слов [Гулыга, Натанзон, 2004, с.213]:

I. Собственно модальные слова (потенциальные или усилительные) –

а) предположительные, или потенциальные, модальные слова выражают различные степени достоверности, иногда оттенки сомнения, которому подвергаются все высказывания в целом: *angeblich, anscheinend, möglich, möglicherweise, vermutlich, vielleicht, scheinbar, schwerlich, wahrscheinlich, wohl* и др.

Модальные слова этой подгруппы являются средством выражения потенциальной модальности предложения.

б) усилительные модальные слова, подчеркивающие наличествующую модальность предложения: *durchaus*, *freilich*, *gewiss*, *natürlich*, *tatsächlich*, *sicher*, *sicherlich*, *selbstverständlich*, *unbedingt*, *wahrlich*, *zweifellos*, *zweifelsohne*. По значению к модальным словам этой группы приближаются устойчивые словосочетания, типа: *in Wirklichkeit*, *in der Tat*, *ohne Zweifel*.

II. Оценочные модальные слова, выражающие субъективную оценку высказывания: *hoffentlich*, *glücklicherweise*, *leider*, *törichterweise*, *unverständigerweise*.

Оценочные модальные слова не меняют модальности предложения. Они выражают лишь оценку всего высказывания говорящим:

III. *Модальные слова*, суммирующие все высказывания в целом, иногда уточняющие его: *allenfalls*, *eigentlich*, *jedenfalls*, *ohnehin*, *übrigens*, *überhaupt*

IV. Утвердительные и отрицательные модальные слова, выражающие утверждение и отрицание: *ja*, jawohl, *doch*, *nein*, *keineswegs*.

По мнению В.З. Панфилова [Панфилов, 1977] и В.Н. Бондаренко [Бондаренко, 1979], все модальные значения можно расположить на шкале, на одном полюсе которой находится значение уверенности, на другом –

предположения, а в промежутке – различная степень этих значений. Значение предположения отражает неполное знание субъекта речи, а значению уверенности соответствует знание полное. Предположение является одним из субъективно-модальных значений, отражающих степень познанности объективных связей, явлений.

Традиционно в большинстве языков мира выделяются два семантических разряда модальных слов: 1) модальные слова проблематической достоверности, 2) модальные слова категорической достоверности. Достоверность рассматривается в качестве понятия, характеризующего степень соответствия содержания предложения (суждения) объективной действительности с точки зрения субъекта мысли (говорящего, думающего или пишущего) [Бондаренко, 1979, с. 33].

В современном немецком языке модальное значение проблематической достоверности с оттенком наибольшего сомнения, максимальной неуверенности в достоверности сообщаемого выражается такими словами и словосочетаниями, как *kaum*, *schwerlich*, *unsicher*, *ungewiß*, *zweifelhaft*, *fraglich*, *wenig*. Вторую семантическую группу модальных слов составляют слова *möglich, womöglich, möglicherweise, vielleicht*, *hoffentlich, vermutlich,* передающие модальное значение проблематической достоверности с оттенком возможности.

Указывая в качестве служебных слов на достоверность содержания высказывания с точки зрения говорящего, модальные слова тем самым характеризуют степень достоверности знания отражаемых в содержании высказывания объективных связей и маркируют определенные интенциональные состояния: *15 Jahre später: Es gibt bis heute Westdeutsche, die noch nie einen Fuß in den Osten gesetzt haben und das* ***vermutlich*** *auch nie tun werden* [Richter, 2004, S. 24].

Отрицание *nie*, стоящее в постпозиции по отношению к модальному слову ***vermutlich***, способствует тому, что в тексте формируется модальное значение проблематичной достоверности не с оттенком возможности, а с еще

большей долей сомнения, неуверенности в том, что некоторые западные немцы (*Wessi*) будут дружественно относится к восточным немцам (*Ossi*). Модальное слово ***vermutlich*** маркирует интенциональное состояние предположения, в то же время социально-исторический контекст способствует тому, что данный фрагмент дискурса обнаруживает следующее интенциональное значение: проблема духовной разобщенности восточных и западных немцев на рубеже XX и XXI веков до сих пор актуальна, несмотря на историческое объединение ФРГ и ГДР в 1990 году.

В следующем фрагменте с помощью употребления модальных слов ***zweifellos*** и ***sicher*** автор выражает высшую категоричную степень уверенности в том, что положение экономики в ФРГ на данном этапе оставляет желать лучшего, и намерен передать это интенциональное состояние уверенности читателю: Zweifellos *stimmen auch die Meldungen über den Niedergang ganzer Industrien und die hohe Arbeitslosigkeit.* ***Sicher*** *sind die neuen hochautomatisierten Werke nicht so personalintensiv, dass sie die Arbeitslosigkeit nachhaltig senken könnten* [Schumacher, 2005, S.53].

В условиях современного политического и экономического кризисов, Евросоюз стал одной из самых непрозрачных организаций, и автор подчеркивает, что в этом нет никаких сомнений: *Insofern gehört die EU* ***zweifellos*** *zu den höchst intransparenten Phänomenen, mit denen das politische Leben umzugehen hat* [Weidenfeld, 2013, S.34-35].

В качестве модального слова для категоричного подтверждения сообщения о том или ином факте, который воспринимается им как нечто закономерное, естественное, выступает лексема ***natürlich***: *Sie wollen wissen, was man daraus lernen oder vielleicht sogar noch besser machen kann. Deutschland ist ein Vorbild. Es gibt kein anderes.* ***Natürlich*** *war und ist die Einheit teuer* [Schumacher, 2005, S. 53].

С помощью употребления данного модального слова автор объясняет естественность и закономерность возникновения трудной экономической ситуации в Германии, аппелируя к тому факту, что объединение Германии для

ФРГ обошлось дорого. Но в качестве интенционального значения здесь, конечно, выступает интенция автора, который, как и многие западные немцы, намеренно подчеркивают тот факт, что ФРГ обладала более высоким уровнем экономического развития по сравнению с ГДР, в результате чего за счет налогоплательщиков ФРГ и происходило восстановление ГДР.

Следующий пример извлечен из текста, в котором речь идет о противостоянии Запада по отношению к Ближнему Востоку, исламу. Важную роль здесь сыграли объединение стран Запада в Европейский Союз и сотрудничество стран Европы и Америки в противостоянии терроризму с Ближнего Востока: ***Gewiss****, ohne Schutz, den die USA und NATO gewährten, würde und könnte Europa heute nicht das sein, was es ist. Die Europäer meinen, dass die Vereinigten Staaten – und nur die Vereinigten Staaten – hierbei die Führungsrolle übernehmen können und sollten* [Ischinger, 2005, S. 32]. Вольфганг Ишингер, бывший посол Германии в Вашингтоне, не просто констатирует факт объединения этих стран вокруг общих проблем, но и с уверенностью подчеркивает статус ведущей роли США в этом межконтинентальном диалоге.

В следующем примере отрицательное модальное слово keineswegs служит для выражения более категоричного значения уверенности. Как показывает анализ центральной прессы ФРГ, многие авторы статей стремятся подчеркнуть тот факт, что Германия стремится дистанцироваться от своего нацистского прошлого, признавая эту историческую ошибку. На современном этапе исторического развития, когда в Европе полным ходом идут процессы интеграции и глобализации, Германия стремится создать репутацию мирного, надежного соседа для сопредельных государств: *Auf der Weltbühne werden die Deutschen heute* ***keineswegs*** *als „Nationalisten“, sondern als Europäer wahrgenommen, vermutlich sogar als die europäischsten Europäer; und zugleich als diejenigen, die gemeinsam mit der großen Mehrheit der VN davon überzeugt sind, dass die Welt viel Pole und Machtzentren habe und haben müsse – selbst wenn nur die USA über die Macht und Militärkraft verfügen, die die VN brauchen, um wirklich wirksam zu sein* [Hofmann, 2005, 9].

Модальные слова коренным образом отличаются от других частей речи также по своей синтаксической функции. Они не выступают в качестве отдельного члена предложения, а относятся ко всему высказыванию и в тоже время они не относятся также ни к одному из членов предложения в отдельности. Тем самым те интенциональные состояния, которые они маркируют, будут выражены и сверхфразовым единством в публицистическом тексте как фрагменте дискурса. Модальные слова, отражающие спектр различных модальных значений (уверенности, сомнения, предположения, неуверенности, и т.п.), получают дополнительные контекстуальные значения, каузируемые социально-историческим контекстом, отраженным через социальную практику в данном тексте. Субъективно-модальная оценка в виде разнообразных модальных слов, наряду с другими языковыми средствами, является важным источником информации о различных интенциональных состояниях автора текста. Посредством употребления модальных слов в публицистическом тексте через модальные значения могут быть вербализованы самые различные интенциональные состояния, присущие автору текста как представителю данной языковой общности.

Одним из важных дискурсивных событий для политической жизни ФРГ стали разоблачения бывшего сотрудника ЦРУ Эдварда Сноудена в июне 2013 года, раскрывшего существование XKeyscore – секретной программы компьютерного слежения, которое осуществляется Агентством национальной безопасности США. Она предназначена для слежения за иностранными гражданами во всем мире, осуществляет деятельность с помощью более чем 700 серверов, расположенных в США и на территории стран-союзников США, а также в посольствах и консульствах США в нескольких десятках стран: ***Sicher*** *ist, dass XKeyscore, das Spähprogramm, mit dem BND und Amerikaner arbeiten, sehr weitreichende Möglichkeiten bietet. Es gehört wohl zu den größten Kostbarkeiten aus dem Arsenal der US-Lauscher* [Gude, Hammerstein, Müller, Schindler, 2013, S.21].

В результате этих разоблачений выяснилось, что были нарушены права граждан ФРГ: ***Fraglich*** *ist auch, ob die massenhafte Datenerhebung und -weitergabe an einen fremden Geheimdienst ohne weiteres mit deutschem Recht vereinbar ist. "Das Gesetz erlaubt dem BND zwar, von Deutschland aus den internationalen E-Mail- und Telefonverkehr zu überwachen", sagt der Jurist Niko Härting, der an der Berliner Hochschule für Wirtschaft und Recht lehrt, "die millionenfache Abschöpfung von Verbindungsdaten sieht es aber nicht vor."* [Gude, Hammerstein, Müller, Schindler, 2013, S.22].

Таким образом, указывая в качестве служебных слов на достоверность содержания высказывания с точки зрения говорящего, модальные слова тем самым характеризуют степень достоверности знания отражаемых в содержании высказывания объективных связей. Данные лексические единицы выражают различные степени уверенности и маркируют широкий спектр интенциональных состояний, актуализируемых в современных публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса.

4.3. Валентностный анализ основных морфологических классов слов в публицистическом дискурсе

Понятие актанта связано с возникновением и развитием теории валентности глагола в современной германистике. В энциклопедическом словаре «Языкознание» валентность (от лат. *valentia* – сила) трактуется как способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами. Впервые в лингвистику это понятие ввел С. Д. Кацнельсон, а затем благодаря Л. Теньеру разработка этого понятия получила свое распространение в западноевропейском языкознании, при этом он относил этот термин только к глаголу и определял валентность как число актантов, которые может присоединять глагол [Языкознание, 1998, с. 79].

Понятие валентности является в лингвистике сравнительно новым, и получило свое распространение лишь в 50-х годах прошлого столетия. Необходимо подчеркнуть, что возникновение понятия «валентность» восходит еще к исследованиям К. Бюлера, воззрения которого в значительной степени

предопределили важные этапы в развитии общей теории валентности. К. Бюлер указывал на тот факт, что слова определенного класса слов могут иметь в своем окружении одну или несколько открытых позиций, которые должны быть заполнены словами других определенных классов [Бюлер, 2001]. Как отмечают М. Д. Степанова и Г. Хельбиг, эти взгляды К. Бюлера в то время не получили дальнейшего систематического развития [Степанова, Хельбиг, 1978, с. 141].

В 50-х годах 20 века, под влиянием грамматики зависимостей Л. Теньера, понятие валентности получило свое более широкое, научное распространение. В рамках своей грамматики зависимостей Л. Теньер придерживался вербоцентрической концепции, и тем самым при структурном анализе предложений исходил из того, что глагол составляет основу предложения, определяет его структуру. От глагола зависит число так называемых «актантов». Такую способность глаголов принимать и удерживать при себе определенное количество актантов Л. Теньер сравнивал с известным свойством атома образовывать химические связи с другими атомами в одной молекуле.

Термин «актант» имеет следующее толкование: Актант (от лат. ago – привожу в движение, действую) – 1) любой член предложения, обозначающий лицо предмет, участвующий в процессе, обозначенном глаголом. Л. Теньер, введший это понятие, противопоставлял актант (существа и предметы, участвующие в той или иной мере в процессе) сирконстантам, указывающим на время, место, образ действия и другие обстоятельства процесса [Языкознание, 1998, с.22].

В Немецко-русском и русско-немецком словарях лингвистических терминов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского имеется следующее определение термина «актант», а также другие потенциальные обозначения данного термина на немецком языке: *Актант Actant* фр. [ak´tã] der /– s, – s /; **Aktant* der / –en, –en / – (заполнитель валентности предиката; по Л. Теньеру к актантам относятся живые существа или предметы, вовлеченные в ситуацию, описываемую глаголом); *Ergänzungsbestimmung* die / –, – en /; *Mitspieler* der / –s,

– / (заполнитель валентности предиката, участник типизированной ситуации); *Valenzpartner* der / –s, – / (например, о существительных, заполняющих валентность предиката) [Баранов, Добровольский, 1993, с.336].

Расширение понятия валентности привело к тому, что в 60-е годы в отношении толкования данного понятия развернулись широкие дискуссии. Данное обстоятельство было в определенное степени обусловлено тем фактом, что Л. Теньер оставил многие вопросы нерешенными и что недостатки в его толковании валентности в начале были перенесены в работы его последователей [Степанова, Хельбиг, 1978, с.144-146].

Задачи нашего исследования не предполагают подробнейший обзор данных причин и более детальное рассмотрение различных точек зрения, касающихся теории валентности. Следует лишь особо отметить, что в конце 60-х начале 70-х годов немецким исследователям удалось разрешить некоторые невыясненные теоретические вопросы и разработать более точные критерии для дифференциации некоторых понятий в рамках теории валентности. В результате их исследований была разработана модель валентности, которая, в частности, нашла отражение в «Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов» [Helbig, Schenkel, 1978].

Под валентностью понимается способность глагола (или соответственно: другой части речи) создавать вокруг себя определенные открытые позиции, которые должны быть заполнены облигаторными или факультативными актантами. Таким образом, как подчеркивают М.Д. Степанова и Г. Хельбиг, «валентность, сознательно рассматриваемая в широком – семантическом и синтаксическом – смысле, представляет собой как семантическое, так и синтаксическое выявление открытых позиций, а также их синтаксическое заполнение [Степанова, Хельбиг, 1978, с. 147]. Валентность интенциональных глаголов играет важную роль при экспликации определенного пропозиционального содержания и способствует реконструкции деятельности пропозиционального сознания. В качестве актантов выступают существительные в именительном (*Nominativ*), дательном (*Dativ*), винительном

(*Akkusativ*) падежах и их эквивалентах. Г. Хельбиг и Х. Бринкманн четко разграничивают облигаторные, т.е. обязательные и факультативные актанты. Для определения облигаторного или факультативного статуса того или иного актанта у глагола в предложении Х. Бринкманн использует так называемый тест на опущение (*Eliminierungstest*, *Weglaßprobe*) [Баранов, Добровольский, 1993, с. 72]. Если после осуществления элиминации, т.е. исключения или удаления какого-либо члена предложения, предложение является грамматически правильным, то данный актант является факультативным для анализируемого глагола. В случае если предложение не является корректным, т.е. верным с грамматической точки зрения, то данный член предложения определяется как актант облигаторный, т.е. обязательный, необходимый с позиций полноценной структуры предложения. Данные теоретические положения можно проиллюстрировать на следующем примере

4.3.1. Валентностный потенциал интенциональных глаголов

Интенциональные состояния, характеризующие деятельность человека, отражают в языке его взаимодействие с объективной действительностью, и осмысляются носителями этого языка, прежде всего, в интенциональных терминах. В силу онтологической сущности денотатов таких слов исключена возможность объективного наблюдения обозначаемых ими соответствующих интенциональных состояний как феноменов сознания, а также их анализа естественнонаучными методами. Возникает необходимость оперировать косвенными данными, в качестве которых выступают естественно-языковые средства, отражающие соответствующие явления внутреннего мира, и в значениях, которых зафиксированы существенные интенциональные состояния для деятельности индивида как результаты опыта интроспекции предшествующих поколений. Такое видение проблемы опирается, прежде всего, на философско-антропологические идеи известного немецкого языковеда и философа Вильгельма фон Гумбольдта, отвергавшего идею независимости представлений человека о мире от его языка.

Каждый язык обладает специфической для него внутренней формой, проявляющейся как в членении мира в области лексики границами значений слов, составляющих словарь этого языка, так и в системе его грамматических категорий. В. фон Гумбольдт видел результат эволюции языка в его внутренней форме, и интерпретировал её как мировидение, заключенное в языке: «Всякий язык в любом из своих состояний, образует целое некоего мировидения, содержа в себе выражение всех представлений, которые нация составляет себе о мире, и для всех ощущений, которые мир вызывает в ней» [Гумбольдт, 1984, с. 64]. Тем самым ученый приписывает языку особую созидающую силу в формировании уникального для каждого языка мира языковых значений.

В качестве основного естественно-языкового средства обозначения интенциональных состояний ряд исследователей выделяют так называемые предикаты пропозициональных установок или ментальные глаголы [Арутюнова, 1989], интенциональные глаголы или глаголы интенционального воздействия [Харитонова, Гавриш, 1991], эпистемические глаголы [Шатуновский, 1988], интенциональные предикаты [Beckermann, 2001]. Среди таких глаголов, в первую очередь, можно выделить так называемые глаголы полагания, которые вводят пропозицию, выражающую некоторое ментальное содержание индивидуального сознания. Особенность этих эталонных глаголов пропозициональной установки заключается в том, что они не могут быть употреблены вне соединения с пропозицией, образуя тем самым, как подчеркивает Н.Д. Арутюнова, своего рода «интенциональную оболочку пропозиции, синкатегорематическое слово, локализующее суждение в ментальной сфере его «носителя» [Арутюнова, 1989, с. 9]. Данное явление указывает на необходимый характер связи интенционального состояния, выраженного ментальным глаголом, и интенционального объекта, отраженного в пропозиции. Поэтому такие глаголы, прежде всего, указывают на прочную связь с субъектом: *«Sie sagen es, Pater» Dr. Oppermann suchte nach dem Korkenzieher. «Er spielte seine Kaffernplatte wieder ab». «Es ist furchtbar! Aber* ***glauben*** *Sie bitte nicht, das sei typisch für Südwest! Es gibt diese Prusiusse –*

natürlich, es gibt sie überall, in jedem Land. Und weil sie alles übertönen, hört man sie auch vor den anderen. Aber das ist nicht Südwest! Wir leben hier ein hartes Leben, bei dem jeder auf den anderen angewiesen ist. Der beste Anzug bekommt einmal Flecken. Prusius ist solch ein Fleck! » [Konsalik, 1991, S. 32].

И.Б. Шатуновский называет эти глаголы эпистемическими (знать, думать / считать / полагать, верить и т. д.) и отмечает, что они описывают одну и ту же ситуацию – наличие в уме субъекта (С) пропозиции (р) вместе с предикатом «есть (в действительности)» (= «имеет место» = «истинно»). Схематически эту ситуацию можно представить так: у С есть (в уме) [р есть (в действительности)] = С имеет (в уме) [р истинно]» = …. [имеет место р]. Основные эпистемические глаголы различаются тем, какой компонент указанной схемы они выводят в вершину лексического значения, и, соответственно, в коммуникативный фокус предложения: в предложениях с *знать* в коммуникативном фокусе – «иметь (в уме)»; в предложениях с *думать* / *считать* / *полагать* (а также *предполагать*, *представлять*, *подозревать*, *воображать*) – р (содержание р); в предложениях с *верить* в коммуникативном фокусе – компонент «есть (в действительности) [Шатуновский, 1988, с. 18].

Эти глаголы, как правило, указывают на носителя, соответствующего интенционального состояния, и открывают определенные позиции для экспликации пропозиционального содержания, которое указывает на релевантное дискурсивное событие. В следующем примере речь идет о современном имидже бундесвера – вооруженных сил ФРГ:

Ehemalige Bundeswehrsoldaten ***erinnern sich*** *an eine Wehrdienstzeit, in der Krieg nur als Auseinandersetzung mit dem Warschauer Pakt erwartet wurde und der Horizont an der Elbe endete. Zwar stehen deutsche Soldaten seit mehr als zehn Jahren im Auslandseinsatz. Mittlerweile wird die öffentliche Wahrnehmung der Soldaten jedoch von dem geprägt, was Berufsoffiziere bisweilen abschätzig als „bewaffnetes Technisches Hilfswerk“ einordnen: Frieden sichern auf dem Balkan oder Afghanistan – auch wenn dort immer die Gefahr von Anschlägen oder Raketenangriffen droht* [Staak, 2005, S. 6-7].

Интенциональный глагол ***sich erinnern*** выражает следующие сигнификативные значения [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 451]: 1) *im Gedächtnis bewahrt haben und sich deshalb wieder bewusstwerden*; 2) *die Erinnerung an jmdn., etw. bei jmdm. wachrufen; wieder ins Bewusstsein rufen*; 3) *veranlassen an etw. zu denken, jmdn. etw. nicht zu vergessen.*

Содержащиеся в словаре по валентности и дистрибуции немецких глаголов Г. Хельбига и В. Шенкеля данные свидетельствуют о том, интенциональный глагол ***sich erinnern*** требует, как минимум один или два облигаторных актанта [Helbig, Schenkel, 1978, S. 185]. В качестве единственного в своем роде облигаторного актанта выступает субъект действия как носитель данного интенционального состояния, выполняющий функцию подлежащего в предложении и который может быть выражен соответственно существительным, личным местоимением или именем собственным. В представленном фрагменте подлежащее *ehemalige Bundeswehrsoldaten* включает существительное в именительном падеже, обозначающее носителя интенционального состояния воспоминания. Положение, согласно которому данный глагол имеет, как минимум, один вышеназванный облигаторный актант является истинным, если в фокусе исследования находится только одно предложение. В этом случае основная коммуникативная функция такого предложения будет заключаться в констатации наличия соответствующего интенционального состояния, т.е. предложение *Ehemalige Bundeswehrsoldaten* ***erinnern sich*** являлось бы грамматически правильным.

Следует подчеркнуть, что важной заслугой германских исследователей является разработка трехступенчатой модели анализа валентности немецких глаголов, которая включает этапы количественного, качественного и семантического анализа, и системно используется при интерпретации глаголов в Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов Г. Хельбига и В. Шенкеля [Helbig, Schenkel, 1978]:

1. Количественный анализ (*quantitative Analyse*): На этапе количественного анализа следует определить количество актантов, необходимых для построения грамматически правильного предложения.

2. Качественный анализ (*qualitative Analyse*): На этапе качественного анализа определяется грамматическое окружение (дистрибуция) глагола.

3. Семантический анализ (*semantische Analyse*): На этапе семантического анализа исследователь устанавливает, какой семантикой обладают актанты.

Благодаря разработанной трехступенчатой модели анализа валентности немецких глаголов, валентность, сознательно рассматриваемая в широком – семантическом и синтаксическом – смысле, представляет собой как семантическое, так и синтаксическое выявление открытых позиций, а также охватывает их синтаксическое заполнение [Степанова, Хельбиг, 1978, с. 147].

В последнем примере, рассматриваемом нами, этапы количественного анализа валентности глагола ***sich erinnern*** отражает следующая схема:

sich erinnern 1 (+1) → Sn = *Ehemalige Bundeswehrsoldaten*

В качестве облигаторного актанта выступает также дополнение, обусловленное управлением глагола и указывающее на пропозициональное содержание: *an eine Wehrdienstzeit, in der Krieg nur als Auseinandersetzung mit dem Warschauer Pakt erwartet wurde und der Horizont an der Elbe endete.* Это пропозициональное содержание детерминируется таким важным дискурсивным событием XX столетия, как «холодная война», которое маркируется лексемами *Warschauer Pakt*, *Krieg* и *die Elbe.* Содержание последующих предложений в рамках данного сверхфразового единства включает информацию о том, что в XXI веке бундесвер выполняет в основном миротворческие миссии, например, способствует сохранению мира в других странах: *Frieden sichern auf dem Balkan oder Afghanistan.* Фрагмент данного публицистического текста выражает следующее актуальное значение: вооруженные силы ФРГ, государства, входящего в Североатлантический блок НАТО, в настоящее время не являются агрессором капиталистического мира, а выступают в роли миротворца –

германские военнослужащие стали привлекаться к участию в миротворческих операциях за рубежом.

Наличие данного пропозиционального содержания, выступающего в качестве интенционального объекта, на который направленно интенциональное состояние «вспоминать», обусловлено следующими компонентами необходимого грамматического окружения (дистрибуции) глагола ***sich erinnern***, выявляемого на этапе качественного анализа валентности соответствующего глагола:

sich erinnern2 → Sn, (pSa)

1. Sn = Substantiv im Nominativ (существительное в именительном падеже) – (*Ehemalige*) *Bundeswehrsoldaten*;

2. pSa = präpositionales Substantiv im Akkusativ (предложное существительное в винительном падеже) (предлог *an* по правилам управления глагола *sich erinnern* требует после себя часть речи в винительном падеже) – *an eine Wehrdienstzeit*

Семантический анализ валентности данного глагола выявляет следующие особенности:

1. Sn → Hum. = human – menschliches Wesen (человеческое существо): *Bundeswehrsoldaten* (*солдаты бундесвера*)

2. pSa → Act = action – Handlung (действие): *Wehrdienstzeit* (*служба в бундесвере*)

В следующем фрагменте, где важным дискурсивным событием выступает 50-летний юбилей создания вооруженных сил ФРГ, пропозициональное содержание эксплицирует историческую связь с событиями «холодной войны», когда бундесвер являлся одним из основных противников стран Варшавского договора:

An ihrem 50. Geburtstag in dieser Woche ***erinnert*** *die Bundeswehr nur noch entfernt an die Truppe, die zur Verteidigung der Bundesrepublik Deutschland gegen den Warschauer Pakt aufgestellt wurde. Klasse statt Masse: Seit der deutschen*

Einheit ging die Zahl der Soldaten drastisch zurück. Die Öffentlichkeit nimmt den Umbau zur Interventionsarmee bislang kaum wahr [Wiegold, 2005, S. 56].

Глагол ***erinnern*** (*напоминать*) выступает в качестве каузативного глагола, т.е. каузирующего наличие интенционального состояния воспоминания в сознании читателя. Нужно отметить, что глаголы, отражающие категорию каузативности, означают, что некий объект побуждают выполнять определенную деятельность, обозначенную каузативным глаголом [Die Deutsche Sprache, 1969, S. 445].

В словаре по валентности и дистрибуции немецких глаголов количественный анализ глагола ***erinnern***, показывает, что он требует, как минимум два облигаторных актанта [Helbig, Schenkel, 1978, S. 184]. На этапе качественного анализа валентности становится возможным выявить необходимые компоненты его грамматического окружения. В качестве облигаторных актантов здесь выступают существительные в именительном (Sn) и винительном (Sa) падежах:

erinnern2 → Sn, (pSa)

1. Sn = Substantiv im Nominativ (существительное в именительном падеже) – *die Bundeswehr*

2. pSa = präpositionales Substantiv im Akkusativ (существительное в винительном падеже) – *an die Truppe*

Семантический анализ указывает на то, что существительное в именительном падеже может обозначать человеческое существо (Hum. = human – menschliches Wesen), или как в данном примере, собирательное понятие, бундесвер (*die Bundeswehr*).

Употребление глагола *erinnern* способствует актуализации того факта, что в настоящее время бундесвер, благодаря сокращению численности военнослужащих, начиная с объединения Германии, едва ли, напоминает армию интервентов. В предложении, включающем данный глагол, использован прием инверсии с целью подчеркивания того факта, что именно к своему 50-летнему юбилею бундесвер кардинально изменил свою основную концепцию.

Глагол ***erinnern*** каузирует в сознании читателя интенциональное состояние воспоминания, благодаря которому осуществляется связь с прошлыми дискурсивными событиями, обуславливающими соответствующее пропозициональное содержание. Идентичную функцию выполняет этот глагол в следующем фрагменте: *Man* ***muss*** *in diesem Zusammenhang auch* ***daran erinnern****, dass es lange Jahre gerade für die Partei des Außenministers Joschka Fischer, die Grünen, aber auch für die regierenden Sozialdemokraten üblich war, einen „europäischen Sitz“ zu verlangen. Schon deshalb ist erklärungsbedürftig, weshalb sich die engagierten „Europäer“ Fischer und Schröder derzeit etwas zueigen machen, was seit langen Jahren ergebnislos verfolgt wurde* [Hofmann, 2005, S. 6].

Здесь имеет место быть модальность необходимости, а носитель данного интенционального состояния имплицирован неопределенно-личным местоимением *man.* Пропозициональное содержание, на которое направленно данное интенциональное состояние, заключено в придаточном предложении, при этом происходит, как указывает Н.Д. Арутюнова, так называемая имперсонализация модуса [Арутюнова, 1999]. Для того, чтобы отвлечь подобные глаголы от субъекта, они либо ставятся в неопределенно-личной форме, и с этой целью используется неопределенно-личное местоимение ***man***, либо вводятся модальным глаголом.

В современном немецком языке интенциональное состояние воспоминания, памяти может быть также выражено глаголом ***gedenken***. Данные толковых словарей указывают на семантические особенности этого глагола по сравнению с глаголами sich ***erinnern*** и ***erinnern***. Семантический объем глагола ***gedenken*** представлен в следующем виде [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 569]: a) *an jmdn., etw. ehrend anerkennend zurückdenken, erinnern und sich dementsprechend äußern*; b) *an jmdn., etw. in einer bestimmten Situation denken, sich an dessen Existenz erinnern*; c) *beabsichtigen, vorhaben*.

Следующий фрагмент публицистического текста иллюстрирует такое важное дискурсивное событие, как визит действующего на тот момент

канцлера Германии Герхарда Шрёдера в Москву 9 мая 2005 года. Он первым из канцлеров Германии в новейшей истории присутствовал во время военного парада в Москве на Красной площади в честь 60-летнего юбилея окончания Великой Отечественной войны и победы над фашистами: *Im Gespräch mit russischen Kriegsveteranen und Jugendlichen* ***gedenkt*** *der deutsche Kanzler der Leiden von Putins Mutter im belagerten Leningrad – um sofort auszuschließen: „Gestatten Sie mir, daran zu* ***erinnern****, dass in diesem Krieg auch mein Vater gefallen ist“* [Krumpey, Pörtner, Wiegold, 2005, S. 28].

Лексема ***erinnern*** несет здесь значение «отдавать дань памяти, чтить память». Канцлер Германии отдает дань памяти страданиям матери президента В.В. Путина в блокадном Ленинграде: ***gedenkt*** *der deutsche Kanzler der Leiden von Putins Mutter im belagerten Leningrad*. Данный фрагмент получает следующее интенциональное значение: немецкий народ в лице избранного им канцлера отдает дань памяти русскому народу, который понес несравнимо большие потери за годы Великой Отечественной войны.

Релевантным для современного публицистического дискурса в ФРГ является также интенциональное состояние надежды, которое можно выразить с помощью следующих интенциональных глаголов: ***hoffen****,* ***erwarten****,* ***erhoffen***.

Семантический объем сигнификативных значений, эксплицируемых глаголом ***hoffen***, представлен в универсальном толковом словаре DUDEN [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S.728]: a) *zuversichtlich erwarten, wünschen und damit rechnen, dass etw. eintreten od. der Wirklichkeit entsprechen wird*; b) *auf jmdn., etw. seine Hoffnung, sein Vertrauen setzen*; c) *Zuversicht, positive Erwartungen, Vertrauen in die Zukunft, in sein Geschick haben; von Hoffnung erfüllt sein; Hoffnung haben.*

Компонентный анализ лексического значения глаголов ***hoffen, erhoffen, erwarten*** позволяет выделить у этих лексических единиц категориально-лексическую сему «желать, что определенное положение дел будет соответствовать действительности». Данные словаря по валентности и дистрибуции немецких глаголов Г. Хельбига и В. Шенкеля указывают на то,

что с точки зрения количественного анализа глагол ***hoffen*** имеет как минимум два облигаторных актанта:

1. hoffen → Sn, pS, / unbest Pron / NSdaß / Inf
2. Sn → Hum (*Der Lehrer hofft auf ein baldiges Wiedersehen*)

Семантический анализ валентности глагола ***hoffen*** свидетельствует о том, что в качестве его первостепенного облигаторного актанта выступает существительное в именительном падеже или его эквивалент (личное местоимение, имя собственное), обозначающее только человеческое существо (Hum. = human – menschliches Wesen).

Проанализируем следующий пример: Warum *also soll man nicht* ***hoffen*** *dürfen, dass Papst Benedikt XVI. ein überzeugendes Oberhaupt einer zukunftsfähigen Kirche wird: „Ecclessia reformanda“ – eine Kirche, die sich treu bleibt, indem sie sich immer wieder verändert* [Thierse, 2005, S. 3].

Данный пример из публицистического текста наглядно иллюстрирует такое явление, как объективация (или имперсонализация) модуса [Арутюнова, 1999, с. 411-412], поскольку автор ставил себя в один ряд со всеми верующими, возлагающими надежду на Папу Римского – Бенедикта XVI. Чтобы «отвлечь» глагол ***hoffen*** от субъекта, он используется в неопределенно-личной форме при помощи неопределенно-личного местоимения *man*. Вольфганг Тирзе, действующий в то время член социал-демократической партии ФРГ и президент бундестага, попытался вселить надежду и каузировать данное интенциональное состояние в сознании носителей немецкого языка – читателей в отношении кандидатуры нового понтифика, который, по его мнению, станет надежным главой церкви в будущем.

Введение безличной формы глагола не разрывает связь с субъектом, и такие формы воспринимаются как выражающие соответствующее интенциональное состояние надежды со стороны автора текста. Данное явление можно наблюдать и в том случае, когда интенциональные глаголы также могут выполнять такую функцию, когда в качестве субъекта и носителя интенционального состояния выступает нация: *Deutschland sollte am Ende des*

Jahrhunderts eigentlich noch weiter ***zurückblicken****, um einzusehen, welches Europa 1945 glüchlicherweise untergegangen ist und auf welcher geistig-moralischen Grundlage ein anderes entstehen konnte. Zunächst dank einer segensreichen Tragödie. Es* ***sollte nicht vergessen werden****: Am Anfang war die Angst. Die Angst vor Stalin, durch die kommunistische Machtergreifung in Prag geschürt, hatte im Februar 1948 den Brüsseler Pakt zwischen Großbritanien, Frankreich und Beneluxstaaten entstehen lassen, der die Grundlage heutigen Westeuropäischen Union (WEU) bildet* [Grosser, 1998, S.11].

Таким образом, интенциональные глаголы вступают в качестве одного из основных языковых средств выражения интенциональных состояний в современном немецком публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса. Они включают в себя предикат, первый актант которого указывает на необходимость связи с мыслящим субъектом, обозначая тем самым определенное интенциональное состояние, а другой открывает место для пропозиционального содержания, отражающего фрагмент социальной практики как результат исторического процесса. На данное пропозициональное содержание и направлено интенциональное состояние носителя языка.

4.3.2. Валентностный потенциал отглагольных существительных

Наряду с интенциональными глаголами, другим языковым средством выражения интенциональных состояний являются их субстантивные дериваты, или так называемые абстрактные существительные: это отглагольные существительные, или девербативные номинализации. Отглагольная деривация существительных занимает значительное место в лексической системе современного немецкого языка. В трудах таких исследователей как В.Ф. Балакирев, Т.С. Глушак, Н.А. Маслова, В. Мотш, М.Д. Степанова, В. Фляйшер подчеркнута высокая продуктивность словообразовательной модели таких существительных.

Словообразовательная связь отглагольных существительных, в частности производных с суффиксом *-ung*, находит свое выражение в их потенциальной

способности передавать в опредмеченном виде процесс действия, выражаемый соответствующей глагольной основой.

В сознании носителей немецкого языка отглагольные существительные с суффиксом *-ung* зафиксированы как морфологически членимые образования и соотносятся со следующей словообразовательной моделью

Таблица 2. Словообразовательная модель отглагольных существительных с суффиксом - ung

ung – формант категориального значения лексико–грамматического класса имен существительных	
действие, процесс, **состояние**, **состояния** обозначенного производящей основой	наименование, имя действия, процесса, обозначенные глаголом
meinen, (sich) erinnern	**Meinung, Erinnerung**

Существительные с суффиксом *-ung,* как воплощение типа регулярной деривации, структурированы двумя стандартными для деривата конституантами – производящей основой и суффиксальным формантом. Представленная модель является открытой и осознается носителями языка как потенциальная возможность для образования новых производных существительных с суффиксом *-ung*, как образец регулярной деривации, т.е. конструирования новых слов с таким основным значением, как словообразовательное, или деривационное [Маслова, 1985, с. 23]. В процессе такого конструирования по модели отражается принцип соотнесения производящего глагола и производного существительного, а именно, сохранение лексического значения глагола, т.е. значение действия, процесса, состояния, при изменении только категориальной характеристики слова. Таким способом изначально признанное, несубстанциональное лексическое значение преобразуется в предметное, субстанциональное значение – с

соответствующими последствиями для синтаксического функционирования слов, являющихся продуктами номинализации (субстантивации).

Согласно классификации основных словообразовательных моделей современного немецкого языка, предложенной М.Д. Степановой и И.И. Чернышевой, эта модель может быть также представлена следующим образом [Степанова, Чернышева, 2003, с. 102-103].

Таблица 3. Модель образования отглагольного существительного с суффиксом *-ung*

$M_6 : L_2 = L_1 + DS$
M_6 – обозначение модели и ее порядковый номер в классификации авторов
L_2 – вторичная, производная основа (основа слова, подлежащего анализу)
L_1 – первичная, производящая основа или база (основа, входящая в состав производной основы)
DS – словообразовательный (лексический) суффикс.

Прозрачная мотивированность глаголом является характерной для дериватов с суффиксом *-ung*. Она возникает благодаря потенциальной готовности глагольных основ модифицироваться, а именно номинализироваться посредством данного форманта.

Несмотря на то, что эта словообразовательная потенция носит общеглагольный характер, ее реализация связана с некоторыми ограничениями. В качестве ограничивающего фактора могут выступать семантические свойства самой глагольной основы, т.е. то обстоятельство, что, например, глаголы действия более предрасположены к созданию имен действия, чем глаголы состояния и собственно процесса (они предстают преимущественно как субстантивированный инфинитив) [Глушак, Балакирев, 1980, с. 17].

Имена с суффиксом *-ung* семантически двуслойны. В их формировании принимают участие такие части речи, как глагол и существительное. Глаголу принадлежит основа, которая воплощает процессуальность, а в рамках существительного создается производная, воплощающая предметность.

Внутреннее расслоение в данном едином семантическом классе происходит в силу того, что значение «предметность» может становиться со временем доминирующим и нейтрализовать «процессуальность». Девербативы с суффиксом *-ung* обладают высокой синтагматической активностью в языке, поскольку возможности сочетаемости этих, как и других лексических единиц, предопределяется их семантической структурой, так как в варьировании синтаксических возможностей получают отражение семантические различия.

Подобно глаголам, отглагольные имена несут в себе интенцию (коммуникативное намерение), содержат имплицитную (свернутую) предикативность, чем и предопределяется их способность развертываться в контекстных условиях, трансформироваться в предложения. Валентность абстрактных девербативов предопределяется валентностью мотивировавших их глаголов, т. е. она оказывается, как бы генетически запрограммированным феноменом, хотя преобразование глагольной валентности в именную и сопровождается переосмыслением связей [Глушак, Балакирев, 1980, с. 19-20].

Явление содержания имплицитной свернутой предикативности в значительной степени предопределяет прагматический потенциал отглагольных существительных, а именно они могут выражать не единичные понятия, а выступать как заместители целых высказываний, ситуаций, событий [Арутюнова, 1971, с. 65]. Наличие в составе предложения таких слов с имплицитной предикативностью является важной предпосылкой формирования полипредикативного высказывания как отражения усложненной ситуации. В таком высказывании существуют как минимум две предикативные линии: главная, сказуемая, и дополнительная, предикативная линия, которая организуется девербативом с суффиксом *-ung.* Девербатив здесь несет функцию главного члена второй, номинализованной (зависимой) предикации [Адамец, 1973, с. 40].

Анализ синтагматического поведения, а точнее, формирования синтагматического значения отглагольных имен с суффиксом *-ung* обязательно должен опираться на понятие валентности. Валентность, в свою очередь,

является индикатором необходимого или возможного окружения слова, и тем самым, предусматривает контекстуальные связи слова, контекстуальные отношения между различными частями речи в предложении на семантическом и синтаксическом уровне.

Интенциональное состояние воспоминания, памяти может быть выражено в субстантивной лексике немецкого языка отглагольными существительными с суффиксом *-ung* и субстантивированными инфинитивами, образованными от следующих интенциональных глаголов: (***sich*) *erinnern – das Erinnern – die Erinnerung*; *gedenken – das Gedenken***.

Исследование актуализации интенционального состояния воспоминания, памяти в языковом сознании носителей немецкого языка играет кардинально важную роль с точки зрения интенционального подхода к исследованию данной проблематики в рамках дискурсивной парадигмы. Очевидно, что анализируемые в работе дискурсивные события, отраженные в свою очередь в публицистических текстах, имеют социально-историческую связь с прошлым, и, тем самым, восходят к этапам исторического развития Германии еще до падения Берлинской стены в 1989 году и объединения страны в октябре 1990 года. Что же такое воспоминание, память (*die Erinnerung*) в сознании носителей немецкого языка? Обратимся к данным толковых словарей: ***die Erinnerung – das Erinnern***, *Mahnung*; *das Sicherinnern*, *bewusstes Wiederhervorbringen, von Vergangenem, Gelerntem, Erlebtem durch das Gedächtnis*; *Gedenken*; *Andenken*, *Bild, das man im Gedächtnis trägt* [WAHRIG, 1997, S. 437].

Семантический объем отглагольного существительного ***die Erinnerung*** представлен в следующем виде [Duden Deutsches Universalwörterbuch 1989, S. 451]: 1. a) *Fähigkeit, sich an etw. zu erinnern*; b) *Besitz aller bisher aufgenommenen Eindrücke; Gedächtnis*; 2. *Eindruck, an den man sich erinnert; wieder lebendig werdendes Erlebnis*; a) *Andenken, Gedenken.*

Семантической доминантой сигнификативного значения данных лексем является сознательное воспроизведение предметов и положений дел объективной действительности, имеющих отношение к прошлому.

В следующем примере речь идет о мемориале в Берлине, установленном в память о евреях-жертвах нацизма. Мемориал расположен в центре Берлина между Бранденбургскими воротами и элементами бункера бывшего руководства нацистской Германии и представляет собой огромное поле из более чем 2700 серых плит: *Es ist eine Gedächtnislandschaft, die verstört, eine Abstraktion des Grauens, die sich mit Worten ohnehin nie fassen lässt. Über die Details gab es Diskussionen. Einig ist man sich in dem entscheidenden Punkt:* ***Die Erinnerung*** *an das dunkelste Kapitel der deutschen Geschichte soll wachgehalten und Wissen darüber vermittelt werden. Mitten in Berlin. Im Herzen der deutschen Hauptstadt* [Schayan, 2005, S. 12-13].

Дистрибуция отглагольного существительного *die Erinnerung* наглядно показывает, что этот синтаксический дериват полностью мотивирован производящим глаголом. Девербатив *die Erinnerung* образован не от возвратного глагола *sich erinnern* (*помнить, вспоминать*), а от инфинитива глагола *erinnern*, имеющего сигнификативное значение «напоминать». Данные словаря валентности и дистрибуции существительных немецкого языка [Sommerfeldt, Schreiber, 1980] позволяют представить дистрибуцию данного отглагольного существительного ***Erinnerung***:

Erinnerung → pS (an)

S→Abstr.

В качестве облигаторного актанта выступает пропозициональный субстантив, выраженный отвлеченным понятием *das Kapitel der deutschen Geschichte*, обозначающим интенциональный предмет, на который направлено соответствующее интенциональное содержание. Предлог *an* изначально задан управлением мотивирующего глагола ***erinnern***. Синтаксическая конструкция данного предложения свидетельствует о том, что это отглагольное существительное обозначает часть подлежащего, стоящего в свою очередь, в страдательном залоге. В качестве инфинитива, зависящего от модального глагола (в данном случае глагол *sollen*, категорично выражающий модальность необходимости), выступает инфинитив пассив *gehalten werden*, состоящий из

формы партицип II полнозначного глагола halten и вспомогательного глагола *werden* в форме инфинитива.

Модальность необходимости производит определенный прагматический эффект, т.е. здесь имплицировано обращение к гражданам ФРГ, что они должны сохранить память о самой мрачной главе истории Германии. Актуальным значением лексемы ***die Erinnerung*** в данном фрагменте дискурса будет значение «память». Автором эксплицируется не только интенциональное состояние воспоминания памяти, но и субъективная оценка.

Учитывая значение последующих предложений в рамках данного сверхфразового единства: *Mitten in Berlin* и *Im Herzen der deutschen Hauptstadt*, можно заключить, что данный фрагмент дискурса получает интенциональное значение «память» о преступлениях нацистов». Экстралингвистические знания, транслируемые общественным дискурсом через публицистический текст, являются причиной того, что, вопреки теории словообразовательного значения таких отглагольных существительных, значение «предметность» не становится доминирующим и не нейтрализует в данной лексеме значение «процессуальность».

В статье «Восстание против Гитлера» речь идет о героическом подвиге графа фон Штауффенберга. полковника вермахта, одного из основных участников группы заговорщиков, спланировавших и осуществивших покушение на жизнь Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Он стал одной из первых жертв репрессий гестапо и СС, последующих за этим событием. В современной Германии 20 июля объявлено днём траура по казнённым и ежегодно сопровождается проведением торжественных мероприятий. На месте казни графа фон Штауффенберга и его товарищей проводится торжественное принятие присяги военнослужащими: *Er und seine Freunde glaubten an ein anderes Deutschland. Deshalb ist* ***die Erinnerung*** *an den Widerstand wichtig. Denn den Opfern nationalsozialistischer Herrschaft wurde bewusst, dass es ein anderes Deutschland gab, das andere Werte verkörperte als die von den Nationalsozialisten*

proklamierten. So gesehen, war das Scheitern des Anschlags historisch folgenreich und keineswegs erfolglos [Steinbach, 2004, S.20-21].

Лексема ***die Erinnerung*** также актуализирует парадигматическое структурное значение «память» и получает дополнительные оценочные компоненты лексического значения. Автором дана эпистемическая оценка по шкале важно/ неважно в отношении вербализованного интенционального состояния памяти: *Deshalb ist* ***die Erinnerung*** *an den Widerstand wichtig.* Содержание последующих предложений в рамках этого сверхфразового единства поясняет, почему важно помнить о подвиге этого офицера и о сопротивлении в целом.

Продуктивным видом образования отглагольных существительных является так называемая субстантивация глаголов, точнее их инфинитивов, как один из видов конверсии, или словообразования путем модификации парадигмы словоизменения, не затрагивающего основу слова и ведущего к переходу слова в другую часть речи по сравнению с производным. Конверсия, представляя собой особый случай имплицитной деривации, исключительно продуктивна в сфере отглагольной деривации существительных. В основе её лежат как простые инфинитивные формы (*Leiden, Tun, Wollen*), так и префиксальные глаголы (*Bestehen, Abfischen*), композиты (*Auseinanderfallen, Sitzenbleiben*) словосочетания (*Zuspätkommen*) предложения (*Vergißmeinnicht*) [Степанова, Фляйшер, 1984, с. 131].

Основные разногласия в отношении определения лингвистического статуса субстантивированного инфинитива касаются того, что некоторые исследователи рассматривают данные лексические единицы в качестве эксплицитных дериватов, а -(*e) n* в этом случае как именной суффикс, подобно -*ung* и др, а не как формант инфинитива [Motsch, 1999, S. 321, 326], но названная модель отличается от остальных глагольных моделей номинализации употреблением возвратного местоимения *sich* [Степанова, Фляйшер, 1984, с. 132]. В то время как у остальных отглагольных субстантивных типов возвратное местоимение *sich* рефлексивного глагола элиминируется (*sich*

erinnern – die Erinnerung), при конверсии оно нередко входит в состав образованного отглагольного существительного: ***sich wünschen – die Art des Sich-Wünschens***.

Субстантивированные инфинитивы, как отглагольные существительные только среднего рода, употребляются исключительно в единственном числе [Hentschel, Weydt, 1994, S.128]. В области перехода от глагола к существительному, субстантивированный инфинитив стоит значительно ближе к глаголу, чем, например, отглагольные существительные с суффиксом *-ung,* и тем самым, представляет процесс незавершенный, возможно даже постоянно повторяющийся: *Eine erst nach 1989/90 so möglich werdende Öffnung des Blicks nach Osten holt ältere geographische Muster* ***ins historische Denken*** *zurück, die Faszination durch den osteuropäisch-eurasischen Raum taucht wieder auf, manchmal mit leicht mythisierenden Obertönen* [Kocka, 1999, S. 8].

Отглагольные существительные с суффиксом *-ung*, напротив, причастны к оппозиции единственного и множественного числа: *Nach der Abwahl der Regierung Kohl im September 1998 knüpften sich an die neue rot-grüne Bundesregierung hohe* ***Erwartungen****: Steuersenkungen, um die lange gerungen wurde, standen an, eine grundlegende Reform des kostspieligen Sozialsystems, eine dauerhafte Senkung der Staatsausgaben und – um die drohende Handlungsunfähigkeit des Staates abzuwenden – eine drastische Verminderung der Neuverschuldung* [Marshal, 2000, S. 6].

Или: *Positiv sei aus deutscher Sicht zudem, dass in einer neuen Regierungskonferenz ab 2004 die Kompetenzen zwischen der Europäischen Union und den Mitgliedstaaten abgegrenzt würden. Allerdings, räumte Schröder ein, seien in Nizza nicht alle* ***Hoffnungen*** *erfüllt werden* [Janning, 2001, S. 19].

Потенциальная способность данных отглагольных существительных к образованию множественного числа и тенденция к развитию у них собственно предметных значений объясняется следующим образом. Словообразовательными значениями этого вида существительных могут быть

как протекающие «процессы», так и акты в их завершенности, т.е. такие словообразовательные значения, как «результат действия», «состояние» [Степанова, Фляйшер 1984, с. 127].

Модели словообразования отглагольных существительных с суффиксами *-en* **и** *-ung* являются продуктивными в лексической системе современного немецкого языка. При этом отношения между отглагольным существительным с суффиксом *-ung* и субстантивированным инфинитивом, как представителями таких словообразовательных моделей, являются не вполне равноправными. Субстантивация глагола в форме инфинитива как разновидность конверсии, в отличие от отглагольных существительных на *-ung,* не ограничена какими-либо видами глагола. В то время как с помощью суффикса *-en* можно любой глагол трансформировать в имя (существительное), образования с суффиксом ***-ung*** возможны не со всеми глаголами: *erinnern; das Erinnern, die Erinnerung; gedenken; das Gedenken*, но не *Gedenkung; vermuten; das Vermuten, die Vermutung; denken; das Denken,* но не *Denkung.*

Субстантивированные инфинитивы занимают особое место среди отглагольных существительных. При образовании таких лексических единиц речь идет о так называемой «перекатегоризации» (*Umkategorisierung*). Такие существительные, как, например, *das Erziehen, die Erziehung*, рассматриваются в качестве «чистых» номинализаций (*reine Nominalisierungen = nomina actions*), здесь изменяется только синтаксическая категория, а семантическая репрезентация глагола сохраняется [Motsch, 1999, S. 320-321]. Идея «чистой» номинализации по В. Мочу способствует формированию мысли о таком подразделении лексического и грамматического в продукте «чистой» номинализации способом субстантивации инфинитива, при котором утверждается тождество лексического значения глагола и субстантивированного инфинитива («нового», особого слова) при различии общекатегориальных и, разумеется, частных грамматических значений, сопоставляемых образований [Павлов, 2001, с. 12].

В отличие от субстантивированного инфинитива, отглагольные существительные с суффиксом *-ung*, обладают более массовой

лексикализацией: в лексикографических источниках зафиксировано значительное меньшее количество субстантивированных инфинитивов по сравнению с теми, которые встречаются в текстах и в речи. Это свидетельствует о более глубоком противоречии между глагольной и субстантивной сторонами комплекса свойств субстантивированного инфинитива [Павлов, 2001, с. 14].

В статье Жанет Шайян «Память – база для будущего Европы» отражено важное дискурсивное событие – визит федерального канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера в Польшу, где он вместе с премьер-министром Польши Бузеком возложил венки к мемориалу на кладбище Пальмиры. На этом кладбище похоронено свыше 2000 польских граждан, бывших в свое время духовной элитой страны, и расстрелянных нацистами в период 1939-1941 гг.: *Auf der einen Seite* ***das Erinnern*** *an die Gräuel, die das nationalsozialistische Deutschland seinen Nachbarn während des Zweiten Weltkrieges angetan hat. Auf der anderen das freundschaftliche Miteinander, das sich seit dem Niedergang des Kommunismus in Europa entwickelt hat. Die beiden Szenen füllen zugleich einen Satz mit Leben, den Schröder in seiner Ansprache am Abend sagte: „****Erinnern*** *ist die Basis, um miteinander Zukunft gewinnen zu können – und die heißt Europa“. Die polnische Presse würdigte Schröders Besuch in Palmiry und* ***das Gedenken*** *an die polnischen Opfer des Nazi-Terrors denn auch als Beweis dafür, dass auch die neue Generation deutscher Politiker, die den Krieg nicht unmittelbar erlebt hat, sich der Geschichte nicht entzieht. Sie wertete Schröders Geste in Palmiry in Anlehnung an den Kniefall Willy Brands vor dem Ehrenmal des Warschauer Ghettos 1970 als „Ergänzung und Zusammenfassung der historischen Gesten seiner Vorgänger“, er habe damit „symbolisch eine gewisse Lücke in dem gemeinsamen Gedächtnis gefüllt*“ [Schayan, 1999, S. 26]. Интенциональное состояние «воспоминание, память» выражено субстантивированными инфинитивами ***das Erinnern*** и ***das Gedenken***. В первом случае субстантивированный инфинитив ***das Erinnern*** несет грамматическое значение «процессуальность», т.е. протекающий процесс как память соседних народов Германии и Польши о зверствах, учиненных нацистскими

преступникам во время Второй мировой войны. В границах данного сверхфразового единства этот субстантивированный инфинитив потенциально может выражать акт завершенности этого процесса воспоминания, т.е. получать дополнительно грамматическое значение «состояния», как своеобразный ментальный ретроспективный взгляд в прошлое. Во втором случае, отглагольному существительному в форме субстантивированного инфинитива ***das Erinnern*** придается грамматическое значение процессуальности (периодичности, повторяемости), свойственное глаголу (***sich***) ***erinnern*** как части речи. Именно этим фактом и обусловлено употребление субстантивированного инфинитива в данном фрагменте дискурса, в отличие от отглагольного существительного ***die Erinnerung***, которое в этом случае отражало бы сам факт наличия интенционального состояния памяти, воспоминания в сознании носителя языка. Во втором отрывке интенциональное состояние выражено с помощью субстантивированного инфинитива ***das Gedenken***. В отличие от отглагольного существительного ***das Erinnern***, которое также обозначает интенциональное состояние памяти, воспоминания, данная лексема получает дополнительное эмотивное значение посредством положительной коннотации, а именно значение «память – почитание». Сигнификативное значение глагола ***gedenken*** представлено следующим образом: *an jmdn., etw. ehrend, anerkennend zurückdenken, erinnern und sich dementsprechend äußern* [Duden Deutsches Universalwörterbuch, 1989, S. 569]. Выражаемое Герхардом Шредером почитание памяти жертв нацистского режим эксплицировало другое интенциональное состояние воспоминания, а именно, воспоминание о жесте канцлера Вилли Брандта, вставшем на колени перед мемориалом в бывшем варшавском гетто в 1970 году. Данный публицистический текст как фрагмент дискурса имеет интенциональное значение «память – почитание (покаяние)» как память исторического прошлого немецкого народа, и получает интенциональное значение «память как покаяние», благодаря которому немецкий народ помнит (постоянно вспоминает) о преступном нацистском

прошлом Третьего рейха, но в то же время через это покаяние (возложение венков и пр.) и добрососедские отношения с соседними странами, намерен строить будущее Европы. Данное интенциональное значение раскрывает важные дискурсивные связи с другими значимыми историческими, и соответственно дискурсивными событиями. В приведенном примере данная лексема в рамках дискурса выражает интенциональное состояние памяти, воспоминания, которое с одной стороны направлено в прошлое, но в то же время имеет определенный вектор направленности в будущее. Данный пример наглядно иллюстрирует идею Э. Гуссерля о так называемой «внутренней временности» (*innere Zeitlichkeit*), которая является универсальной формой существования интенциональных переживаний, и как подчеркивает Э. Гуссерль, «означает не только то всеобщее, что относится к любому отдельному переживанию, но и необходимую форму, связывающую одно переживание с другими» [Гуссерль, 1996, с. 20]. Такая форма внутренней временности позволяет интенциональным состояниям, выраженным в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса, указывать на некоторую социально-историческую связь интенциональных состояний во времени и формировать сложные структуры таких интенциональных переживаний, а также вскрывать онтологическую взаимосвязь между субъектом и объектом, социальной практикой и предметной действительностью в рамках дискурсивной парадигмы. Наличие такого атрибута интенциональных переживаний (состояний), как внутренняя временность, свидетельствует, прежде всего, о том, что только человек разумный (homo sapiens) способен придавать (приписывать) значение, в особенности интенциональное, предметам и положениям дел объективной действительности не только в настоящем, но в прошлом и будущем. Таким образом, особенность данных существительных, представляющих субстантивацию глагола в форме инфинитива, заключается в том, что эти языковые единицы, несмотря на переход слова в другую часть речи при таком словообразовании, перенимают от глагола и сохраняют за собой статус глагольно-процессуальной лексемы.

Итак, особенность употребления отглагольных существительных с суффиксом -ung при вербализации ими интенциональных состояний заключается в том, что в силу своей мотивированности глаголом, они могут выражать не только грамматическое значение предметности, но и процессуальности. Отглагольные существительные, являющиеся субстантивными дериватами интенциональных глаголов, не только маркируют интенциональное состояние в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса, но и в рамках социально-исторического контекста, отраженного в публицистических текстах, получают дополнительные значения. Интенциональное значение, которое получает публицистический текст в качестве определенного фрагмента дискурса, формируется не только автором текста, который является индивидуумом данного социума, носителем сознания данной языковой общности, но и всей социальной практикой, отраженной в таких текстах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческая память является одной из базовых понятийных категорий языковой общности (термин Л.Вайсгербера) в Германии, которая может быть вербализована средствами современного немецкого языка в различных дискурсах. Художественный и публицистический дискурсы, на наш взгляд, являются наиболее релевантными для настоящего исследования, поскольку фрагменты этих дискурсов в виде художественных произведений и статей в популярных журналах Германии охватывают ниболее широкий круг читателей, которые могут быть носителями такого интенционального состояния как «историческая память», а также реципиентами текстового корпуса, языковые средства которого служат важным инструментом вербализации исторической памяти и трансляции соответствующих знаний от поколения к поколению.

С точки зрения презентации широкого спектра языковых средств современного немецкого языка для вербализации исторической памяти в работе рассматриваются модальные слова, фразеологизмы, усточивые грамматические конструкции, транспозции видовременных форм глагола, интенциональные глаголы, отглагольные существительные с суффиксом -ung и субстантивированные инфинитивы и др. В фокусе исследуемой проблематики и исходя из того, насколько точно эти языковые сресдтва маркируют релевантные дискурсивные события в контексте исторической памяти и реализуют свой валетностный потенциал, были такие выбраны такие основные морфологические классы слов, как глаголы и существительные.

В представленной монографии рассматриваются попытки ученых описать валентностные свойства морфологических классов слов в коммуникативном аспекте, в результате чего выделяется особый вид валентности – контекстуальная валентность, базирующаяся на коммуникативно-обусловленном употреблении актантов в предложении. В ходе исследования определяется особый вид контекстуально-облигаторных актантов в ориентации на интенциональную направленность высказывания. В связи с коммуникативной направленностью рассмотрения валентностных

характеристик глаголов и имен существительных выявлен новый уровень валентности – коммуникативный.

В настоящем исследовании подвергается сомнению положение традиционной теории валентности, касающейся облигаторности, то есть валентно-связанного характера обстоятельств, функционирующих в рамках предложения как зависимые от глагола актанты. Прежде всего, проанализирована синтаксическая облигаторность обстоятельств, вследствие чего раскрыта их синтаксическая значимость для сохранения грамматической корректности высказывания. Рассмотрено несколько видов обязательных обстоятельств и сделан вывод о валентно-связанном характере данных членов предложения, которые зачастую рассматриваются учеными только как свободные распространители, которые могут свободно элиминироваться и и добавляться в предложении. Фактический материал художественного дискуроа позволил рассматривать их в качестве облигаторных актантов.

Семантическая необходимость актантов глагола в предложении рассмотрена в ориентации на семантическую обусловленность употребления обстоятельств, способных, благодаря своей понятийной актуальности, сохранять смысловую компоненту высказывания и не допускать случаев, когда предложение становится асемантичным. С использованием теста на элиминирование, предпринимается попытка определить, какие компоненты предложения, в частности, какие из обстоятельств, являются семантически облигаторными для сохранения семантики всего предложения. Фактический материал позволил разделять семантически облигаторные актанты на две группы: а) абсолютно семантически облигаторные, отсутствие которых в предложении приводит к полному изменению его семантики, либо оно становится асемантичным; б) частично семантически облигаторные, также влияющие на изменение смыслового фона предложения, но не допускающие его десемантизации. Вследствие этого было установлено, что обстоятельства могут обладать смыслообразующей значимостью, помогающей сохранить семантическую целостность предложения.

Анализ фактического материала позволил выделить особую группу «необходимых» (обязательных) актантов глагола, которые получают свои облигаторные компоненты в речевом пространстве. Это группа коммуникативно-облигаторных актантов, реализующих свой валентно-связанный характер в процессе коммуникации. Для выявления подобных актантов в исследовании предлагается исходить из коммуникативного намерения говорящего. При этом четко определяются две группы коммуникативно обусловленных актантов: а) абсолютно коммуникативно-облигаторные, проявляющиеся в том случае, когода вследствие элиминирования актанта глагола полностью нарушается коммуникативное намерение говоряего, что приводит к нарушению понимания и восприятия его адресатом; б) частично коммуникативно-облигаторные актанты, которые представляют собой случаи частичной реализации интенции, что с одной стороны не приводит к нарушению понимания интенциональной направленности, но с другой приводит в конечном счете к тому, что отсутствие обстоятельства вызывает нарушение адекватного восприятия коммуникативного намерения. Для обозначения данного явления в исследовании предлагается рассматривать подобные случаи как пример «коммуникативной трансверсии».

При рассмотрении валентностных свойств существительного обнаружился ряд спорных моментов. Валентностные свойства существительные получают, согласно традиционной трактовке теории валентности, только будучи образованными от глагола или прилагательного. При этом облигаторные и факультативные актанты глагола при субстантивации становятся только факультативными. Однако фактический материал позволяет выделить облигаторные актанты существительного на синтаксическом, семантическом и коммуникативном уровнях. При этом выяснилось, что валентностными свойствами могут обладать не только отглагольные и отадъективные, но и собственно имена существительные.

Синтаксическая облигаторность актантов существительного подтверждается тем, что в исследовании выявляются группы данного морфологического класса, которые требуют наличия в предложении актантов, способных влиять на его грамматическую сторону. Такие существительные как: а) обозначающие количественный фактор; б) несущие в себе качественную характеристику; в) обозначающие определенный промежуток времени, могут открывать синтаксические открытые позиции, заполняемые в предложении соответствующими определениями. Семантическая облигаторность актантов имен существительных определяется в работе тем же методом, что и семантическая необходимость актантов глагола. За основу берется семантическая значимость компонентов высказывания, отсутствие которых может привести к десемантизации всего предложения. С этой точки зрения актанты показывают свою смысловую значимость для сохранения содержания высказывания. При этом следует подчеркнуть, что определения, облигаторность которых рассматривается на всех уровнях валентности, позволяют говорить об их уникальном и весьма сложном валентностном статусе.

Коммуникативная облигаторность актантов имен существительных определяется так же, как и у глаголов в зависимости от реализации/нереализации интенции говорящего. С использованием теста на элиминирование, в работе предпринята попытка описать коммуникативный минимум предложения-высказывания. При этом учитывается любое изменение коммуникативного намерения, что позволяет выделить частично и полностью коммуникативно-облигаторные актанты, а характер этих изменений позволяет говорить о коммуникативной трансверсии.

Очевидно, что проблема контекстуальной валентности и коммуникативной облигаторности актантов не может быть полностью решена только в рамках настоящего исследования. Перспективным представляется более глубокое изучение данной проблемы, в первую очередь, в текстах с различной степенью метафоризации языковых единиц. Достоверные

результаты могут обеспечить сопоставительный анализ (в рамках одной группы языков, например, германских), а также контрастивный анализ (в разных языках). Интересные и значимые для дальнейших исследований результаты могут быть получены при детальном рассмотрении способов реализации контекстуальной валентности у различных, в том числе – синсемантических морфологических классов слов.

В рамках анализа валентностного потенциала основных морфологических классов при вербализации понятийной категории исторической памяти в публицистическом дискурсе авторы опирались на теоретические постулаты концепции «внутренней формы» языка (В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер) и положения немецкой школы дискурс-анализа (З. Егер и др.). С точки зрения анализа валетностного потенциала основных морфологических класов слов были исследованы интенциональные глаголы, актуализирующие такие значения, как «помнить», «вспоминать», «напоминать», «чтить, почитать». а также субстанивированные инфинитивы и отглагольные существительные с суффиксом -ung.

Как показал комплексный валентностный анализ этих глаголов (количественный, качественый, семантический) на основе интенционального подхода, их облигаторные актанты всегда указывают на интенциональный субъект, т.е. носителя языка, средствами которого вербализуется понятийная категория «историческая память», а в качестве факультативных актантов выступают различные пропозициональные содержания, актуализируемого определенным дискурсивным событием онтологически коррелируемым с интенциональным объектом. Также были выявлены случаи, когда в качестве облигаторного актанта выступает также дополнение, обусловленное управлением глагола и указывающее на пропозициональное содержание. Пропозициональное содержание, в качестве необходимого условия наличия интенциональных состояний личности, актуализируется дискурсивными событиями, отражающими фрагмент социальной практики языковой общности на определенном этапе ее исторического развития. Дискурсивные события

маркируются в тексте лексическими единицами, значения которых имеют внешнеязыковую соотнесенность.

Особое внимание было уделено уникальным случаям, а именно употреблению каузативных глаголов, актуализирующих интенциональное состояние «историческая память», при котором интенциональный субъект имплицирован неопределенно-личным местоимением, что обусловливает имперсонализация модуса. Что касается отглагольных существительных с суффиксом -ung и субстантивированных инфинитивов, то при вербализации категории исторической памяти они чаще всего эксплцируют интенциональное состояние не какого-то отдельно взятого представителя языковоой общности, а всей нации. Здесь в качестве облигаторного актанта, главным образом, выступает пропозициональный субстантив, выраженный отвлеченным понятием. Потенциал таких отглагольных существительных в значительной степени детерминирован или предопределен содержанием имплицитной свернутой предикативности.

Текст как фрагмент дискурса, являясь особым способом материализации социальных запасов знаний, выступает в качестве глобального языкового знака, получающего на определенном этапе исторического развития языковой общности актуальное в данный момент интенциональное значение исторической памяти. Более того, в тексте может быть вербализовано не только определенное интенциональное состояние автора как представителя данного социума и носителя языка, но интенциональное состояние «историческая память» целой нации как базовая понятийная категория.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов, Б.А. Грамматика зависимостей и теория валентности / Б.А. Абрамов // Современные зарубежные грамматические теории. – М., 1985.
2. Абрамов, Б.А. Немецкий глагол (время, наклонение, валентность). Учебное пособие / Б.А. Абрамов. – Ростов-на-Дону, 1986.
3. Абрамов, Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка / Б.А. Абрамов. – М., 2001.
4. Аверина, А.В. Валентность модальных слов и частиц в немецком языке / А.В. Аверина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – №2.
5. Адамец, П.О. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных / П.О. Адамец // Филологические науки. – 1973. – №4.
6. Адмони, В.Г. Синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – Л., 1973.
7. Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – СПб., 1994.
8. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованых текстов) / Е.Е. Анисимова. – М., 2003.
9. Арош, К., Анри, П., Пешё, М. Семантика и переворот, произведенный Соссюром: язык, речевая деятельность, дискурс / К. Арош, П. Анри, М. Пешё // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.,1999.
10. Арутюнова, Н.Д. О номинативном аспекте предложения / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1971. – №6.
11. Арутюнова, Н.Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ

языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. – М., 1989.
12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999.
13. Ассманн, А. Культура памяти / А. Ассманн // Deutschland. – 2015. – №1.
14. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.,1966.
15. Ахманова, О.С., Магидова, И.М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвитиска и лингвистическая прагматика / О.С. Ахманова, И.М. Магидова // Вопросы языкознания. – 1978. – №3.
16. Баклушин, А.В. Аналитичность и флективность в системе и тексте (на материале современного немецкого языка) / А.В. Баклушин. – Иркутск, 1989.
17. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами). Том 1. Немецко-русский словарь лингвистических терминов / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М., 1993.
18. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов (с английскими эквивалентами). Том 2. Русско-немецкий словарь лингвистических терминов / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М., 1993.
19. Барбашов, В.П. Цель как прагматическая категория / В. П. Барбашов // Современное лингвистическое образование: Мир изучаемого языка: материалы межвуз. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 15 сентября 1999 г.: в 2 ч. – Барнаул, 2000. – Ч.1.
20. Барбашов, В.П. Концепт интенций как ядро формирования прагматической категории цели / В. П. Барбашов // Мир языка и межкультурная коммуникация: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 16-17 мая 2001 г.: в 2 ч. – Барнаул, 2001. – Ч.1.
21. Барбашов, В.П. О роли интенционального концепта в интерпретации прагматического контекста / В. П. Барбашов // Единство системного и

функционального анализа языковых единиц: сб. науч. тр. – Белгород, 2001. – Вып. 5.

22. Барбашов, В.П. Функциональная значимость дискурсной категории цели / В. П. Барбашов // Язык. Культура. Коммуникация: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию факультета ин. языков. – г. Барнаул, 19-20 сентября 2002 г.: в 2 ч. – Барнаул 2002. – Ч.1.
23. Барбашов, В.П. К вопросу о понятийной категории цели / В. П. Барбашов // Материалы конференции молодых ученых, посвящ. 70-летию БГПУ: в 2 ч. – Барнаул, 2003. – Ч.1.
24. Барбашов В.П. Интенциональное значение «свастики» как отражение коллективной интенциональности в креолизованых текстах / В.П. Барбашов // Филология и человек. - №4. – 2014. – Барнаул, 2014.
25. Барбашов, В.П. Использование лингвокогнитивного анализа интенции высказывания на занятиях по иностранному языку (на материале художественных произведений детективного жанра / В. П. Барбашов // Вестник Барнаульского юридического института. – Барнаул, 2004. – Вып. 7. – С. 145-147.
26. Барбашов, В.П. Историческая память Германии и России в междисциплинарных научных исследованиях: интенциональный подход (к 20-летию Алтайского филиала РАНХиГС): монография / В.П. Барбашов. – Барнаул, 2021.
27. Барбашов, В.П. К вопросу о структуре интенции высказывания в конфликтогенном дискурсе (на материале произведений Х.Г. Конзалика / В. П. Барбашов // Юрислингвистика-6: язык, право и СМИ. – Барнаул, 2005.
28. Барбашов, В.П. К вопросу о понятии «интенциональность» / В.П. Барбашов // Российский лингвистический ежегодник. – Красноярск, 2006. – Вып. 1(8).
29. Барбашов, В. П. Трансформация семантического компонента в процессе деривационно-дискурсивного преобразования интенции (на материале

немецкой прозы второй половины 20 века) / В. П. Барбашов // Актуальные проблемы современного словообразования: тр. междунар. науч. конф., г. Кемерово, 1-3 июля 2005 г. – Томск, 2006.

30. Барбашов, В.П. Немецкая интенциональность Алтая (на материале еженедельника Немецкого национального района «Zeitung für Dich») / В. П. Барбашов // Алтайский текст в русской культуре: материалы третьей регион. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2006. – Вып. 3.
31. Барбашов, В.П. Интенционально-дискурсивный анализ немецкоязычных публицистических текстов на занятиях по иностранному языку / В. П. Барбашов // Вестник Барнаульского юридического института. – Барнаул, 2006. – Вып. 11.
32. Барбашов В.П. Интенциональное состояние в современном немецком публицистическом тексте через призму языковых средств выражения интенциональности / В. П. Барбашов // Омский научный вестник. – Омск, 2006. – № 8(44).
33. Барбашов, В.П. Интенциональное значение свастики как отражение коллективной интенциональности в креолизованых текстах / В.П. Барбашов // Филология и человек. – 2014. – № 4.
34. Барбашов В.П. Тика о власти символа и символа власти (предостережения В.П. Барбашова) / В.П. Барбашов // A-Real Linguistics: Комментарий к текущей действительности: коллективная монография. / под ред. Н.В. Халиной. – Барнаул, 2014.
35. Барбашов В.П., Станиславский Д.Н. Лингвофилософский аспект вербализации исторической памяти немцев в современном медиа-дискурсе ФРГ на рубеже XX-XXI вв. / В.П. Барбашов, Д.Н. Станиславский // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №1(68).
36. Барбашов, В.П., Станиславский, Д.Н. Учения В. Фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера как основа фундаментального осмысления соотношения интенционального состояния и «внутренней формы» языка / В.П.

Барбашов, Д.Н. Станиславский // Образ жизни современного человека: культура, традиции, технологии: сборник статей. Вып.1. – Барнаул, 2018.

37. Барбашов, В.П., Станиславский, Д.Н. Kollektive Intentionalität in Übersetzungen der Russischen Dichter von Karl Dedecius / В.П. Барбашов, Д.Н. Станиславский // Образ жизни современного человека: культура, традиции, технологии. – Вып. 2. – Барнаул, 2019.
38. Барбашов В.П., Шерматова С.Н. Дискурс-анализ актуализации творческого наследия Чингиза Айтматова за рубежом как важный аспект обеспечения онтологической безопасности в контексте исторической памяти // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Алтайский филиал РАНХиГС. – 2022. – Вып. 21. – С.110-113.
39. Басималиева, М.К. О понятиях «текст» и «дискурс» / М.К. Басималиева // Филологические науки. – 1999. – №2.
40. Березин, Ф.М., Головин, В.Н. Общее языкознание / Ф.М. Березин, В.Н. Головин. – М., 1979.
41. Беркнер, С.С. К вопросу о трансформации устного разговорного текста в письменно-разговорной форме / С.С. Беркнер // Лингвистика текста: Мат-лы научн. конф. Ч.1. – М., 1974.
42. Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л.Э. Бинович. – М., 1995.
43. Большой немецко-русский словарь. 3 т. – М., 1998.
44. Бондаренко, В.Н. Аналитические и синтетические способы выражения модальности в немецком языке / В.Н. Бондаренко // Иностранные языки в школе. – 1978. – №4.
45. Бондаренко, В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В.Н. Бондаренко // Филологические науки. – 1979. – №2.

46. Бондарко, А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1994. – №2.
47. Бондина, О.Н., Марченко М.В. Исследование смысловых связей в лексикке немецкого языка на базе валетности / О.Н. Бондина, М.В. Марченко // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – №4.
48. Бондцио, В. Теория валентности и обучение языку / В. Бондцио // Иностранные языки в школе. – М., 1977. – №5.
49. Борозняк, А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. / А.И. Борозняк. – М., 2014.
50. Брусенская, Л.А., Курочкина, Л.В. Интенциональное использование грамматических форм существительных в современном русском языке / Л.А. Брусенская, Л.В. Курочкина // Филологические науки. – 2001. – №1.
51. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М., 2001.
52. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М., 1993.
53. Вайсгербер, Й.Л. Язык и философия / Й.Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – №2.
54. Василенко, Л.И. Модальные слова как средство авторизации текста / Л.И. Василенко // Филологические науки. – 1984. – №4.
55. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая // Языки русской культуры. – М., 1999.
56. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М., 2001.
57. Влавацкая М.В. Валентность как потенциал языковой синтагматики: лексикографический аспект / М.В. Влавацкая // Грамота. – 2012. – №1.

58. Волков, А.А. Стиль массовой коммуникации и общественно-языковая практика / А.А. Волков // Язык и массовая коммуникация: Язык и социолингвистическое исследование. – М., 1984.
59. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки, 2001. – №1.
60. Вырупаева А.П. Проблема национал-социалистического прошлого в современной немецкой художественной литературе / А.П. Вырупаева // Magistra Vitae. – 2018. – № 2.
61. Габечава, Н. В. К вопросу о внеязыковом характере понятийных категорий / Н.В. Габечава // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития: материалы первой международной школы семинара по когнитивной лингвистике 26-30 мая 1998 года. Ч 1. – Тамбов, 1998.
62. Глушак, Т.С., Балакирев, В.Ф. О статусе отглагольных существительных в языке (на примере производных с суффиксом -ung) / Т.С. Глушак, В.Ф. Балакирев // Иностранные языки в школе. – 1980. – №5.
63. Грошева Г.В. Немецкий дискурс о прошло и проблема соотношения национальной и европейской идентичности немцев (вторая половина XX – начало XXI в.) // Г.В. Грошева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2014. – №3(5)
64. Гулыга, Е.В., Натанзон, М.Д. Грамматика немецкого языка / Е.В. Гулыга, М.Д. Натанзон. – М., 2004.
65. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М., 1984.
66. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль // Язык и интеллект. – М., 1996.
67. Данто, С. Аналитическая философия истории / С. Данто. – М., 2002.

68. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М., 1989.
69. Дейк, Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. ван Дейк. – М., 2013.
70. Деннет, Д. Виды психики: На пути к пониманию сознания / Д. Деннет. – М., 2004.
71. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 2002.
72. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М., 1996.
73. Зеленецкий, А.И., Новожилова, О.В. Теория немецкого языкознания / А.И. Зеленецкий, О.В. Новожилова. – М., 2003.
74. Зиндер, Л.Р., Строева, Т.В. Современный немецкий язык / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. – М.-Л., 1957.
75. Зоммерфельдт, К.-Э., Аудем, Г.-Н. Сопоставительный анализ на основе теории валентности / К.-Э. Зоммерфельдт, Г.-Н. Аудем // Иностранные языки в школе. – 1976. – №2.
76. Зоммерфельдт, К.-Э. О взаимоотношении глагольного вида и валентности / К.-Э. Зоммерфельдт // Иностранные языки в школе. – 1982. – №2.
77. Зоммерфельдт, К.-Э. О классификации немецких отглагольных существительных / К.-Э. Зоммерфельдт // Иностранные языки в школе. – 1985. – №5.
78. Зоммерфельдт, К.-Э. К вопросу о минимуме предожения (валентность и ситуативная завершенность) / К.-Э. Зоммерфельдт // Иностранные языки в школе. – 1975. – №1.
79. Зоммерфельдт, К.-Э. Семантика и валентность имен существительных – наименований деятеля с суффиксом -er / К.-Э. Зоммерфельдт // Иностранные языки в школе. – 1980. – №3.

80. Кацнельсон, С.Д. К проблеме филлморовских «падежей» и предикативной валентности / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1988. – № 1.
81. Кацнельсон, С.Д. О грамматической категории / С.Д. Кацнельсон // Вестник АГУ. – 1948. – №2.
82. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л., 1972.
83. Кибардина, С.М. К определению одновалентности / С.М. Кибардина // Лингвистические исследования. 1ч. – М., 1975.
84. Кибардина, С.М. Основы теории валентности / С.М. Кибардина. – Вологда, 1979.
85. Кибардина, С.М. Валентность немецкого глагола. Авторефер. дисс. докт. филол. наук. / С.М. Кибардина. – Л, 1988.
86. Кобозева, И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – М.,1986.
87. Кобрина, Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке / Н.А. Кобрина // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л.,1989
88. Колеватов, В.А. Социальная память и познание / В.А. Колеватов. – М., 1984.
89. Колесов Д.И., Маслова И.И., Сухова О.А., Шиманская О.К. Историческая память о Второй мировой войне в Германии: этапы формирования / Д.И. Колесов, И.И. Маслова, О.А. Сухова, О.К. Шиманская // Гуманитарные науки. История. – 2018. – №1.
90. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М., 1975.
91. Колшанский, Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики / Г.В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1979. – №6.

92. Колшанский, Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте] / Г.В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.
93. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М., 1984.
94. Колшанский, Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики / Г.В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1979. – №6.
95. Комина, Н.А. Текстообразующая роль коммуникативной интенции / Н.А. Комина // Содержательные аспекты предложения и текста: Сб. науч. тр. – Калинин, 1983.
96. Кораблин, В.В. Валентность имен прилагательных немецкого языка в стилистическом аспекте / В.В. Кораблин. – Киев, 1981.
97. Краткий словарь когнитивных терминов // Под общей редакцией. Е.С. Кубряковой. – М, 1996.
98. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – №4
99. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М., 1997.
100. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995.
101. Кубрякова, Е.С., Александрова, О.В. Виды пространств текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. – М., 1997.
102. Кузнецов, В.Г. Отображение в языке средств массовой информации определенной идеологической картины мира / В.Г. Кузнецов // Текст как отображение картины мира: сб. науч. трудов. – Вып. 341. – М., 1989.
103. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1977.

104. Лангакер, Р. Природа грамматической валентности. (Перевод на русский язык: филфак МГУ им. М.В. Ломоносова) / Р. Лангакер // Вестник МГУ. Серия 9 (филология). – 1998. – №5.

105. Лауфер, Н.И. «Уверен» и «убежден»: два типа эпистемических состояний / Н.И. Лауфер // Логический анализ языка. Ментальный анализ языка. – М., 1993.

106. Левковская, Н.А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? / Н.А. Левковская // Филологические науки. – 1980. – №1.

107. Ленкова, Т.А. Медиатекст в свете текстообразующих стратегий / Т.А. Ленкова. – М, 2011.

108. Лингвистический энциклопедический словарь/ Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990.

109. Локштанова, Л.М. О валентности глагола в современных лингвистических исследованиях / Л.М. Локштанова // Иностранные языки в школе. – 1971. – №1

110. Лоова А.Д., Джондар Б.М. К вопросу о соотношении валентности и управления (на материале немецкого языка) / А.Д. Лоова, Б.М. Джондар // Вестник АГУ. – 2019. – Вып 4.

111. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – Ростов-на-Дону., 1998.

112. Манаенко, Г.Н. О содержании термина «дискурс» / Г.Н. Манаенко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: мат-лы межд. симпозиума 22-24 мая 2003 года. Ч.1: научные статьи. – Волгоград, 2003.

113. Макаров, М.Л. Основные теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003.

114. Маковский, М.М. Валентные отношения в лексике / М.М. Маковский // Иностранные языки в школе. – М., 1968. – №6.

115. Манаенко, Г.Н. О содержании термина «дискурс» / Г.Н. Манаенко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: мат-лы межд. симпозиума 22-24 мая 2003 года. Ч.1. – Волгоград, 2003.
116. Маслова, Н.А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке: монография / Н.А. Маслова. – Казань, 1985.
117. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок: Сб.статей. – М., 1967.
118. Мельников, А.И. Текст художественного произведения как предмет социолингвистического исследования / А.И. Мельников // Коммуникативно-прагматические особенности текстов разных жанров: Сб. научн. тр. Вып. 178. – М., 1981.
119. Менджерицкая, Е.О. Публицистика как тип дискурса / Е.О. Менджерицкая // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып.7. – М., 1999.
120. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М., 2000.
121. Мещанинов, И.И. Понятийные категории в языке / И.И. Мещанинов // Труды военного института иностранных языков. – М., 1945.
122. Михалева, О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М, 2009.
123. Москальская, О.И. Грамматика немецкого языка / О.И. Москальская. – М.,1956.
124. Москальская, О.И. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью / О.И. Москальская // Вопросы языкознания. – 1961. – №5.
125. Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М., 1981.

126. Москальская, О.И. Системный подход к синтаксису предложения / О.И. Москальская // Иностранные языки в школе. – 1971. – №6.
127. Никитин, М.В. Предел семиотики / М.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1997. – №1.
128. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1990.
129. Омельченко, Л.Ф. Внутренняя валентность сложных глаголов в современном английском языке / Л.Ф. Омельченко // Иностранные языки в школе. – 1976. – №6.
130. Остин, Дж. Избранное / Дж. Остин. – М., 1999.
131. Павлов, В.М. Теория поля в грамматике и «промежуточные» явления как единства противоположностей (на примере исторического синтаксиса девербальных номинализаций в немецком языке) / В.М. Павлов // Теоретические проблемы функциональной грамматики: мат-лы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 26-28 сентября 2001 г.). – СПб., 2001.
132. Панфилов, В.З. Язык, мышление, культура / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания – 1975. – №1.
133. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – №4.
134. Петрянина О.В. Валентностные потенции глаголов пространственной локализации в немецком языке / О.В. Петрянина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т.13. Вып. 4
135. Пешё, М. Как читают тексты во Франции / М. Пешё // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
136. Попова, Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е.А. Попова // Филологические науки. – 2002. – №3.

137. Плотникова С.Н. Дискурсивный анализ диалогов персонажей художественного произведения / С.Н. Плотникова // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития/ Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 26-30 мая 1998 года. Ч.1. – Тамбов,1998. - С.61-63.#
138. Протасова, Е.Ю. Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языкознания / Е.Ю. Протасова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1.
139. Пыриков А.В. Скрытые валентностные потенции немецких глаголов и имен существительных: научная монография / А.В. Пыриков. – Барнаул, 2019.
140. Пыриков, А.В. Логическая соотнесённость валентности и валентностных свойств немецких существительных / А.В. Пыриков // Актуальные проблемы гуманитарного знания: мат-лы рег. науч.-практ. конференции молодых учёных. – Барнаул, 2004.
141. Пыриков, А.В. Валентно-связанный характер определений в немецком языке / А.В. Пыриков // Вестник молодых учёных. – Горно-Алтайск, 2004.
142. Пыриков, А.В. Проблематика уровней валентности / А.В. Пыриков // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – Барнаул, 2006.
143. Пыриков, А.В. Валентностные свойства некоторых немецких существительных / А.В. Пыриков // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы II междунар. научно-практ. конф. Ч.I. – Барнаул, 2006.
144. Радченко, О.А. Лингвофилософский неоромантизм Й.Л. Вайсгербера / О.А. Радченко // Вопросы языкознания. – 1993. – №2.
145. Ревзина, О.Г. Язык и дискурс / О.Г. Ревзина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1.

146. Реферовская, Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е.А. Реферовская. – Л., 1989.
147. Романова К.С. Дискурсы исторической памяти / К.С. Романова // Дискурс-ПИ. – 2016. – №3-4.
148. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. – М.,1999.
149. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) / П. Серио // Семиотика: Антология. – М., 2001.
150. Серль, Дж.Р. Прагматика интенциональных состояний / Дж.Р. Серль // Философия, логика, язык. – М., 1987.
151. Серл, Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл. – М., 2002.
152. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. – М., 1999.
153. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – М., 2002.
154. Современный словарь иностранных слов. – М., 1993.
155. Спиркин, А.Г. Философия / А.Г. Спиркин. – М., 1998.
156. Станиславский, Д.Н. Барбашов, В.П. Роль творческой личности Эккехарда Мааса в обеспечении онтологической безопасности (на материале переводов песен Владимира Высоцкого и Булата Окуджавы) / В.П. Барбашов, Д.Н. Станиславский // Онтологическая безопасность алтайско-азиатского фронтира: актуальные проблемы транснациональных медиаисследований. Выпуск 1: сборник статей I международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2019.
157. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995.
158. Степанова, М.Д. О «внешней» и «внутренней» валентности слова / М.Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1967. – №3.

159. Степанова, М.Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике / М.Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1973. – №6.
160. Степанова, М.Д. Проблемы немецкого словообразования в современной зарубежной германистике / М.Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1969. – №1.
161. Степанова, М.Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике / М.Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1973. – №6.
162. Степанова, М.Д. Теория валентности и валентный анализ (на материале немецкого языка) / М.Д. Степанова. – М. 1973.
163. Степанова, М.Д., Фляйшер, В. Теоретические основы словообразования в немецком языке / М.Д. Степанова, В. Фляйшер. – М., 1984.
164. Степанова, М.Д., Хельбиг, Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М.Д. Степанова, Г.Хельбиг. – М., 1978.
165. Степанова М.Д., Чернышёва, И.И. Лексикология современного немецкого языка / М.Д. Степанова, И.И. Чернышёва. – М., 2003.
166. Сусов И.П. Семантическая структура предложения (на материале простого предложения современного немецкого языка) / И.П. Сусов. – Тула, 1973.
167. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М., 1988.
168. Теплякова Е.К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе: на материале современного немецкого языка: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. / Е.К. Теплякова. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. – 17с.
169. Тураева, З.Я. Лингвистика текста и категория модальности / З.Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – №3.

170. Тюкина Л.А. Память и историческая память: соотношение понятий / Л.А. Тюкина // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – №1.
171. Фесенко, Т.А. Лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта в контексте семиотики / Т.А. Фесенко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – №2.
172. Филичева, Н.И. Глаголы с комплексной валентностью и особенности их функционирования в речи / Н.И. Филичева // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Вып.1. – М., 1968.
173. Филичева, Н.И. О словосочетании в современном немецком языке / Н.И. Филичева. – М., 1969.
174. Филичева, Н.И. Синтаксические поля / Н.И. Филичева. – М., 1977.
175. Франк, Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // Зарубежная лингвистика II. – М., 1999.
176. Халина, Н.В. Исторический метод исчисления душевной связи и переживания (о политической истории по существу) / Н.В. Халина // Политическая история в эвристико-лингвистическом ракурсе. – Барнаул, 2006.
177. Халина, Н.В. Теоретические дескрипции языка / Н.В. Халина. – Барнаул, 2006.
178. Харитонова, И.Я., Гавриш, А.М. Синтаксические единицы в речевой коммуникации (на материале немецких конструкций с предикатными актантами) / И.Я. Харитонова, А.М. Гавриш // Языковые единицы в речевой коммуникации: межвуз. сборник ЛГУ. – Ленинград, 1991.
179. Хорольская М.В. Преодоление прошлого и переосмысление истории ГДР в современной Германии / М.В. Хорольская // Россия и современный мир. История и археология. – 2019. – №1.

180. Черкасова, Н.А. Валентность глаголов-англицизмов в системе немецкого языка / Н.А. Черкасова // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка. Сборник науч.трудов. – Липецк, 2020.

181. Черняховская, Л.А. Членение и объединение предложений при переводе с целью сохранения компонентов смысловой структуры / Л.А. Черняховская // Иностранные языки в школе. – 1971. – №4.

182. Чернышова, Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т.В. Чернышова – М., 2013.

183. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа / В.Е. Чернявская // Филологические науки. – 2003. – №3.

184. Чесноков, П.В. Неогумбольдтианство / П.В. Чесноков // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. – М., 1977.

185. Чубарова, Н.А. Глаголы с атрибутивной валентностью в современном немецком языке / Н.А. Чубарова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – №1.

186. Шабес, В.Я. Событие и текст: монография / В.Я. Шабес. – М., 1989.

187. Шатуновский, И.Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумция, прагматика / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988.

188. Шатуновский, И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. – М., 1989.

189. Шевченко, А.Ю. Дискурс-анализ политических медиа-текстов / А.Ю. Шевченко // Полис: Политические исследования. – 2002. – №6.

190. Шевченко В.Д. О взаимодействии художественного и публицистического дискурсов / В.Д. Шевченко // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – №3.
191. Шендельс, Е.И. Практическая грамматика немецкого языка / Е.И. Шендельс. – М., 1979.
192. Штайнмайер, Ф.-В. Преодолевая разделение / Ф.-В. Штайнмайер // Deutschland. Помнить и чтить память: спецвыпуск. – 2014.
193. Юнг, В. Грамматика немецкого языка / В. Юнг. – СПб., 1996.
194. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.
195. Admoni, W.G. Der deutsche Sprachbau / W.G. Admoni. – Л., 1960.
196. Agricola, E. Die deutsche Sprache / E. Agricola. – 2. Bd. – Leipzig, 1970.
197. Abramow, B. Zu einigen Problemen der Valenztheorie / B. Abramow // Valenz, semantische Kasus und/oder «Szenen». Linguistische Studien. – Leipzig,1988.
198. Apitz, B. Nackt unter Wölfen / B. Apitz. – Halle, 1958.
199. Arssenjewa, M.G. Grammatik der deutschen Sprache / M.G Arssenjewa. – M., 1963.
200. Austin J.L. Zur Theorie der Sprechakte / J.L. Austin. – Stuttgart, 1972.
201. Bank, Z. Der Schwimmer / Z. Bank. – Frankfurt-am-Main, 2002.
202. Baßler, M. Der deutsche Pop-Roman / M. Baßler. – München, 2002.
203. Becker, F., Gerhard, U., Link, J. Moderne Kollektivsymbolik. Ein diskurstheoretisch orientierter Forschungsbericht mit Auswahlbibliographie / F. Becker, U. Gerhard, J. Link // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. – 1997. – 22. Bd. – 1. Heft
204. Beckermann, A. Analytische Einführung in die Philosophie des Geistes / A. Beckermann. – Berlin; New-York, 2001.
205. Belger, H. Wo bist du, Vater? / H. Belger. – M., 1994.
206. Böll, H. Erzählungen und Aufsätze / H. Böll. – M.,1968.

207. Bondzio, W. Das Wesen der Valenz und ihre Stellung im Rahmen der Satzstruktur / W. Bondzio // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. – Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1963. – Jg.18. – H2.

208. Bondzio, W. Valenz, Bedeutung und Satzmodelle / W. Bondzio // Beiträge zur Valenztheorie. – Halle (Saale), 1971.

209. Bondzio, W. Wortbedeutung und syntaktische Realisierungsmodelle. Materialien zur semantischen Valenztheorie / W. Bondzio // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. – 1982. – №5.

210. Bondzio, W. Modifikatoren – Wortbildung – Pronomen. Stidien zur semantischen Valenztheorie / W. Bondzio // Sprache. System und Tätigkeit. – Frankfurt-am-Main, 2002. – 42. Bd.

211. Charitonowa, I.J. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache / I.J. Charitonowa. – Kiev, 1976.

212. Daneš, F. Satzglieder und Satzmuster / F. Daneš // Beiträge zu Problemen der Satzglieder. – Leipzig,1978.

213. Dedecius, K. Mein Rußland in Gedichten. – München, 2003.

214. Der Brockhaus: in einem Band. – Leipzig; Mannheim., 1996.

215. Drews, A., Gerhard, U., Link, J. Moderne Kollektivsymbolik. Eine diskurstheoretisch orientierte Einführung mit Auswahlbibliographie / A. Drews, U. Gerhard, J. Link // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. – 1985. – 1.Sonderheft Forschungsreferate.

216. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim; Wien; Zürich, 1989.

217. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Duden. – Mannheim; Wien; Zürich, 1984

218. Duden: Sinn- und sachverwandte Wörter: Wörterbuch für den treffenden Ausdruck. – Mannheim; Wien; Zürich, 1986.

219. Efremova, N. Deutsche Grammatik. Учебное пособие для студентов факультетов иностранных языков / N. Efremova. – Барнаул, 2000.
220. Ende, M. Momo / M. Ende. – Stuttgart, 1993.
221. Engel, U. Deutsche Grammatik / U. Engel. – Heidelberg: Groos, 1988.
222. Engel, U. Deutsche Grammatik-3 / U. Engel. - Heidelberg: Groos, 1996.
223. Engel, U. Syntaktische Besonderheiten der deutschen Alltagssprache / U. Engel // Sprache der Gegenwart. Gesprochene Sprache. – Band XXVI. – Düsseldorf, 1974.
224. Engel, U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache / U. Engel. – Berlin, 1982.
225. Engelen, B. Einführung in die Syntax der deutschen Sprache / B. Engelen. – Baltmannsweiler, 1984.
226. Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben. – Berlin, 1966.
227. Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben. – Berlin, 1967.
228. Erben, J. Deutsche Grammatik. Ein Abriß. / J. Erben. – München, 1980.
229. Flämig, W. Valenztheorie und Schulgrammatik / W. Flämig // Beiträge zur Valenztheorie. – Halle (Saale), 1971.
230. Foucault, M. Archäologie des Wissens / M. Foucault. – Frankfurt-am-Main, 1988.
231. Frisch, M. Homo faber [Text] / M. Frisch. – Baden-Baden, 1979.
232. Glinz, H. Die innere Form des Deutschen / H. Glinz. – Bern, 1961.
233. Grosser, A. Deutschlands Weg nach Europa / A. Grosser // Deutschland. – 1998. – №6.
234. Grosser, A., Reiter, J. 15 deutsche Jahre / A. Grosser., J. Reiter // Deutschland. – 2005. – №4.
235. Gude, H., Hammerstein, K. von., Müller, P., Schindler, J. Attacke im Nebel / H. Gude, K. Hammerstein, P. Müller, J. Schindler // Spiegel. – 2013. – №33.

236. Günther, M. AGENDA 2000: Schwerpunkte und Ziele der deutschen EU-Ratspräsidentschaft / M. Günther // Deutschland. – 1998. – №6.
237. Gulyga, E.W., Nathanson M.D. Syntax der deutschen Gegenwartssprache / E.W. Gulyga, M.D. Nathanson. – M., 1966.
238. Habermas, J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Frankfurt-am-Main, 1984.
239. Hohler, F. Die Torte und andere Erzählungen / F. Hohler. – München, 2006.
240. Helbig, G., Buscha, J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig, 1974.
241. Helbig, G., Buscha, J. Kurze deutsche Grammatik für Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig, 1976.
242. Helbig, G. Probleme der Valenztheorie / G. Helbig // DaF. – 1970. – №3.
243. Helbig, G. Valenz – Satzglieder – semantische Kasus – Satzmodelle / G. Helbig. – Leipzig, 1982.
244. Helbig, G. Valenz und Kommunikation / G. Helbig // DaF. – 1985. – №3.
245. Helbig, G. Zu einigen Spezialproblemen der Valenztheorie / G. Helbig // DaF. – 1971. – №5.
246. Helbig, G. Zu umstrittenen Fragen der substantivischen Valenz / G. Helbig // DaF.– 1986. – №4.
247. Helbig, G., Schenkel, W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben / G. Helbig, W. Schenkel. – Leipzig, 1978.
248. Hennig, M. Wie obligatorisch ist die Realisierung der Valenzpotenz in gesprochener Sprache? / M. Hennig // Die Valenztheorie. Bestandsaufnahme und Perspektiven. Dokumentation einer wissenschaftlichen Tagung in Sibiu. – Frankfurt-am-Main, 2004.
249. Hentschel, E., Weydt, H. Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. – Berlin; New York., 1994.
250. Herrmann, K. Orpheus im Frack / K. Herrmann. – Berlin, 1964.
251. Hofmann, G. Das Reformpaket / G. Hofmann // Deutschland. – 2004. – №1.

252. Hofmann, G. Zeit für Reformen / G. Hofmann // Deutschland. – 2005. – №6.
253. Hohler, F. Die Torte und andere Erzählungen / F. Hohler. – München, 2006.
254. Ischinger, W. Gegenseitiges Vertrauen / W. Ischinger // Deutschland. – 2005. – №1.
255. Jäger, S. Diskurs und Wissen. Theoretische und methodische Aspekte einer Kritischen Diskurs- und Dispositivanalyse / S. Jäger // Handbuch Sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Theorien und Methoden. Bd.1. – Opladen, 2001.
256. Janning, J. Europas historische Stunde / J. Janning // Deutschland. – 2004. – №2.
257. Janning, J. Zukunft Europa / J. Janning // Deutschland. – 2001. – №1.
258. Jung, A. Süchtig nach Wachstum / A. Jung // Spiegel Geschichte. – 2009. – №2.
259. Jung, A. Nationales Trauma / A. Jung // Spiegel Geschichte. – 2009. – №4.
260. Jedig, H. Deutsche Grammatik. Syntax / H. Jedig. – Tomsk, 1967.
261. Johansen, H. Lena / H. Johansen. – München-Wien, 2002.
262. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache / W. Jung. – Leipzig, 1966.
263. Karau, G. Berliner Liebe / G. Karau. – Berlin, 1984.
264. Kharitidi, O. Das weiße Land der Seele / O. Kharitidi. – Berlin, 2002.
265. Kocka, J. Vor dem Jahrtausendwechsel: Was nehmen wir in die Zukunft / J. Kocka // Deutschland. – 1999. – №6.
266. Konsalik, H.G. Eine glückliche Ehe / H.G. Konsalik. – München, 1991.
267. Konsalik, H. G. Wie ein Hauch von Zauberblüten / H.G. Konsalik. – München, 1991.
268. Korte, K.-R. Deutschland wählt / K.-R. Korte // Deutschland. – 2013. – №2.
269. Krumpey, H. Präsident des Vertrauens / H. Krumpey // Focus. – 2005. – №26.
270. Krumpey H., Pörtner R., Wiegold Th. Vielflieger Schröder / H., Krumpey // Focus. – 2005. – №21.

271. Kuße, H. Diskurs und Metadiskurs als linguistische Objekte. Theoretische Anmerkungen zu den Begriffen / H. Kuße // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. сб. науч. трудов. – М., 2003.
272. Langenscheidts Großwörterbuch: Deutsch als Fremdsprache. – Berlin; München; Wien; Zürich; New York,1997.
273. Latour, B. Verbvalenz. Eine Einführung in die dependentielle Satzanalyse des Deutschen / B. Latour. – München, 1985.
274. Link, J. Kollektivsymbolik und Mediendiskurse / J. Link // Kulturrevolution. – 1982. – № 1.
275. Link, J. Was ist und was bringt Diskurstaktik / J. Link // Kulturrevolution. – 1983. – № 2.
276. Logačeva, E.P. Grundfragen der Valenztheorie. (Zu Strategie und Taktik des Aufbaus des deutschen Satzes) / E.P. Logačeva // DaF. – 1990. – №2.
277. Maas, U. Als der Geist der Gemeinschaft einer Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus / U. Maas. – Opladen, 1994.
278. Marshal, M. Zukunftsprogramm: Das Reformpaket 2000 / M. Marshal // Deutschland. – 2000. – №4.
279. Meibauer, J. Pragmatik: eine Einführung / J. Meibauer. – Tübingen, 1999.
280. Moskalskaja, O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O.I. Moskalskaja. – M., 1975.
281. Moskalskaja, O.I. Die Satzglieder aus satzsemantischer und syntagmatischer Sicht / O.I. Moskalskaja // Beiträge zu Problemen der Satzglieder. Linguistische Studien. – Leipzig, 1978.
282. Motsch, W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen. Schriften des Instituts für deutsche Sprache. Band 8. / W. Motsch. – Berlin; New York, 1999.
283. Müller, G. Der Rekord- Kanzler / G. Müller // Stern. – 1996. – №42.
284. Müller, H. 50 Jahre NATO: Garant für Frieden und Freiheit in Europa. Deutschlands Rolle im westlichen Verteidigungsbündnis / H. Müller // Deutschland. – 1999. – №2.

285. Noll, D. Die Abenteuer des Werner Holt. Zwei Bände / D. Noll. – Berlin-Weimar, 1967.
286. Orth, M. Ein Quadrat geht um die Welt / M. Orth // Deutschland. – 2010. – №4.
287. Oschlies, W. Perspektiven für den Balkan: Der Stabilitätspakt / W. Oschlies // Deutschland. – 1999. – №4.
288. Pankratova, S.M. Die Valenz somatischer Phraseologismen und ihre Bedeutung für den Fremdsprachenunterricht / S.M. Pankratova // DaF. – 1983. – №5.
289. Rau, J. Der Fall der Berliner Mauer – das Ende der Teilung Europas / J. Rau // Deutschland. – 1999. – №5.
290. Richter, P. Gedanken / P. Richter // Deutschland. – 2004. – №2.
291. Schayan, J. Erinnern als Basis – für die Zukunft in Europa / J. Schayan // Deutschland. – 1999. – №5.
292. Schayan, J. Holocaust-Mahnmal / J. Schayan // Deutschland. – 2005. – №2.
293. Schenkel, W. Zur Bedeutungsstruktur deutscher Verben und ihrer Kombinirbarkeit mit Substantiven / W. Schenkel. – Leipzig, 1976.
294. Schmidt, W. Deutsche Sprachkunde / W. Schmidt. – Berlin, 1967.
295. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre / W. Schmidt. – Berlin, 1967.
296. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin, 1973.
297. Schumacher, H. Wirtschaft: Standort mit Pluspunkten / H. Schumacher // Deutschland. – 2005. – №4.
298. Schulz, D., Griesbach, H. Grammatik der deutschen Sprache / D. Schulz, H. Griesbach. – München, 1978.
299. Schwarz, M., Chur, J. Semantik. Ein Arbeitsbuch / M. Schwarz, J. Chur. – Tübingen, 1996.

300. Seydewitz, R. Wenn die Madonna reden könnte / R. Seydewitz. – Leipzig-Jena-Berlin, 1966.
301. Sommer, Th. Der 9. November 1989: Die Zeitwende / Th. Sommer // Deutschland. – 1999. – №5.
302. Sommerfeldt, K.-E., Schreiber, H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive / K.-E. Sommerfeldt, H. Schreiber. – Leipzig, 1980.
303. Sommerfeldt, K.-E., Schreiber, H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive / K.-E. Sommerfeldt, H. Schreiber. – Leipzig, 1974.
304. Sommerfeldt, K.-E., Schreiber, H. Untersuchungen zur syntaktischen und semantischen Valenz deutscher Adjektiv / K.-E. Sommerfeldt, H. Schreiber // DaF. – 1971. – №4.
305. Sommerfeldt, K.-E. Zur Besetzung der Leerstellen von Valenzträgern / K.-E. Sommerfeldt // DaF. – 1973. – №2.
306. Sommerfeldt, K.-E. Zu einigen Problemen der Beschreibung der Valenz deutscher Prädikate / K.-E. Sommerfeldt // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – Berlin, 1982.
307. Sommerfeldt, K.-E. Zur Valenz des Adjektivs / K.-E. Sommerfeldt // DaF. – 1971. – №2. – S.113-117.
308. Sprachzeiten: Der Literarische Salon von Ekke Maaß. Eine Dokumentation von 1978 bis 2016. – Bonn, 2017.
309. Stahlmann, F. Annas Mann / F. Stahlmann. – München, 2004.
310. Staak, M. 50 Jahre Bundeswehr / M. Staak // Deutschland. – 2005. – №4.
311. Steinbach, P. Widerstand gegen Hitler / P. Steinbach // Deutschland. – 2004. – №3.
312. Steinle, B. Kundus / B. Steinle // Deutschland. – 2004. – №3.
313. Stepanowa, M.D. Wortarten und das Problem der Valenz in der deutschen Gegenwartssprache / M.D. Stepanowa. – Leipzig, 1981.
314. Thierse, W. Wir können hoffnungsvoll nach vorne blicken / W. Thierse // Deutschland. – 1999. – №6.

315. Thierse, W. Der neue Papst / W. Thierse // Deutschland. – 2005. – №3.
316. Viehweger, D. Satzsemantische Komponenten und Textstruktur / D. Viehweger // Zeitschrift für Germanistik. – Leipzig, 1981. – №4.
317. Wahrig: Deutsches Wörterbuch. – Gütersloh, 1997.
318. Wedemeyer G., Heier V., Ochmann F., Wagner L. Armer Patient: Können Sie es sich leisten, krank zu werden? / G. Wedemeyer, V. Heier, F. Ochmann, L. Wagner // Stern. – 1996. – №48.
319. Weidenfeld, W. Wege in die Zukunft / W. Weidenfeld // Deutschland. – 2013. – №2.
320. Weisgerber, L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Die inhaltbezogene Grammatik / L. Weisgerber. – Düsseldorf, 1953.
321. Weisgerber, L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Die sprachliche Erschließung der Welt / L. Weisgerber. – Düsseldorf, 1953.
322. Weisgerber, L. Zweimal Sprache. Deutsche Linguistik 1973 – Energetische Sprachwissenschaft / L. Weisgerber. – Düsseldorf, 1973.
323. Wiegold, Th. Weltweit einsatzbereit / Th. Wiegold // Focus. – 2005. – №23.
324. Wiegold, Th. Weltweit einsatzbereit / Th. Wiegold // Focus. – 2005. – №23.
325. Wolf-Doettinchem, L. Tschüs, D-Mark., hallo Euro / L. Wolf-Doettinchem // Stern. – 1998. – №2.
326. Wunderlich, D. Studien zur Sprechakttheorie / D. Wunderlich. – Frankfurt am Main, 1976.
327. Wunderlich, D. Wie kommen wir zu einer Typologie der Sprechakte? / D. Wunderlich // Neuphilologische Mitteilungen. – 1987.
328. Zarbach-Peter, T. Verb und Valenz. Kontrastive Untersuchungen der ungarischen und der deutschen Gegenwartssprache unter valenztheoretischem Aspekt / T. Zarbach-Peter. – Berlin, 2005.

Научное издание

Владимир Петрович Барбашов
Алексей Владимирович Пыриков

ВАЛЕНТНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОСНОВНЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КЛАССОВ СЛОВ ПРИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ (на материале немецкого языка)

Монография

Подписано в печать 12.05.2023. Формат 60x84 1/16.
Печать – цифровая. Усл.п.л. 14,65.
Тираж 500 экз. Заказ 2023 – 15.

Отпечатано в типографии АлтГТУ,
656038, г. Барнаул, пр-т Ленина, 46
тел.: (8–3852) 29–09–48

Лицензия на полиграфическую деятельность
ПЛД №28–35 от 15.07.97 г.